

ISSN 2072-3156 (PRINT)

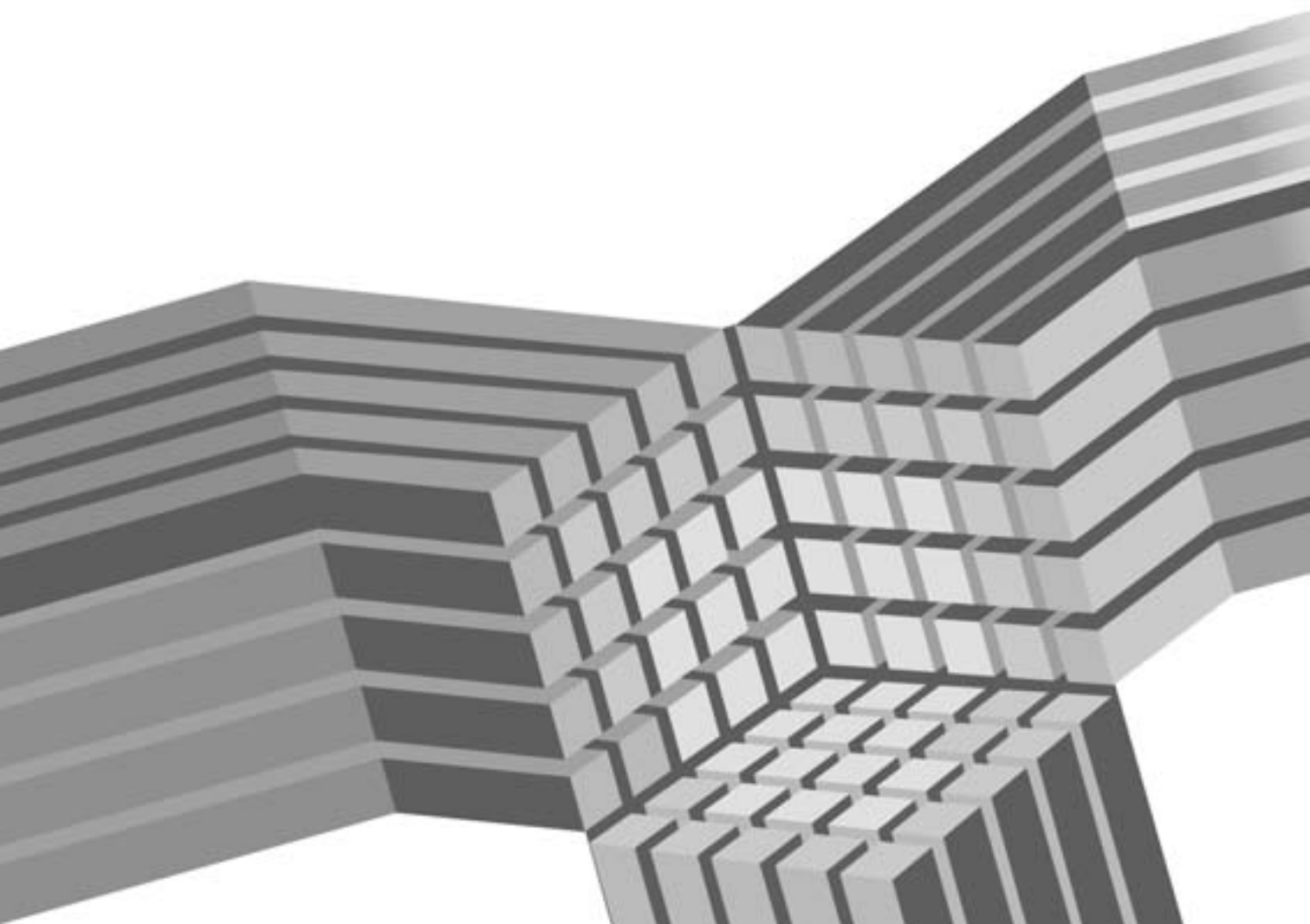
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 15

6/2018

OBSERVATORY
OF CULTURE

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Отдел периодических изданий
Российской государственной библиотеки

Никонорова Екатерина Васильевна,
главный редактор, доктор философских
наук, профессор

Шибаетава Екатерина Александровна,
заместитель главного редактора —
ответственный секретарь

Гаджиева Анна Аркадьевна,
заместитель заведующей отделом
периодических изданий — заместитель
главного редактора

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Астафьева Ольга Николаевна,
доктор философских наук, профес-
сор, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Москва)

Дианова Валентина Михайловна,
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)

Дуков Евгений Викторович,
доктор философских наук, кандидат
искусствоведения, профессор, Госу-
дарственный институт искусствознания
(Москва)

Егоров Владимир Константинович,
доктор философских наук, кандидат
исторических наук, профессор, заслу-
женный деятель науки Российской Феде-
рации, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Москва)

Зверева Галина Ивановна,
доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный гуманитар-
ный университет (Москва)

Кириллова Наталья Борисовна,
доктор культурологии, профессор,
Уральский федеральный университет
им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Любимов Борис Николаевич,
кандидат искусствоведения, заслужи-
женный деятель искусств Российской Феде-
рации, профессор, Высшее театральное
училище (институт) им. М.С. Щепкина
(Москва)

Никонорова Екатерина Васильевна,
главный редактор, доктор философских
наук, профессор, Российская государ-
ственная библиотека (Москва)

Разлогов Кирилл Эмильевич,
доктор искусствоведения, профессор,
НИИ киноискусства, Всероссийский
государственный университет кинемато-
графии им. С.А. Герасимова (Москва)

Рубинштейн Александр Яковлевич,
доктор философских наук, кандидат
экономических наук, профессор, за-

служенный деятель науки Российской
Федерации, Институт экономики РАН,
Государственный институт искусствозна-
ния (Москва)

Румянцев Олег Константинович,
доктор философских наук (Москва)

Рязанова-Кларк Лара,
PhD по филологии, член Королевского
лингвистического общества, Центр
русской культуры им. Е. Дашковой, Эдин-
бургский университет (Великобритания)

Самарин Александр Юрьевич,
доктор исторических наук, доцент,
Российская государственная библиотека
(Москва)

Синецкий Сергей Борисович,
доктор культурологии, доцент, Челяби-
нский государственный институт культуры
(Челябинск)

Сиповская Наталия Владимировна,
доктор искусствоведения, Государствен-
ный институт искусствознания (Москва)

Федоров Виктор Васильевич,
председатель Редакционного совета, кан-
дидат экономических наук, Российская
государственная библиотека (Москва)

Фёрингер Маргарет,
PhD по истории искусств, Центр лите-
ратурных и культурных исследований
(Берлин, Германия)

Флиер Андрей Яковлевич,
доктор философских наук, профессор,
почетный работник высшего профес-
сионального образования Российской
Федерации, Российский научно-иссле-
довательский институт культурного и
природного наследия им. Д.С. Лихачева
(Москва)

Хромов Олег Ростиславович,
доктор искусствоведения,
действительный член Российской
академии художеств, Московская Ду-
ховная академия Русской Православной
Церкви (Сергиев Посад)

Шлыкова Ольга Владимировна,
доктор культурологии, профессор,
Арктический государственный институт
культуры и искусств (Москва, Якутск)

Штейнер Евгений Семенович,
доктор искусствоведения, Национальный
исследовательский университет Высшая
школа экономики (Москва); Центр по
изучению Японии при Школе востоко-
ведения и африканистики Лондонского
университета (Великобритания)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Отдел периодических изданий
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия
тел.: +7 (499) 557-04-70,
доб. 11-75
e-mail: observatoria@rsl.ru
http://observatoria.rsl.ru

EDITORIAL BOARD

Editor in Chief

Ekaterina V. Nikonorova,
Doctor of Philosophical Sciences

Deputy Editors in Chief

Ekaterina A. Shibaeva
Anna A. Gadzhieva

EDITORIAL COUNCIL

Olga N. Astafieva (Moscow)
Valentina M. Dianova (St. Petersburg)
Evgeny V. Dukov (Moscow)
Vladimir K. Egorov (Moscow)
Galina I. Zvereva (Moscow)
Natalia B. Kirillova (Ekaterinburg)
Boris N. Lyubimov (Moscow)
Ekaterina V. Nikonorova (Moscow)
Kirill E. Razlogov (Moscow)
Alexander Ya. Rubinstein (Moscow)
Oleg K. Roumyantsev (Moscow)
Lara Ryazanova-Clarke (Edinburgh, UK)
Aleksandr Yu. Samarina (Moscow)
Sergey B. Sinetskii (Chelyabinsk)
Natalia V. Sipovskaya (Moscow)
Victor V. Fedorov (Moscow)
Margaret Vöringer (Berlin, Germany)
Andrei Ya. Flier (Moscow)
Oleg R. Khromov (Sergiev Posad)
Olga V. Shlykova (Moscow, Yakutsk)
Evgeny S. Steiner (Moscow, Russia; London, UK)

**Certificate of the mass information media
registration**

П/И № 77-16687, date 10.11.2003
Published since 2004

Founder and Publisher
Russian State Library

Address

Journal Publishing Department
Vozdvizhenka St., 3/5
Moscow, 119019, Russia
tel.: +7 (499) 557-04-70, ext 11-75
e-mail: observatoria@rsl.ru
http://observatoria.rsl.ru

ISSN 2072-3156 (PRINT)
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 15

6/2018

OBSERVATORY
OF CULTURE

Научный рецензируемый журнал «Обсерватория культуры» издается Российской государственной библиотекой с 2004 года. С 2016 г. выпускается в томах, введена сквозная нумерация страниц. 2018 год является 15-м годом выхода издания, что отражается в номере тома.

«Обсерватория культуры» публикует оригинальные, не издававшиеся ранее научные статьи и иные материалы научного характера по культуре и искусству в соответствии с тематикой основных разделов по следующим отраслям науки и группам специальностей:

- ◆ 09.00.00 Философские науки;
- ◆ 17.00.00 Искусствоведение;
- ◆ 24.00.00 Культурология.

С 2007 г. входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации.

Включен в Российский индекс научного цитирования и публикует в открытом доступе метаданные статей и списки источников на русском и английском языках.

Официальный сайт: <http://observatoria.rsl.ru/>

The peer-reviewed scholarly journal «Observatory of Culture» has been published by the Russian State Library since 2004. In 2016, the journal started to be issued in volumes with continuous page numbering. 2018 is the 15th year of the journal's publishing, which is indicated in the number of volume.

The Editorial Staff accepts only original research papers and other research materials on culture and arts, which have never been published elsewhere and comply with the main subject sections. The main researching areas of the journal are:

- ◆ Philosophical Science;
- ◆ Art Studies;
- ◆ Cultural Science.

For more information, see the official site of the journal:
<http://observatoria.rsl.ru/>

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 15 6/2018 OBSERVATORY
OF CULTURE

КОНТЕКСТ

Фортунатова В.А., Валеева Е.В. Архетипизация как идеология и технология образовательного процесса.....644

КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Горбунова А.В. Электронные издания по культуре и искусству в библиотеках России (по материалам всероссийских смотров-конкурсов).....658

Чудинова В.П. Чтение и литературные предпочтения школьников поколения Z: социокультурный контекст.....668

В ПРОСТРАНСТВЕ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Оганезов А.Э. Междисциплинарность и совместное кинопроизводство в антропологическом кино.....682

Астафьева О.Н., Кузьмина Н.В. «Интересное» в эстетическом ландшафте города.....693

НАСЛЕДИЕ

Плешкевич Е.А. Отношение древних греков к письму: тайна одной загадки708

Ендольцева Е.Ю. Группа рельефов из поселка Мрамба (Республика Абхазия): уточнение датировки719

Трифилова Е.С. Terra incognita отечественного книговедения: к вопросу о применении и локализации концепта «Русский Север».....729

КАФЕДРА

Комарова А.В. Субкультура мужских союзов как социокультурный институт в современных обществах740

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Герасимова Н.В. Взаимодействие Государственного музейного фонда и музеев Татарской АССР в 1920-е годы754

Указатели материалов, опубликованных в 1–6 номерах журнала «Обсерватория культуры» за 2018 год [составитель Ю.Н. Баранчук]764

к сведению авторов

Требования к информации и статьям, предоставляемым для публикации в журнале «Обсерватория культуры»768

OBSERVATORY
of CULTURE

VOL. 15

6/2018

ОБСЕРВАТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

CONTEXT

Fortunatova V.A., Valeeva E.V. Archetypification as the Ideology and Technology of Educational Process.....644

CULTURAL REALITY

Gorbunova A.V. Electronic Publications on Culture and Art in Russian Libraries (Based on the Materials of All-Russian Competitions).....658

Chudinova V.P. Reading and Literary Preferences of Generation Z Schoolchildren: Socio-Cultural Context668

IN SPACE OF ART
AND CULTURAL LIFE

Oganezov A.E. Interdisciplinarity and Collaborative Filmmaking in Anthropological Cinema682

Astafyeva O.N., Kuzmina N.V. “Interesting” in the Aesthetic Landscape of the City.....693

HERITAGE

Pleshkevich E.A. The Attitude of Ancient Greeks to Writing: A Mystery’s Secret708

Endoltseva E.Yu. A Group of Reliefs from the Village of Mramba (Republic of Abkhazia): Refinement of the Dating719

Triflova E.S. Terra Incognita of Russian Bibliology: On Application and Localization of the Concept of “Russian North”729

CURRICULUM

Komarova A.V. The Subculture of Male Unions as a Socio-Cultural Institution in Modern Societies.....740

JOINT OF TIME

Gerasimova N.V. The Interaction of the State Museum Fund and Museums of the Tatar ASSR in the 1920s754

Index of the Materials Published in the Issues 1–6’2018 of “Observatory of Culture” Journal.....764

Information for Authors

Requirements to Information and Articles Submitted for Publication in Observatory of Culture Journal768

УДК 37.017
 ББК 74в
 DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-6-644-657

В.А. ФОРТУНАТОВА, Е.В. ВАЛЕЕВА

АРХЕТИПИЗАЦИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Вера Алексеевна Фортунатова,
 Нижегородский государственный университет
 им. Н.И. Лобачевского,
 Институт экономики и предпринимательства,
 кафедра культуры и психологии
 предпринимательства,
 профессор,
 Ленина пр., д. 27,
 Нижний Новгород, 603140, Россия
 доктор филологических наук
 E-mail: fortunatova2@mail.ru

Елена Викторовна Валева,
 Нижегородский государственный университет
 им. Н.И. Лобачевского,
 Арзамасский филиал,
 кафедра русского языка и литературы,
 доцент,
 К. Маркса ул., д. 36,
 Арзамас, Нижегородская обл., 607220, Россия
 кандидат филологических наук
 E-mail: ev.visual@mail.ru

Реферат. В основу статьи положена методология освоения культурного наследия прошлого, транслирующая ценность образовательной стабильности. С этой целью вводится понятие генератива в виде образовательной модели, концентрирующей в себе лучшее из того, что сохранило человечество для формирования человека. Генеративы производны от смены культурных матриц, меняются от эпохи к эпохе и зависят от характера эволюционных изменений этих источников внутри отдельных культурных стадий общественной эволюции. Введенное нами понятие не означает грандиозных «сколов» архетипических идей, но лишь соотносит их с новым человеком и его новым миром. Генератив — это суммарный (собирательный) образ, создающий особую образовательную идеологию и определяющий характер действий человека. Именно совокупность действий человека формирует особый тип человека, сложившийся в ту или иную эпоху. Важным в этом процессе оказывается именно идея накопления смыслов. Образовательные генеративы выступают как структурные принципы экстернизации образовательной ре-

альности, в которой мы выделяем следующие периоды, характеризующиеся особыми генеративными: Античность, Средние века, XVII–XVIII вв., XIX и XX столетия. Классическая литература и искусство прошлого дают нам примеры духовных доминант каждой культурной эпохи. Антропологические идеалы, которые мы выделяем, таковы: Античность – герой, Средние века – святой, эпоха Просвещения – энциклопедист (универсалист), XIX в. – инженер/художник, XX в. – финансист. Актуализация идей прошлого заключается в извлечении изученного материала из долговременной и кратковременной памяти с целью последующего использования его при узнавании или непосредственном воспроизведении в современном образовательном процессе. Соединение разноактуальных образовательных идеологий (идей) открывает новые грани современной образовательной теории и практики и выявляет их культурный потенциал. При этом механизм актуализации не должен строиться на грубом осовременивании, но предполагает использование рецептивных способностей человека, развитие его воображения и эмоциональной памяти. Приведенная в статье когнитивно-метафорическая схема синтеза гуманитарного контента дает пример развития высказанной идеи как в исследовательском направлении, так и в образовательно-прикладном пространстве новых технологий обучения вечным смыслом.

Ключевые слова: архетипизация, первообраз, образовательный процесс, модель, философия образования, традиция, парадигма, генератив, культурная матрица.

Для цитирования: Фортунатова В.А., Валеева Е.В. Архетипизация как идеология и технология образовательного процесса // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 644–657. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-644-657.

Понятие архетипа – спорная, многозначная и обладающая большим количеством интерпретаций конструкция, не имеющая единого толкования. По определению К.Г. Юнга, архетипы представляют собой некие универсальные конструкты психики че-

ловека, которые несут в себе наследуемую генетически структуру опыта, накопленного человечеством, выраженного в определенном типе восприятия, переживания, понимания и действия [1]. Архетипы проявляются в мифах, волшебных сказках, а также в повседневной жизни. Это своего рода «гвозди памяти», возникшие в ходе образовательной эволюции, у истоков которой находился архетип, проявившийся затем в коллективном сознании или художественной культуре определенной эпохи. В такой логике архетипы становятся «строительным материалом», из которого у человека появляется мир подсознания с населяющими его символами. Именно здесь происходит активное соединение природно-бессознательного с культурно-созидательным в их нерасторжимом единстве, обеспечивающем целостность человеческого индивида и его творческую самостоятельность. Трансляцией этого процесса занимается образование, понимаемое как передача лучших образцов мировой практики мысли и действия, в ходе которой формируются культурные генотипы, набор определенных выводов и признаков, присущих «второй природе», существующий как универсальное и единое целое.

Однако культурная генотипизация в современном мире претерпела существенные изменения. В первую очередь, это произошло за счет нивелирования понятия культурной элиты, редукции его смыслового ядра, снижения активного начала генотипа в творческом процессе многих видов. Культура в этих условиях не наследуется, не генерируется, а усваивается с помощью профессиональных медиаторов, к которым относятся и современный учитель, и тренинг-менеджер, и любой специалист по адаптации и фасилитации.

Сегодня, если говорить об образовательном пространстве, более продуктивным представляется сопоставление образовательного архетипа с генеративом, выступающим как результат накопления идей новой формой, вобравшей в себя многие прежние и современные факты культуры. Предложенное здесь терминологическое словообразование наследует смысл латинского слова *generator* – родитель, производитель. В нашем контексте этим понятием усиливается акцент слова *generare* –

порождать, возбуждать. В таком значении генератип противопоставлен процессу дегенерации в культуре, принимающему множество видов вырождения, нисхождения, ухудшения, упрощения и прочих сходных явлений, широко распространившихся в актуальном социуме. В логике наших дальнейших рассуждений генератип предстает в виде альтернативы дегенератипу как механизму разрушения культурных традиций.

Современный динамический мир выявляет способность сознания архетипизировать образы прошлого, выявлять в нем тот потенциал, который мог и не иметь первоначального значения, приписываемого ему современностью, но возникшего за счет многократного обращения к этим образам. Используя предлагаемый ход рассуждений в сфере разработки ключевого для нашей логики понятия, можно сравнить генератип с дагерротипом, т. е. первым моментом фиксации изображения с натуры. Тогда архетип представляет собой длительную временную концентрацию значения, а дагерротип — мгновение, соединяющее значение с эмоцией.

Иными словами, гуманитарная архетипизация возникает за счет генерации определенной энергии усвоения и трансляции, столь необходимой в наши дни, особенно в образовательной сфере. Способность такой деятельности «застревать в прошлом», т. е. ставить определенную преграду при его восприятии в настоящем, заставляет исследователей активно искать пути их взаимообогащения. Так появляется образовательная регрессология, не сводимая только к проблеме традиций и новаторства, а порождающая новые категории и на их основе — дополнительные технологии освоения культурного наследия.

Одной из них как раз является генератипизация, построенная, с одной стороны, на превращении образовательного контента в систему типовых форм, а с другой — она же, но использующая в качестве основы устаревшее ныне определение наследственности — «генерация». Оно считается излишне высокопарным или пафосным, но отражает в себе способность молодежи отбирать в прошлом самое необходимое и воспринимаемое с позиций сегодняшнего дня. С этой целью вводится производное от него понятие генератипа в виде образователь-

ной модели, в которой концентрируется лучшее из того, что сохранило человечество для формирования личности. В этом значении генератипы предстают как некие собирательные (суггестивные) представления (своего рода образовательные архетипы-первообразы, наследуемые идеи и др.). Созвучие генератипа и генотипа не имеет формально-фонетического характера, поскольку между ними существует также еще тонкая смысловая взаимосвязь. Генотип в культуре означает наследственность, обусловленную средой воспитания личности еще на дошкольной стадии. Теория современного образовательного процесса указывает на необходимость учета биоантропных факторов в общегуманитарном развитии личности, особенно на самых ранних ступенях ее формирования [2, с. 181–185]. Только с учетом этого обстоятельства можно говорить об успешном переходе к стадии генератипизации.

Таким образом, устойчивое истолкование архетипа как культурной макроструктуры позволяет использовать его в качестве матрицы становления и функционирования сознания в ту или иную эпоху. При этом исходным пунктом анализа становится не отдельный (конкретный) человек, а его культурное и социальное целое, выявляющее конфигурации в значимых для исследуемого феномена отношениях. Генератипы производны от смены культурных матриц, меняются от эпохи к эпохе и зависят от характера эволюционных изменений этих источников внутри отдельных культурных стадий общественной эволюции. При этом генератипы не отодвигают на задний план личность «транслятора», но, напротив, подчеркивают ее значимость. Только учитель способен раскрыть и усилить генератипную образность, заложенную в архетипе и трансформируемую в новую реальность. Одновременно с ним формируется *рецептив*, то есть ученик, готовый к восприятию и усвоению.

Универсальность культурного поиска, воплощенного в знаковом пространстве культуры, позволяет увидеть в различных видах человеческой деятельности общекультурный смысл, ценностное содержание. Генератипы концентрируют в себе эту образную квинтэссенцию необходимых человеческих свойств, что делает возможным диалог сменяющих друг

друга образовательных теорий и практик при обращении к архетипическим смыслам. Приведенная в статье когнитивно-метафорическая схема синтеза гуманитарного контента дает пример развития высказанной идеи как в исследовательском направлении, так и в образовательно-прикладном пространстве новых технологий обучения вечным смыслом.

В качестве объекта исследования взята образовательная коммуникация как полифункциональный процесс, в ходе которой наблюдается совокупность архетипических проявлений (в образах, сюжетах), выделенных и актуализированных в современном образовательном пространстве. Следует подчеркнуть многообразие их семиотических проявлений — от универсальной метафоры до многосоставного коммуникативного действия.

Сложность поставленной задачи состоит не в описании и кумуляции таких форм, а в анализе возможностей, которые открываются при их использовании. Это предопределяет полидисциплинарность теоретико-методологического подхода вместе с привлечением большого эмпирического материала. При этом методы историко-культурного анализа, классификации и типологизации, а также нарративной и семиотической интерпретации оказываются наиболее востребованными и внутренне обусловленными. О концептуальной значимости использования культурологического подхода к исследованию образовательного текста мы уже упоминали в отдельных публикациях на эту тему [3; 4], однако процесс обогащения арсенала гуманитарно-аналитических возможностей в наши дни весьма ускорился, так что настоящую статью мы рассматриваем лишь как возможность постановки самой задачи и первых подступов к ее решению.

Проблема генератипа возникает в связи с «усталостью» учебного материала, индуцирующего стилевые штампы, смысловые стандарты, оценочные клише, т. е. то, что симулирует сегодня гуманитарный объем, который можно с определенной натяжкой называть «креативностью». Сокращая цепочку аналитических рассуждений, можно сказать, что генератип суть отклик на стереотип. Последний исключает индивидуальность и обоснован масовостью употребления. Более точно явление

генератипичности определяется термином «дискурсивная практика» в образовании, означающая собственные суждения учителя/ученика по поводу сгустка информации, сконцентрированной в этой модели, вобравшей в себя как прошлое, так и актуальное смыслопространство. Образное начало в генератипе помогает преодолеть инерцию восприятия устойчивых культурных смыслов, порождаемых пратекстами культуры.

Альтернативная контент-реальность, возникающая в учебниках и на уроках, призвана изменить свою нынешнюю интенциональность, направленную на упрощение информпродукта, исключая индивидуальную реакцию на него. Исследование важнейших образовательных идей и просветительских действий самого человека имеет своим следствием формирование на основе исходного первообраза нового по сути феномена, социально и культурно детерминированного. Для того чтобы понять и пояснить разнохарактерность образовательных типовых моделей, сложившихся в ту или иную историческую эпоху, уточним употребление применительно к ним следующих понятий:

- ◆ первообраз;
- ◆ архетип;
- ◆ генератип.

Первообраз (первотип) первоначальный, исходный образ, прототип, оригинал, природа которого не меняется, поскольку он содержит в себе неизменные и вечные прототипы вещей, вечные идеи. Первообраз как исток отличается от образов, сотворенных человечеством в ходе своей эволюции, это дух творчества, абсолютный только по отношению к вытекающим из него возможностям и олицетворяющий потенциальный мир. Важно, что первообраз — это суммарный образ желаний человека, его эмоций, самосознание его уникального существования и переживания. Этим первообраз близок к мифу. Можно сказать, что первообраз — это не только социальный и культурный, но и антропологический феномен. Первообраз отсылает в прошлое человечества, несет информацию о психологической рефлексии человека по поводу своего существования. Он связан с нерасчлененным мироощущением и придает личности смысл и надежду, помогая преодолеть критическую направленность ее сознания.

В известной степени первообраз — это вариант отступления от жесткой логики прагматически направленной мысли в мир ее неосуществленных желаний, в пространство идеализированных представлений.

Для понимания первообраза необходимы не столько породившая его жизненная логика, сколько выражение общего чувства потенциальных возможностей дальнейшей жизни. Первообраз — это, прежде всего, суггестия, т. е. эмоционально-субъективная связь с накопленным опытом. Представление о кровном родстве всех форм жизни — вот важная предпосылка мифологического мышления, которая и легла в его основу. Первообраз, на наш взгляд, не теоретичен по самой своей сути. Сама логика его возникновения бросает вызов научному миропостижению. Однако философия как теория мысли всегда отрицала саму возможность подобного раздвоения. Первообраз соединяет элементы и общих суждений, устоявшихся в обществе, и самый перевод их на уровень художественного творчества. Он может рассматриваться как «почва», на которой вырастает поэтическая абстракция. При этом, выступая в функции прообраза, он сохраняет в себе особенности образца, эталона, художественно-семантического камертона, определяющего отклонения от канона, тем самым служит праформой искусства, означающего в первоначальном своем значении высокую степень совершенства. Вот почему в первообразе всегда запечатлен акт веры сотворившего его художника и доверие воспринимающего, убежденного в его реальности. Например, любое древнее природное описание раскрывает мир разных соотношенных между собой феноменов, создающих драматический мир. Все, что бы ни оказывалось в поле зрения или чувства, окутывалось аурой радости или печали, уныния или ликования. Олицетворяя определенный этап сотворившей его культуры, первообраз демонстрирует не только речь как форму выражения, но также и определенную ступень развития сознания, эмоциональное восприятие мира, универсальный инструментальный познания, способ человеческого бытия во Вселенной.

Первообраз как бы упорядочивает, координирует, регламентирует эмоциональное суще-

ствование человека, придавая ему смысл, и воспринимается как особая чувственная форма сознания. Он не столько информирует, сколько вовлекает в понятный и аллегорический образ мышления, создавая при этом «физическую метафизику», соединяя несоединимое, рождая пространство для архетипизации сотворенного. При этом не следует забывать, что в современных условиях, когда капитализация чувственности стала товаром, а образная стереотипия продуктом купли-продажи [5, с. 27], мы должны, реанимируя энергию мысли современной личности, учитывать этот опыт диалектической взаимосвязи непосредственно переживаемого с осознанно отвлеченным, работающим «на вечность», на продолжение и развитие. Вот почему работа с истоками сегодня становится «опытом построения гуманитарной методологии» на основе выделения «субстратов» культурной среды, выступающей как сфера порождения, затем — восприятия, далее — опредмечивания, следующий этап — преобразование, за ним — саморазвитие и вновь — создание новой объектности [6, с. 180]. Эта системность становится фактором обновления и реконструкции одновременно, опыт итальянского классического Ренессанса, недостаточно изученный в этом аспекте, тем не менее подтверждает справедливость приведенного выше наблюдения.

Итак, К.Г. Юнг, обратившийся, по определению З. Фрейда, к «раскопкам души», первичный образ ассоциирует с архетипом, это не новый термин, поскольку он раньше употреблялся в качестве синонима «идеи» [1, с. 211–213]. Его отличие от первообраза состоит в том, что архетип — это суммарный образ идей, определяющих все психические процессы: ощущения, восприятие, память, моторные действия и мышление. Юнг отмечал, что человек использовал устное или печатное слово, чтобы передать некоторое осмысленное сообщение. Человеку обязательно нужны идеи как мысленные прообразы, которые придают смысл жизни и позволяют ему определить свое место в мире. Он преодолевает многие трудности, если знает, ради чего он это делает, поскольку получает за счет идей дополнительный ресурс энергии. Поэтому архетип представляет собой обогащен-

ный внутренним миром человека первообраз, «оживающий» только тогда, когда осуществляется попытка его осмыслить. Определяющее значение имеет именно архетипическое взаимодействие мира с человеком, основанное на образном мышлении и первочувствах древнего индивида.

Сегодня архетип — особый способ накопления и генерации идей, язык которых раскрывается путем их перевода на язык понятных современных категорий. Импульсом для такой деятельности должен стать поиск новых истин в контексте вечности. Образование сублимирует в себе этот вечный поиск разных времен, поэтому *образовательное время* одновременно, объединяя в себе прошлое, настоящее и будущее. Юнг полагал, что образы богов могут быть рассмотрены как «духовные идеи» [1, с. 125]. Например, «греческая идея божественности, похоже, впервые освобождается от сексуальности в случае с девичеством Афины, которая не теряет при этом черт, присущих таким мужским божествам, как Зевс или Аполлон, а именно: интеллектуального и духовного могущества», а в образе Артемиды воплощаются идеи «непокоренной девственности и ужаса рождения» [1, с. 127]. Генератип улавливает актуальность этих феминологических рефлексий античных людей, но он обобщает это не на уровне *актотипа*, т. е. единичного факта или действия, а рассматривает их на уровне субъекта, средств, целей, ситуации среды (теория действия как единичного акта Т. Парсонса [7]). Акт, становясь процессом, порождает различные акции (действия), формирует акционизм, означающий образовательное вторжение в культуру, но не формирующий ее постижение.

ГЕНЕРАТИП КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ОБРАЗОВАНИЯ

Институт образования, формирующий личность, не может зависеть от моды, конъюнктуры, трендирования процесса обучения. Однако на практике он не только зависит, но и порождает некий

духовный суррогат из смеси наигранности, скептицизма и дилетантства. Ощущение духовной значительности прошлого наследия в современной культуре необходимо в условиях забвения и попрания старых истин, когда прошлое является всего лишь стилевым аксессуаром, но не смыкается с образовательным контентом.

Вводимое нами понятие генератипа не означает грандиозных «сколов» архетипических идей, но лишь соотносит их с современным человеком и его новым миром. Генератип — это суммарный (собираТЕЛЬный) образ, создающий особую образовательную идеологию и определяющий характер действий человека. Именно совокупность действий человека формирует особый тип человека, сложившийся в ту или иную эпоху. Важным в этом процессе оказывается именно идея накопления смыслов. Значение — это актив генератипа. Понимание и использование архетипического значения для эффективного образования — первостепенная задача, помогающая это значение не только генерировать, но и управлять им.

Во-первых, генератип рассматривается нами как реальность, которая включает всю материальную среду, сформированную и преобразованную человеком в соответствии с его потребностями и возможностями. Во-вторых, генератип — это определенная система ценностей, действий и их результатов, связанных с разными видами активности человека. В-третьих, это набор упражнений, средств, стимулирующих его активность.

Изучение генератипов возможно путем исследования эволюции гуманитарной традиции. Таким образом, мы выходим в пространство образовательной эпистемологии с акцентом на субъектоцентризме. Исторический и феноменологический подходы в этой сфере породили свою логику линейно-последовательной и кумулятивной аналитики, обходя точки гносеологического разрыва, бифуркации, несогласованности. Образовательные генератипы находят выражение в метафоризации и представляют собой полноценное отношение к традиционности как единственно возможной упорядоченности взаимодействия человека с миром и с другим человеком, поскольку в них подчеркивается цикличность времени при под-

чинении пространственности. М. Элиаде демонстрирует это следующим образом: «Полинезийцы, пускаясь в великое морское плавание, старательно отрицают его “новизну”, беспрецедентность и самопроизвольность; для них это лишь случай повторения путешествия, совершенного каким-то мифическим героем *in illo tempore*, чтобы “показать путь”, установить пример» [8, с. 35].

Классификация образовательных генеративов может быть предложена на основании следующих аспектов: *вызов* как начальная социокультурная, историческая, политическая и экономическая ситуация, которая «запускает» архетипическое поведение; *ответ* — центральный персонаж (идеал человека определенной эпохи) и сюжет, включающий важнейшие этапы и последовательность действий этого персонажа. Каждый новый тип человека, рожденный в тот или иной исторический период, обладает определенным набором эмоциональных переживаний, имеет программу действия или взаимодействия для выживания и ожидает результат своей деятельности.

Образовательные генеративы выступают как структурные принципы экстерииоризации образовательной реальности, в которой мы выделяем отличающиеся особыми генеративами следующие периоды (*вызов*): Античность, Средние века, XVII—XVIII вв., XIX и XX столетия (*ответ*).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕНЕРАТИПОВ

Классическая литература и искусство прошлого дают нам примеры духовных доминант каждой культурной эпохи. Антропологические идеалы, которые мы выделяем, таковы:

- ◆ Античность — герой;
- ◆ Средние века — святой;
- ◆ эпоха Просвещения — энциклопедист (универсалист);
- ◆ XIX в. — инженер/художник;
- ◆ XX в. — финансист.

Герой. Период Античности связан с формированием генератива героя, который, «с точки зрения мифического понимания, не только идеален и не только реален, а является тем и другим сразу и одновременно. Здесь событие превращено в чудо, а история — в мистерию» [9, с. 134]. Если брать предложенную Юнгом теорию архетипов, то ближе к этому находится архетип младенца. Он несет в себе идею преодоления трудностей, ориентирован на изменение. В мифах герой спасает ситуацию, одерживая победу над злом. Необходимое пространство для героя — состязание или поле битвы, когда требуется мужество, сила и энергичные действия. Так, состязание, соревнование, спор — главные образовательные технологии воспитания героя, ориентированные на формирование дисциплины, выносливости, решительности и сосредоточенности. Древние греки были ориентированы на то, чтобы сделать мир вокруг лучше. Единственный страх — страх потерпеть поражение. «Героя всегда можно узнать в войне, крестonosце, спасателе, сверхчеловеке, солдате, спортсменопобедителе, убийце дракона, конкуренте и игроке команды» [10, с. 108]. Быть героем в античном полисе — быть лучшим среди лучших. Античное образование ориентировано на формирование умения выражать и отстаивать свою позицию в споре, стремление к соревнованию и совершенству, на то, чтобы ощущать себя частью коллектива и пр.

Античная образовательная среда — полис. «Греческий классический полис являлся монолитным целым, где все эти разделения имели только третьестепенное значение и ничего существенного собою не определяли. Следовательно, и в отношении человека к природе и в отношениях его к искусству или обществу мы должны помнить об этой монолитности и не забывать об огромной роли здесь “политического” фактора. ...Внутренняя гармония этого субъекта — его уравновешенность, спокойствие, невозмутимость и самодовление уже вмещают в себе эту “политическую” ориентацию субъекта и уже согласованы с его общественной практикой» [9, с. 142].

Образование, учитывающее античный образовательный генератив, нацелено на то, чтобы человек максимально полно раскрывал

свои возможности, был конкурентоспособным. Огромную роль при этом играет мотивация, отношения учителя и ученика предполагают крайнее уважение друг к другу. Героизм призывает к нарушению границы, подталкивает человека на решительные действия.

Святой. Период Средних веков создает новый генератип — святой, характеризующийся трудолюбием, дисциплиной, любовью к чтению и интерпретации текста, аскетизмом. Образовательная среда — это монастырь (университет). Аскетизм, мученичество, труд (умственный и физический), т. е. внутренняя работа над собой и физическое усилие — есть новые образовательные техники формирования личности. Человек полностью подчинен Богу. В сказках и мифах — это фигура мудрого старца (волшебника, учителя, священника, деда, профессора), «когда появляется необходимость в проницательности, понимании, добром совете, решительности, умении планировать, а своих собственных ресурсов для этого не хватает» [1, с. 298]. Старец появляется тогда, когда человек находится в безнадежной ситуации, из которой «его спасти может только глубокое размышление или удачная мысль... Концентрация психических сил всегда имеет в себе нечто, выглядящее магически: благодаря ей развивается необычайная выносливость, которая часто непостижима сознательным усилиям воли» [1, с. 300–301]. Старец наделяет человека необходимыми средствами, чтобы быть перед опасностью во всеоружии. «Таким образом, с одной стороны, старик представляет знание, размышление, проницательность, мудрость, сообразительность и интуицию, а с другой стороны — такие нравственные качества, как добрая воля и готовность помочь, что делает его “духовный” характер достаточно очевидным... Свойственные фигуре старика превосходство и функция помощи рождает искушение связать его каким-то образом с Богом» [1, с. 304, 307].

Б. Борев результаты сопоставления античного и средневекового искусства представил через ряд оппозиций:

- ◆ героика/мученичество;
- ◆ очищение/утешение;
- ◆ реальность/волшебство, естественность/сверхъестественность;

- ◆ открытый характер действия, логика развития знакомого сюжета / занимательность сюжета, сложная событийность, неожиданные повороты действия;

- ◆ гармония свободы и необходимости / непреложная необходимость, диктуемая божественной волей;

- ◆ гражданский пафос / сакральный пафос;

- ◆ ведущая категория античной эстетики — прекрасное, средневековой — возвышенное [2, с. 123].

Если образовательная система в эпоху Античности, ориентированная на подготовку к перенесению жизненных трудностей, включала в себя гимнастику, аскетику и диету, заботу о душе, что предполагало преодоление лени, страстей и аффектов, то в средневековой образовательной традиции *обращение* человека происходит с помощью слова (чтение и молитва) и физического труда. Забота о душе проявляется в том, чтобы отречься от тела и обратиться к духу [11]. Важную роль выполняет практика покаяния, что открывает возможности контроля за человеческими намерениями и желаниями, подготавливает к самоконтролю и самодисциплине. Это уже не формирование общественного, а формирование внутреннего человека, ориентированного на самопознание.

Античная педагогическая практика включала в себя наставление, предполагающее не умерщвление плоти, а дисциплину. Человек должен, по мнению Аристотеля, действовать по ситуации, универсальных рекомендаций, как правильно вести себя, не было. «Наставления касаются не общепринятых норм, исполнение которых обеспечивается семейной и общественной цензурой, т. е. не предполагает сомнений и критической рефлексии, а передается как традиция, нарушение которой грозит судом. Советы и рекомендации философов касаются общественной жизни и направлены на обучение искусству управления государством, домом и самим собой» [11, с. 62]. Наставления — это корпус текстов, ориентированных на изменение. «В этом случае система кодексов и правил поведения может быть довольно таки рудиментарной. Ее строгое соблюдение может быть относительно несущественным, по крайней мере по сравнению с тем, что требу-

ется от индивида для того, чтобы он — в своем отношении к самому себе, в различных своих действиях, мыслях или чувствах — конституировал себя в качестве морального субъекта. <...> Эти виды морали, “ориентированной на этику” (которые необязательно совпадают с моралью так называемого аскетического отрешения), были наряду с формами морали, “ориентированной на кодекс”, чрезвычайно важны в христианстве...» [12, с. 304]. В эпоху Античности человек признает свои ошибки, в христианстве — он в них исповедуется. Исповедь — покаяние, второе крещение, *обращение*.

Энциклопедист. Период XVII—XVIII вв. рождает новый образовательный генератип — энциклопедист. Это универсальный человек, гений, обладающий энциклопедическими знаниями в области гуманитарных и естественных наук, личность, увлеченная самим процессом познания. Мы не связываем это понятие с историей его появления, а используем как концепт. И в этом значении энциклопедист ближе к универсалисту. Уже в первой половине XVII в. суть рационалистической науки Нового времени определил Р. Декарт, положивший в начало философии глубоко мыслящего, познающего субъекта с принципом «я мыслю, следовательно, существую» [13]. В источнике этого утверждения лежит свободная индивидуалистическая личность, которая является логическим развитием того нового чувства личности, которое зародилось в эпоху Возрождения, но еще не было доведено до своего логического предела, потому что встречало постоянно на своем пути препятствия как со стороны человеческой практики, так и со стороны возрожденческой культуры, оставшейся в своем массиве еще средневековой (христианской). Почвой для возрастания индивидуализма стала городская среда, в которой человек уже не так сильно зависел от природы. Город требует напряжения собственных сил, развития своих умений и навыков. Началась новая великая эпоха субъективизма, невольно «повторившая» некоторые черты эллинизма, но уже на ином культурном материале индивидуалистического антропоцентризма.

Свобода человека не знает ограничений. Мир — это поле человеческой деятельности.

На первый план выдвигается рассудочная человеческая практика. Материализм и эксперимент становятся альфой и омегой нового отношения к миру, принципом мировоззрения. На первый план выходит не поиск истины о бытии мира, а определение путей его познания, поиск метода. Человеческое «Я» окончательно оказывается в центре культуры и образования, проникая во все сферы: философию, литературу, музыку, живопись, выступает объектом философского анализа и активного философского субъекта уже у И. Канта [14] и И.Г. Фихте [15].

В литературе становится меньше описаний от третьего лица и больше — монолога героя и его самоанализа, т. е. повествования от первого лица. Монолог героя вытесняет диалектически организованный имперсональный диалог, передающий жизнь в движении, преобразованном в подъемы и спады взаимосвязей, возникающих в речи не слишком индивидуализированных героев. Это движение завершается в XIX в. уходом литературы в глубины человеческой психики, переходящим потом в сплошной поток сознания. Следствием этого является утверждение достоинства и прав человеческой личности, защита ее индивидуальных свобод, постепенно нарастающая по мере развития новоевропейской культуры, улучшения условий жизни и роста комфорта существования человека.

Просветители были убеждены, что миром правят мнения [16], судьбы человечества решаются в битве идей, а ход исторического развития можно организовать сознательными интеллектуальными усилиями просвещенных людей. Это многогранные, универсальные, энциклопедически образованные, наделенные многими талантами и интересами личности. Почти каждый крупный писатель еще и философ, социолог, теоретик литературы и искусства. Именами таких людей называют идейно-художественные течения (руссоизм) или стили мышления (вольтерьянство). Генератип энциклопедиста направлен на стирание границ, что находит отражение и в жизни (гражданин мира [6]), и в системе литературных жанров (смещение жанров), и в новой образовательной технологии — путешествии (странствие). Новый тип человека вырывается из пут нормативности, перестает ис-

пользовать «готовое слово» и вырабатывает новый художественный язык и новое художественное мышление. Человек пробует себя как в области гуманитарных, так и в области естественнонаучных дисциплин, добиваясь успеха в каждой сфере (например И.В. Гете). Это экспериментатор, универсал, гражданин мира, ориентированный на самоактуализацию. Не случайно, что литература Просвещения придает экспериментальный характер роману, отсюда и протезизм, изменчивость, многоликость просветительского романа (романа-концепции), обращенного не в прошлое, а в настоящее.

Инженер/художник. XIX в. — время становления нового генератива, который включает в себя два противоположных понятия: инженер и художник (в России — интеллигент). Этот генератив демонстрирует окончательное разделение человека и природы, что нашло отражение и в философской терминологии: на первый план выдвинулись понятия субъекта и объекта — познающего начала и пассивного материала как сферы приложения усилий. Культура этого периода представлена как борьба формы и бесформенного, образа и безобразного, гармонии и дисгармонии, рационального и иррационального. Мироззрение XIX в. — это оптимизм восходящей формы начала века и пессимизм распадающейся формы в его конце. Концепция личности возникает не сразу. Проходит долгий путь становления в рамках Просвещения. Человек выступает как вполне определенное «Я», некоторая форма, взятая, прежде всего, со стороны интеллекта и душевных качеств.

Материалистическая тенденция на время уходит из философии в естествознание. Творящая сила человеческой личности, которая начинала все более активно разворачиваться в материально-практической сфере, нашла отражение, например, в английской фабрике. Возникло состояние культурной пестроты и неопределенности. Та же пестрота характерна и для искусства 1830–1840-х годов. Очень точно передает конфликтность эпохи марксизм. Его главная цель — развитие и совершенствование личности, взятой в единстве всех ее сторон. Но на практике он склонялся к материализации человека, что нашло

отражение в преобладании в нем экономизма. Материализация личности при очень сильно выраженном принципе равенства всех людей привела к нивелировке индивидуальности. Марксизм развил конфликт субъектного и объектного в человеке, глубоко заложенный в новоевропейской концепции личности, которая провозгласила его одновременно и целью, и средством. Однако этот конфликт еще был вынесен за пределы человека и трансформировался в противостояние механистических объединений людей внутри общества (классовая борьба). К 1860-м гг. происходит окончательное утверждение техницизма в культуре. Одновременно в ней происходит и дальнейшее сужение религиозного пласта. Развитие техники провоцирует заложенный в ее основе рационалистический алгоритм конфликтности (распространение теорий конфликтности) особенно после выхода книги Ч. Дарвина «Происхождение видов» [17]. В связи с этим возникает предощущение будущего развала человека уже не только на тело и душу (его фрагментации, раскола личности), что обуславливает постепенно пробивающееся в культуре трагическое начало.

Все это приводит к формированию двух генеративов, метафорически названных нами как инженер и художник, что отражает разрушение внутренней гармонии в человеке и вызывает потребность в ее восстановлении. Именно в этот период образование окончательно разделяется на гуманитарное и естественнонаучное, поделившее людей на «физиков» и «лириков». Главная образовательная технология — проектирование и дизайн. Проектирование — авторский ответ на социальный заказ, во многом сформулированный для себя самим человеком. Образование должно научить моделировать собственные планы, подчинив логику обучения целостным динамичным проектам своей будущей жизни. Следует отметить, что субъект проектирования в большей степени испытывает влияние проекта на формирование собственной идентичности.

Финансист. Доминанта чувственного, эмпирического, опытного, фактического в итоге приводит к тому, что обогащающие до этого научную парадигму мышления понятия, имеющие этическое или религиозное

происхождение, удаляются из области легитимных категорий. «Со временем разность точек зрения переходит в состояние явной непримиримости, и наука, ставшая академической, и философия, оформленная на ее основе, взяли на себя не совсем свойственные им функции надзора и контроля. Они стали определять нормы правильного мышления, вместо того чтобы заняться своими прямыми обязанностями — поиском и открытиями новых идей и перспектив. Взамен этого предлагаются доктрины, концепты и легитимные принципы, которые следует принимать и выполнять» [18, с. 14].

Человек стал приложением этих доктрин. Философия XX в. старается описать внутриличностный мир, который проявляется как носитель всех систем ценностей. Без согласования с наличным миром не решает проблемы рассогласованности между собой и окружающим его миром, что рождает утрату смысла, обезначение языка, критику дискурсивности. Образование откликается на сложившуюся ситуацию по-своему. В результате возникает образовательный генератип финансиста — человека, ориентированного на управление денежными и человеческими ресурсами. Знаковым в этом отношении представляется роман Т. Драйзера «Финансист» [19]. Последовательное воплощение индивидуалистически-конкурентной модели в экономике приводит к Великой депрессии 1929–1933 гг.. потом разворачивается новый, глубокий кризис культуры, закончившийся Второй мировой войной. Этот кризис продемонстрировал, что полное воскрешение личности в ее целостности уже невозможно. Маска, под которой все еще чувствовался человек, стала глубокой метафорой, которая отражает трагедию утраты целостности, соединенную с предвосхищением нового карнавала, в котором человеку предстоит участвовать, но без особой радости. Тоталитаризм — это попытка избежать нового раскола личности.

Возникали и другие попытки реакции на кризис, например, либерально-демократического, социализированного варианта. Теория бытия как игры, предложенная Й. Хёйзингой [20], становится весьма популярной. Анализ онтологических структур мира заменялся ана-

лизом логических структур языка, за которыми исчезали и мир, и человек. Разрушив онтологичность слова, культура XX в. пришла к новому утверждению слова, что получило развитие в структурализме. Коммуникативные функции стали цениться выше производственных [21]. Новый тип человека — это человек-манипулятор. Главная образовательная технология — игра, она отражает переход к манипулятивной модели обучения и воспитания.

Так, генератип помогает объяснить мотивировку действий человека, многие проблемы в сознании и поведении. Он содержит в себе память о ролях, которые выполнял человек в ту или иную историческую эпоху своего развития. Генератип выявляет содержательную основу исторически возникающих ценностей у человека и образно отражает образовательную деятельность в ее историческом аспекте, транслирует образовательные потребности, образовательные отношения, рефлексии, вдохновение, интуицию, интенцию, воображение, возникновение ассоциаций, фантазию, познание и духовное переживание, отражая тем самым процесс формирования когнитивных и креативных способностей человека.

Новая образовательная идеология социальной перестройки, с одной стороны, демонстрирует упрощение образовательных целей до уровня смыслов и индивидуальных ценностей, транслирует множественность истин; с другой — формирует благоприятную среду для развития критического мышления и его объективации.

Актуализация идей прошлого заключается в извлечении изученного материала из долговременной и кратковременной памяти с целью последующего использования его при узнавании или непосредственном воспроизведении в современном образовательном процессе. В образовательной теории и практике актуализация идей прошлого связана с переводом знаний и навыков из скрытого состояния в действующее. Механизм актуализации не должен строиться на грубом осовременивании, когда человек это прошлое не узнает, но ощущает свою чуждость и враждебность ему. Иной путь актуализации связан с использованием рецептивных способностей человека, развитием его воображения, эмоциональной памяти.

Соединение разноактуальных образовательных идеологий (идей) открывает новые грани современной образовательной теории и практики и выявляет их культурный потенциал. Актуализация образовательных идей прошлого — это форма диалога времен в культуре, создающая культурную непрерывность (единый образовательный текст) и входящая в арсенал новой образовательной стратегии, направленной на развитие человеческого духа в контексте изменившихся условий бытия.

Итак, генератип — порождаемая структура, создающая образно-семантические «мости» между разными культурными «отдельностями», которые традиционно обозначаются эпохой, т. е. остановкой. Авангардное и консервативное в генератипе не существуют в оппозиции, а порождают духовный синтез и создают основу для дальнейшего продвижения людей прошлого к ныне живущим. Подобный подход призван снять антитезу «высокого минувшего» и «низкого настоящего», столь пространившуюся в гуманитаристике.

Список источников

1. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Москва ; Киев : Port-royal ; Совершенство, 1997. 384 с.
2. Борев Ю.Б. Эстетика. 4-е изд., доп. Москва : Политиздат, 1988. 496 с.
3. Валеева Е.В. Аналоговая модель современного образования // Обсерватория культуры. 2014. № 1. С. 96–101. DOI: 10.25281/2072-3156-2014-0-1-96-101.
4. Валеева Е.В. Универсальные образовательные метафоры // Обсерватория культуры. 2015. № 4. С. 18–24. DOI: 10.25281/2072-3156-2015-0-4-18-24.
5. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации : монография / под науч. ред. Л.В. Куликовой. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. 182 с.
6. Голдсмит О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке / изд. подгот. А.Г. Ингер ; отв. ред. А.А. Елистратова ; ред. перевода И.Г. Гурова ; художник В.Г. Виноградов. Москва : Наука, 1974. 384 с. (Серия «Литературные памятники»).
7. Парсонс Т. О структуре социального действия. Москва : Академический проект, 2000. 880 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа. Москва : Инвест-ППП ; СТ «ППП», 1996. 240 с.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Москва : Высш. шк., 1963. Т. 1. 584 с.
10. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. Санкт-Петербург : Питер, 2005. 336 с.
11. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. Санкт-Петербург : Алетей, 1999. 304 с.
12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Москва : Касталь, 1996. 448 с.
13. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. / пер. с лат. и франц. Москва : Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
14. Кант И. Сочинения : в 6 т. Москва : Мысль, 1966. Т. 5. 564 с.
15. Фихте И.Г. Сочинения : в 2 т. / сост. и примеч. В. Волжского. Санкт-Петербург : Мифрил, 1993. Т. 2. 798 с.
16. Вольтер. Бог и люди : статьи, памфлеты, письма : в 2 т. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 1. 442 с.
17. Дарвин Ч. Происхождение видов. Москва : Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1937. 832 с.
18. Купарашвили М.Д. Лекции по современной философии : Модернизм. Москва : Либроком, 2014. 336 с.
19. Драйзер Т. Финансист. Москва : Эксмо, 2009. 730 с.
20. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова ; коммент., указатель Д.Э. Харитоновича. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
21. Фортулатова В.А. Игрология в контексте образования как научная концепция и методика // Образовательные технологии. 2016. № 3. С. 27–35.

Archetypification as the Ideology and Technology of Educational Process

Vera A. Fortunatova^{1*},
Elena V. Valeeva^{2**}

¹ N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 27, Lenina Av., Nizhny Novgorod, 603140, Russia

² N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch), 36, Karla Marksa Str., Arzamas, 607220, Russia
E-mail: * fortunatova2@mail.ru,
** ev.visual@mail.ru

Abstract. *The article is based on the methodology of development of the cultural heritage of the past, which translates the value of educational stability. For this purpose, the concept of generatype is introduced in the form of an educational model that concentrates the best of what humanity has preserved for the formation of human. Generatypes are derived from the change of cultural matrices, vary from era to era and depend on the nature of evolutionary changes of these sources within the individual cultural stages of social evolution. The concept we introduce does not mean grandiose “chips” of archetypal ideas, but only correlates them with the new human and the new world. A generatype is a total (collective) image that creates a special educational ideology and determines the nature of human actions. It is the totality of human actions that forms a special type of person developed in a particular era. The most important in this process is the idea of accumulation of meanings. Educational generatypes act as structural principles of exteriorization of educational reality, in which we distinguish the following periods characterized by specific generatypes: Antiquity, the Middle Ages, the 17th–18th centuries, the 19th and 20th centuries. Classical literature and the art of the past give us examples of spiritual dominants of each cultural era. The anthropological ideals we identify are the following: Antiquity – the hero, the Middle Ages – the saint, the Age of Enlightenment – the encyclopedist (universalist), the 19th century – the engineer/artist, the 20th century – the financier. Actualization of the ideas of the past is the extraction of the studied*

material from long-term and short-term memory for the purpose of its subsequent use in recognition or direct reproduction in the modern educational process. The combination of educational ideologies (ideas) of different relevance opens up new facets of modern educational theory and practice and reveals their cultural potential. Moreover, the mechanism of actualization should not be based on rough modernization, but involves the use of receptive abilities of people, the development of their imagination and emotional memory. The cognitive-metaphorical scheme of synthesis of humanitarian content given in the article provides an example of the stated idea development both in the research direction and in the educational-applied space of new technologies of teaching eternal meanings.

Key words: archetypification, archetype, educational process, model, philosophy of education, tradition, paradigm, generatype, cultural matrix.

Citation: Fortunatova V.A., Valeeva E.V. Archetypification as the Ideology and Technology of Educational Process, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 644–657. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-644-657.

References

1. Jung C.G. *Dusha i mif: shest' arkhetipov* [Soul and Myth: Six Archetypes]. Moscow, Kiev, Port-Royal Publ., Sovershenstvo Publ., 1997, 384 p.
2. Borev Yu.B. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, Politizdat Publ., 1988, 496 p.
3. Valeeva E.V. Analog Model of Modern Education, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2014, no. 1, pp. 96–101 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2014-0-1-96-101.
4. Valeeva E.V. Universal Educational Metaphors, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2015, no. 4, pp. 18–24 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2015-0-4-18-24.
5. Kulikova L.V. (ed.) *Diskursivnye praktiki sovremennoi institutsional'noi kommunikatsii: monografiya* [Discursive Practices of Modern Institutional Communication: monograph]. Krasnoyarsk, Sibirskii Federal'nyi Universitet Publ., 2015, 182 p.
6. Goldsmith O. *The Citizen of the World, or Letters from a Chinese Philosopher, Residing in London, to his Friends in the East*. Moscow, Nauka Publ., 1974, 384 p. (in Russ.).

7. Parsons T. *The Structure of Social Action*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2000, 880 p. (in Russ.).
8. Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of Myth]. Moscow, Invest-PPP Publ., ST “PPP” Publ., 1996, 240 p.
9. Losev A.F. *Istoriya antichnoi estetiki* [The History of Ancient Aesthetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1963, vol. 1, 584 p.
10. Mark M., Pearson C. *The Hero and the Outlaw: Building Extraordinary Brands Through the Power of Archetypes*. St. Petersburg, Piter Publ., 2005, 336 p. (in Russ.).
11. Markov B.V. *Khram i rynok. Chelovek v prostranstve kul'tury* [The Temple and the Market. Man in the Space of Culture]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1999, 304 p.
12. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will for Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Moscow, Kastal' Publ., 1996, 448 p.
13. Descartes R. *Sochineniya : v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1, 654 p.
14. Kant I. *Sochineniya : v 6 t.* [Works. In 6 Volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 5, 564 p.
15. Fichte J.G. *Sochineniya : v 2 t.* [Works in Two Volumes]. St. Petersburg, Mifril Publ., 1993, vol. 2, 798 p.
16. Voltaire. *Bog i lyudi: stat'i, pamflety, pis'ma. V 2 t.* [The God and People: articles, pamphlets, letters. In 2 volumes]. Moscow, Akademii Nauk SSSR Publ., 1961, vol. 1, 442 p.
17. Darwin Ch. *On the Origin of Species*. Moscow, Biologicheskoi i Meditsinskoi Literaturny Publ, 1937, 832 p. (in Russ.).
18. Kuparashvili M.D. *Lektsii po sovremennoi filosofii: Modernizm* [Lectures on Modern Philosophy: Modernism]. Moscow, Librokom Publ., 2014, 336 p.
19. Dreiser Th. *The Financier*. Moscow, Eksmo Publ., 2009, 730 p. (in Russ.).
20. Huizinga J. *Homo Ludens*. St. Petersburg, Ivana Limbakha Publ., 2011, 416 p. (in Russ.).
21. Fortunatova V.A. Gameology in the Context of Education as a Scientific Concept and Methodology, *Obrazovatel'nye tekhnologii* [Educational Technologies], 2016, no. 3, pp. 27–35 (in Russ.).

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИСКУССТВ (РГБИ)

представляет издания

«Национальный театр в контексте многонациональной культуры : архивы, библиотеки, информация : Десятые Международные Михоэлсовские чтения / Рос. гос. б-ка искусств; сост. А.А. Колганова. Москва : РГБИ, 2018. 280 с.; вкл. 12 с.

Сборник материалов Десятых Международных Михоэлсовских чтений, посвященных проблемам национального театра в контексте других национальных культур. Особенностью Чтений являются информационные, библиотечные и архивные аспекты исследований. Материалы о жизни и творчестве великого актера и режиссера С. Михоэлса, об истории еврейского театра стали обязательными для этого научного форума. Ряд публикаций освещает новые факты из биографии режиссера.

В статьях российских и зарубежных авторов рассматриваются межнациональные театральные связи и малоизвестные события из истории национальных театров, в том числе белорусского театра. Исследователи обращаются к изучению истории постановок и сценических решений, эпистолярного и мемуарного наследия театральных деятелей.

УДК [025.12:004](079)(470+571)
ББК 78.349.7с51м(2Рос)
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-6-658-667

А.В. ГОРБУНОВА

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИЗДАНИЯ ПО КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВУ В БИБЛИОТЕКАХ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКИХ СМОТРОВ- КОНКУРСОВ)

Анна Викторовна Горбунова,

Российская государственная библиотека,
Центр по исследованию проблем развития
библиотек в информационном обществе,
главный библиотекарь
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия
E-mail: annav52@mail.ru

Реферат. С 2004 г. Российская государственная библиотека проводит всероссийские смотр-конкурсы электронной продукции библиотек по тематике культуры и искусства. Всего в ходе шести смотр-конкурсов было рассмотрено около 100 электронных изданий (ЭИ), представленных, в основном, публичными библио-

теками регионального и муниципального уровней, а также федеральными, специальными библиотеками и библиотеками вузов.

Анализ материалов смотр-конкурсов позволил сделать ряд выводов о составе и качестве ЭИ библиотек: выпускается примерно равное количество сетевых и локальных продуктов, при этом постепенно увеличивается доля сетевых; помимо самостоятельных изданий подготавливаются деривативные (цифровые представления печатных); обновляемых ЭИ выпускается немного, хотя для сетевого распространения они очень удобны. По содержанию выделяются информационные издания, посвященные наиболее ярким проявлениям национальной и региональной культуры и способствующие ее сохранению и развитию. В помощь специалистам библиотек и других учреждений

культуры и искусства выпускается профессиональная литература.

Оценка ЭИ смотров-конкурсов осуществлялась по следующим критериям: качество содержания, соответствие требованиям редакционно-издательской подготовки, оформление, функциональность и технические характеристики. По этим критериям более половины ЭИ участников VI смотра-конкурса получили средние и высокие баллы, что говорит о достаточно высоком качестве ЭИ библиотек. Низкие баллы издания получали главным образом из-за ошибок в оформлении и слабой функциональности. Основной вывод: библиотеки заняли устойчивую нишу в электронной издательской деятельности.

Ключевые слова: всероссийский смотр-конкурс, библиотеки России, Российская государственная библиотека, издательская деятельность, культура, искусство, электронные издания, основные характеристики, виды, тематика, качество.

Для цитирования: Горбунова А.В. Электронные издания по культуре и искусству в библиотеках России (по материалам всероссийских смотров-конкурсов) // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 658–667. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-658-667.

Эволюция издательского дела около 30 лет назад привела к появлению электронных изданий (ЭИ) и участию в их создании специалистов библиотек самых разных видов. Активность российских библиотек в этом направлении является ярким проявлением стремления стать не просто площадкой, привлекательным «третьим местом», а центром информации, культуры и образования, активно работающим, в том числе, с удаленным пользователем.

Российская государственная библиотека (РГБ), федеральный научный, методи-

ческий и информационный центр, уделяет большое внимание изучению и продвижению электронных информационных ресурсов библиотек и с этой целью проводит всероссийские смотры-конкурсы.

ИЗ ИСТОРИИ СМОТРОВ-КОНКУРСОВ

Первый Всероссийский смотр-конкурс электронной продукции библиотек по тематике культуры и искусства был объявлен РГБ в 2002 г. [1, с. 36] и завершен в 2004 г. объявлением итогов на V Всероссийском совещании руководителей служб информации по культуре и искусству (Смоленск, 21–24 сентября 2004 г.). В 2002–2013 гг. смотры-конкурсы проходили только среди центральных региональных библиотек, затем круг участников расширился до библиотек любых организационно-правовых форм собственности. Всего за прошедшие годы проведено шесть смотров-конкурсов, в ходе которых было рассмотрено более 180 заявок, около 100 из них — на электронные издания (ЭИ). Данные по годам представлены на рис. 1.

Из диаграммы видно, что за время проведения смотров-конкурсов количество участников значительно выросло. Падение же количества заявок в 2013 г. объясняется тем, что с этого года в смотрах-конкурсах рассматривались только ЭИ, а не все виды электронных ресурсов библиотек, как ранее. Вместе с тем, количе-

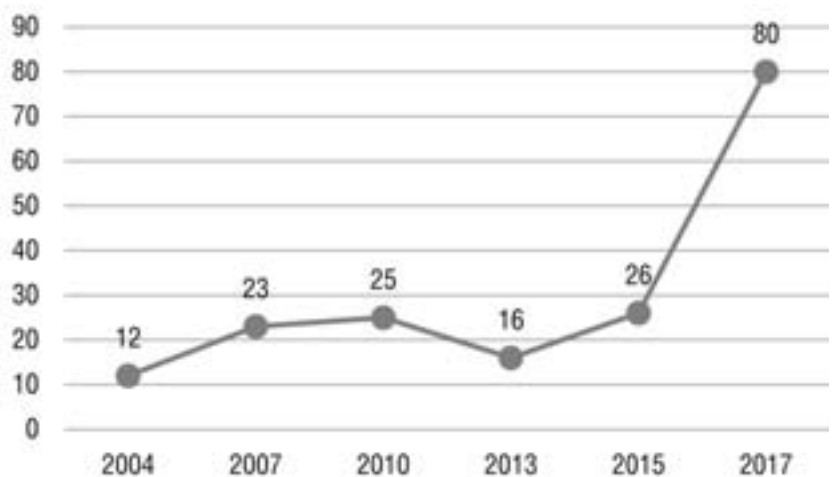

Рис. 1. Количество заявок на смотры-конкурсы по годам

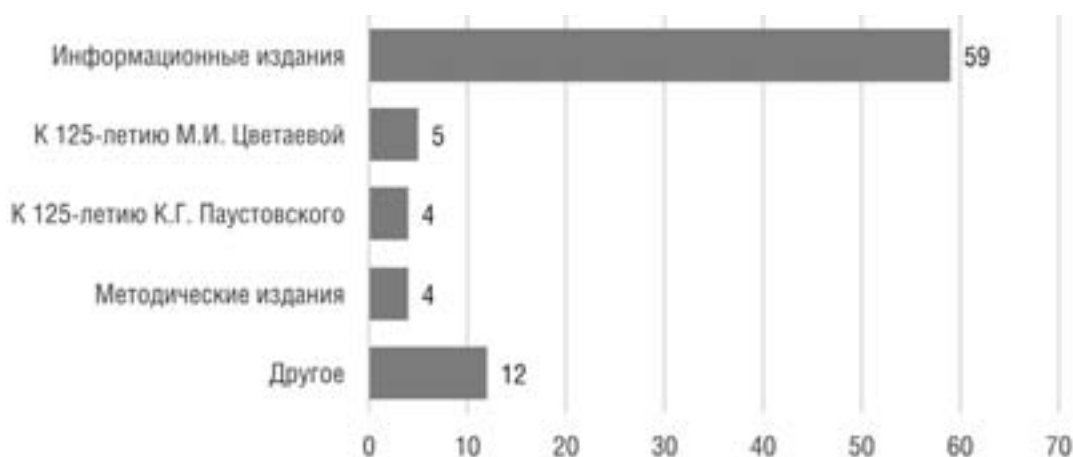

Рис. 2. Количество изданий по номинациям смотра-конкурса

ство заявок, представленных на смотр-конкурс в 2013 г. (16), превысило количество заявок на все виды электронных ресурсов в 2004 г. (12), а в 2017 г. выросло до 80.

Важным следствием проведенных в 2000-е гг. смотров-конкурсов стал тот факт, что у библиотек появился дополнительный стимул для создания электронных ресурсов, в том числе, в сети Интернет. «Не так страшен сайт, как его малюют» — под таким лозунгом появились первые интернет-представительства специализированных подразделений научной информации по культуре и искусству (СНИКИ), новые онлайн-базы данных и издания по культуре и искусству [2, с. 47].

ЛУЧШИЕ ИЗДАНИЯ ПО КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВУ

VI Всероссийский смотр-конкурс (2017 г.) проводился РГБ при участии представителей Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре; Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи; Комитета Государственной Думы по культуре; Департамента науки и образования Министерства культуры.

Очень многое на этом смотре-конкурсе происходило впервые. Впервые его участниками смогли стать муниципальные библиотеки Российской Федерации. Впервые для подведения итогов были предложены детализированные критерии оценок изданий и определены тематические но-

минации: лучшее информационное издание в помощь специалистам сферы культуры и искусства, методическое пособие по организации информационной работы, издания к юбилеям М.И. Цветаевой и К.Г. Паустовского. В номинации «Лучшее ЭИ по культуре и искусству» определялся абсолютный победитель смотра-конкурса.

Всего к участию в смотре-конкурсе из примерно 80 полученных заявок было допущено 75 (из 63 библиотек 44 регионов России). Его итоги были объявлены на X Всероссийском совещании руководителей служб информации по культуре и искусству (Москва, Российская государственная библиотека, 3–4 октября 2017 г.). Победителями стали следующие ЭИ: «Литературная карта Красноярского края» Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края; «Электронный терминологический словарь по СИБИД» Государственной публичной научно-технической библиотеки России, «Библиотека как информационный центр» Централизованной библиотечной системы Миасского ГО Челябинской области, «Корни и крона. Род Цветаевых на Ивановской земле» Центральной универсальной научной библиотеки Ивановской области [3, с. 712–713; 4, с. 43].

Количество изданий по номинациям представлено на рис. 2 (кроме номинации «Лучшее электронное издание по культуре и искусству»).

Как видно из рис. 2, больше всего на смотр-конкурс было представлено информационных изданий, предназначенных специалистам сферы культуры и искусства (74%), что является подтверждением бытующей точки зрения о том, что информационная деятельность — это не только

традиционная, а и признанная сущностная сфера деятельности библиотек [5, с. 26].

СОСТАВ ИЗДАНИЙ СМОТРОВ-КОНКУРСОВ

Анализ состава ЭИ позволяет сделать некоторые выводы об их подготовке — и прежде всего, публичными библиотеками, поскольку они составляют более 90% от общего числа участников прошедших смотров-конкурсов.

Основные виды изданий, участвовавших в смотрах-конкурсах (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.83–2013 [6]), их количество в процентном выражении представлено на рис. 3–6.

На основании данных диаграмм можно сделать следующие выводы:

Выпускается примерно равное количество сетевых и локальных ЭИ. Причем, наблюдение за динамикой представления изданий на смотры-конкурсы, свидетельствует о том, что с распространением Интернета все больше ЭИ выпускается для сетевой среды. Часть библиотек, учитывая разные возможности своих поль-

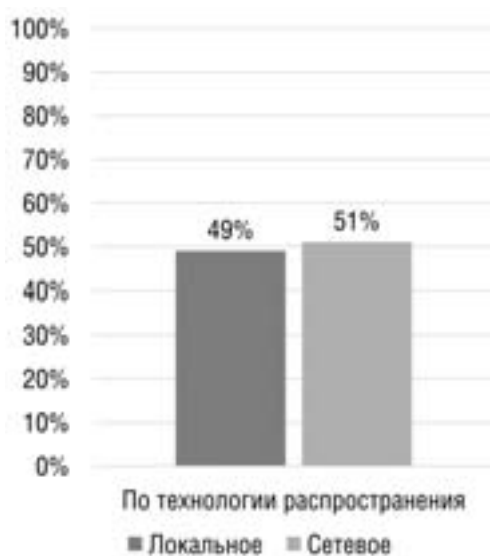

Рис. 3

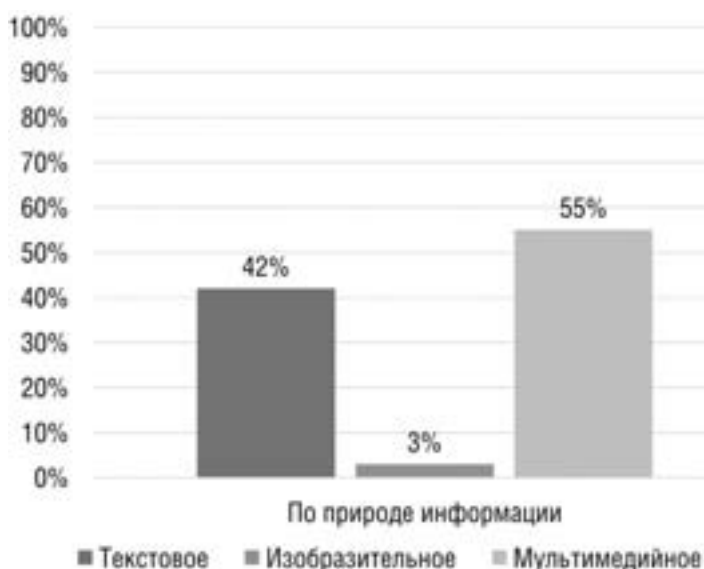

Рис. 4

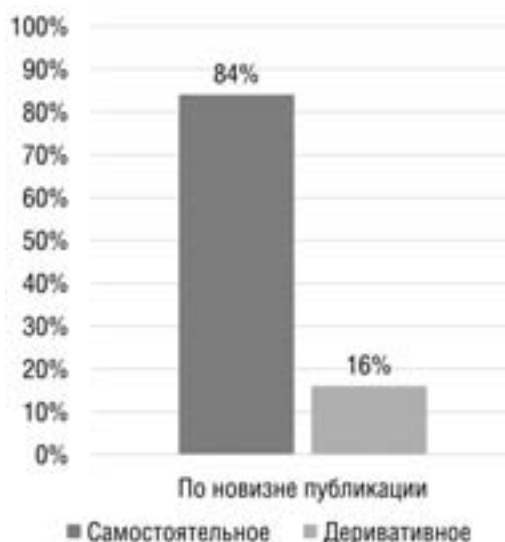

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 3–6. Виды изданий

зователей, выпускают свои издания почти одновременно и для локального, и для сетевого распространения.

Помимо самостоятельных, выпускаются деривативные электронные издания, т. е. цифровые представления печатных изданий [6]. Особенно много деривативных изданий было представлено на первые смотры-конкурсы, т. е. электронная издательская деятельность во многих библиотеках на первом этапе была связана с переводом в электронную форму наиболее востребованных печатных изданий.

Обновляемых изданий выпускается небольшое количество, хотя надо полагать, что для информационных изданий библиотек периодическое их обновление крайне важно, и специалисты библиотек это постепенно осознают: в заявках VI смотра-конкурса 2017 г. количество сериальных обновляемых изданий почти равно числу сериальных изданий других видов.

По содержанию можно выделить следующие группы тем, к которым относятся большинство изданий прошедших смотров-конкурсов (Примеры приведены в таблице).

Таким образом, можно отметить, что библиотеки активно выпускают и предоставляют на смотры-конкурсы ЭИ, посвященные наиболее ярким явлениям национальной и региональной культуры, и тем самым способствуют ее сохранению и развитию. Почти все эти издания ориентированы на достаточно широкую читательскую аудиторию, включающую работников культуры, студентов, учащихся и всех, кто этими темами интересуется.

Особую группу ЭИ, участвующих в смотрах-конкурсах РГБ, составляют научно-информационные издания, предназначенные непосредственно специалистам сферы культуры и традиционно подготавливаемые сотрудниками СНИКИ, а в последние годы — и других подразделений библиотек. Часть этих изданий на протяжении многих лет выпускались в печатной форме, а с внедрением компьютерных технологий стали переводиться в электронную форму. К наиболее важным ЭИ этой группы относятся:

- ◆ Библиографические, фактографические, полнотекстовые базы данных (БД) по культуре и искусству;

- ◆ БД и сборники, посвященные инновациям и опыту работы;

- ◆ Обзорные и обзорно-аналитические издания, подготавливаемые по результатам мониторинга деятельности учреждений культуры региона;

- ◆ Календари знаменательных (памятных) дат;

- ◆ Сценарные и сценарно-методические сборники и БД.

Особенно активно представлялись календари знаменательных дат, отличающиеся, как правило, интересным дизайном и разнообразием используемых программных решений. Удачным примером публикации календарей может служить ЭИ, подготавливаемое Челябинской областной универсальной научной библиотекой «Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2015 г.» (V смотр-конкурс). Победителями были также названы сценарные и сценарно-методические сборники и БД. Например, в первом смотре-конкурсе победила БД Пермской областной универсальной библиотеки, а во II — БД Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина. Многие центральные региональные библиотеки посвящают свои издания опыту работы и результатам мониторинга деятельности библиотек и других учреждений культуры. Однако очень часто эти издания публикуются в виде файлов без разметки, что неудобно для пользователей. Однако есть и положительные примеры: «Банк инноваций» Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина, размещенный на сайте библиотеки в виде БД, стал победителем V смотра-конкурса.

Необходимую для специалистов библиотечного дела группу составляют методические издания: методические рекомендации, методические, инструктивно-методические, учебно-методические пособия, издания комплексного характера. Несмотря на то, что дискуссия о методической работе утихла, и это профессиональное направление получило позитивный импульс еще в конце 1990-х гг. [7, с. 50–51], такого рода издания редко выпускаются в электронной форме. Свидетельство тому — количество изданий, представленных на VI смотр-конкурс (4 из 75, рис 2). Между тем можно утверждать, что у электронных методических изданий — большое будущее, поскольку современные информационные технологии обес-

Таблица

Основная тематика изданий

Тема	Название	Издатель	Смотр-конкурс
Традиционная культура и отдельные ее проявления, культура и искусство территорий России	Вологодские народные промыслы	Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина	IV
	Национальная культура телеутов	Централизованная библиотечная система г. Белово Белгородской области	VI
Знаменательные события и памятные даты в культуре и искусстве страны и территорий	Обрати свою душу к книге... Ко Дню славянской письменности	Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова	II
	Кино из века в век: история развития кино и телевидения на Таймыре : [к году российского кино]	Дудинская централизованная библиотечная система, Красноярский край	VI
Выдающиеся деятели культуры и искусства страны и территорий	Выдающиеся деятели культуры и искусства Республики Татарстан	Национальная библиотека Республики Татарстан	IV
	М.П. Мусоргский: «Душа русской музыки»	Псковская областная универсальная научная библиотека	V
Достопримечательности и памятные места на территории России	Прогулка по городу Волгодонску с библиографом	Централизованная библиотечная система г. Волгодонска Ростовской области	VI
	Пушкинские места Ленинградской области	Ленинградская областная универсальная научная библиотека	VI
Деятельность организаций и учреждений культуры и искусства в целом, отдельные направления	Художники Мурмана. Мурманская областная общественная организация ВТОО «Союз художников России»	Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека	II
	Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна: 135 лет с читателями	Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна Республики Марий Эл	IV
События, наиболее яркие явления в современной культуре регионов России	Звезды на Байкале : к 10-летию юбилею Международного музыкального фестиваля	Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского	VI

печивают крайне важные удобства для их использования: быстрые навигацию и поиск по тексту, ссылки на внешние ресурсы, возможность делать закладки, заметки, выполнять задания в интерактивном режиме и т. д.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ИЗДАНИЙ СМОТРОВ-КОНКУРСОВ

На протяжении всех смотров-конкурсов электронные издания были самыми сложными для оценки, поскольку очень различаются по содержанию, видам, используемым техническим средствам и читательскому назначению.

Ситуация значительно улучшилась к VI смотр-конкурсу благодаря накопленному опыту и предложению рядом специалистов показателей качества электронных ресурсов вообще и электронных изданий, в частности. Критерии оценки изданий, которыми руководствовался экспертный совет, были подготовлены на основании разработки и при участии ведущего специалиста ЦИПР в РГБ Е.И. Козловой [8]. В соответствии с утвержденным Положением о VI Всероссийском смотре-конкурсе [9] ЭИ получали оценки по десятибалльной шкале по следующим группам критериев:

- ◆ качество содержания;
- ◆ состав и расположение выходных сведений издания;
- ◆ редакционно-издательская подготовка и организация аппарата издания;
- ◆ оформление издания;
- ◆ функциональность оболочки издания;
- ◆ технические характеристики издания.

Полученные участниками смотра-конкурса оценки распределились в диапазоне от 66 до 181 балла, что говорит о достаточно высоком уровне полученных на смотр-конкурс изданий. Наиболее высокие оценки (от 150 баллов) получили 10 ЭИ, которые относятся к многофункциональным мультимедийным ресурсам краеведческого содержания и тематическим базам данных по фондам библиотек-участников.

Средние оценки (90 баллов) получили 25 изданий (33% от общего количества). При

этом с точки зрения содержания (актуальность темы, соответствие заглавию издания и охват библиографических источников) все представленные на смотр-конкурс издания получили высокие баллы. Самые значительные потери баллов происходили из-за недостаточного внимания к соблюдению правил редакционно-издательской подготовки, низкой функциональности оболочки издания и связанными с ней слабыми техническими характеристиками.

Результаты работы экспертного совета и жюри смотра-конкурса были использованы при проведении вебинара «Методика подготовки и оформление электронных изданий» (1 марта 2018 г.), проведенного РГБ совместно с ГПНТБ России. С его видеозаписью можно ознакомиться в Интернете [10], в данной статье приведены только основные просчеты, которые, по мнению автора статьи, допустили создатели ЭИ.

Основное нарушение правил подготовки изданий — отсутствие обязательных элементов выходных сведений — выявлялось еще на этапе первичного отбора изданий. Низкие баллы получали работы и по критериям, относящимся к составу и расположению выходных сведений издания.

Многие создатели ЭИ, представленных на VI смотр-конкурс, недооценили важность наличия руководства по использованию издания, а некоторые не дали даже краткой информации о системных требованиях, несмотря на то, что эти данные являются обязательными для ресурсов локального доступа в соответствии с государственным стандартом на библиографическое описание электронного ресурса [11]. Эти ошибки наказывались низкими баллами по критериям качества редакционно-издательской подготовки.

Необходимым условием качественной подготовки любого издания является профессиональное редактирование (научное, литературное, техническое). Следует отметить, что члены экспертного совета фиксировали орфографические ошибки, нарушения правил составления библиографического описания, неправильную навигацию и другие ошибки, в том числе в изданиях, набравших максимальные итоговые баллы.

И, наконец, создатели ЭИ должны понимать, что качественные электронные издания должны обладать удобной навигацией, содержать ссылки (в том числе, на внешние ресурсы), поиск и, желательны, пользовательские сервисы (закладки, заметки) и другие функциональные возможности в зависимости от назначения издания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы, собранные за время проведения смотров-конкурсов (заявки, экспертные заключения, собственно издания и др.), позволяют сделать следующие выводы:

Библиотеки заняли свою, устойчивую нишу в электронной издательской деятельности: выпуск информационных изданий широкого читательского назначения, направленных на сохранение и развитие культуры в стране и регионе.

Продолжается выпуск и перевод из традиционной в электронную форму издания в помощь профессиональной деятельности библиотечных работников и других специалистов сферы культуры и искусства (библиографических указателей, сборников рекомендаций и опыта работы, календарей знаменательных дат и др.).

Электронная издательская деятельность библиотек активно развивается и требует дальнейшего изучения ее места в сложившейся библиотечной практике и методической помощи.

Что касается значения проводимых РГБ смотров-конкурсов, то необходимо отметить, что организаторы получили многочисленные отклики, благодарности и пожелания о продолжении его проведения. В откликах отмечается, что помимо удовлетворения информационных потребностей читателей смотр-конкурс стимулирует инновационную активность библиотек, способствует более полному раскрытию научного потенциала библиотек, росту их авторитета и престижа библиотечной профессии. Об этом писали Т.И. Извекова (Централизованная библиотечная система № 1 Губкинского городского округа Белгородской области); Г.Ф. Кочкаркина и Э.В. Ямалутдинова (Национальная библиотека Республики Татарстан); Л.А. Царькова (Центральная универсальная научная

библиотека Ивановской области); О.Б. Шакирова (Централизованная библиотечная система Миасского городского округа Челябинской области) и др.

Список источников

1. Горбунова А.В. Деятельность служб информации по культуре и искусству : из опыта последних лет // Библиотекосведение. 2016. Т. 1, № 1. С. 32–39. DOI: 10.25281/0869-608X-2016-1-1-32-39.
2. Горбунова А.В., Сухотина М.Л. Смотр-конкурс электронной продукции служб научной информации по культуре и искусству: итоги IV этапа (2013 г.) // Модернизация системы информационно-аналитического обеспечения сферы культуры : материалы VIII Всероссийского совещания руководителей служб информации сферы культуры : 11–13 сентября 2013 года, Иркутск. Иркутск, 2013. С. 47–52.
3. Тихунова И.П. X Всероссийское совещание руководителей служб информации по культуре и искусству // Библиотекосведение. 2017. Т. 66, № 6. С. 711–715. DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-6-711-715.
4. Александрова О.А. Информационное обеспечение реализации государственной культурной политики // Библиотечное дело. 2017. № 24 (306). С. 43–44.
5. Осипова И.П. Общие теоретико-прикладные проблемы библиотечно-информационной деятельности // Библиотечное дело — XXI век. 2011. № 2 (22). С. 25–28.
6. ГОСТ Р 7.0.83–2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. Москва : Стандартинформ, 2014. 16 с.
7. Акилина М.И. Областная библиотека как центр региональной библиотечно-информационной системы // Научные и технические библиотеки. 1998. № 2. С. 50–52.
8. Козлова Е.И. Электронные учебные издания в современном вузе : учеб.-метод. пособие для системы повышения квалификации руководителей и специалистов ред.-изд. подразделений вузов. Москва : Форум, 2013. 208 с.
9. Положение о VI Всероссийском смотре-конкурсе библиотек на лучшее электронное издание по культуре и искусству // Росинформкультура [Электронный ресурс] / Рос. гос.

- б-ка. URL: http://infoculture.rsl.ru/RSKD/files_colleg/r_nov/Position.PDF (дата обращения: 26.03.2018).
10. Козлова Е.И. Методика подготовки и оформление электронных изданий : [видеозапись вебинара]. Москва, 2018. URL: <https://youtu.be/DGOz4T-sb-A> (дата обращения: 26.03.2018).
11. ГОСТ 7.82–2001. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов [Электронный ресурс]. URL: <http://vsegost.com/Catalog/67/6789.shtml> (дата обращения: 26.03.2018).

Electronic Publications on Culture and Art in Russian Libraries (Based on the Materials of All-Russian Competitions)

Anna V. Gorbunova

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia
E-mail: annav52@mail.ru

Abstract. *Since 2004, the Russian State Library has organized all-Russian competitions of library electronic products on culture and art. In total, during six competitions, about 100 electronic publications has been presented, mainly by public libraries of regional and municipal levels, as well as by federal, special and university libraries.*

Analysis of the competitions' materials allows to say that the libraries of Russia produce roughly the same number of network and local electronic publications, while the share of network publications is gradually increasing; in addition to the original editions, derivatives are published; there are few updated electronic publications, although they are very convenient for online distribution. In content, there are information publications devoted to the most vivid manifestations of national and regional culture and contributing to its preservation and development. Professional literature is provided to help specialists of libraries and other institutions of culture and art.

Evaluation of the competitions' electronic publications was carried out according to the following criteria: quality of content, compliance with the requirements for publications, design, functionality and technical characteristics. According to these criteria, more than half of the electronic publications parti-

cipating in the 6th competition received average and high scores, which indicates a sufficiently high quality of the electronic publications of libraries. Some publications received low scores mainly due to errors in the design and weak functionality.

The main conclusion: libraries have occupied a stable niche in electronic publishing.

Key words: all-Russian competition, libraries of Russia, Russian State Library, publishing, culture, art, electronic publications, main characteristics, types, subject, quality.

Citation: Gorbunova A.V. Electronic Publications on Culture and Art in Russian Libraries (Based on the Materials of All-Russian Competitions), *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 658–667. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-658-667.

References

1. Gorbunova A.V. Activity of Information Services on Culture and Art of the Central Libraries of the Subjects of the Russian Federation: from the Experience of the Recent Years, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2016, vol. 1, no. 1, pp. 32–39 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2016-1-1-32-39.
2. Gorbunova A.V., Sukhotina M.L. The Competition of Electronic Products of Scientific Information Services for Culture and Art: The Results of the 4th Stage (2013), *Modernizatsiya sistemy informatsionno-analiticheskogo obespecheniya sfery kul'tury: materialy VIII Vserossiiskogo soveshchaniya rukovoditelei sluzhbb informatsii sfery kul'tury: 11–13 sentyabrya 2013 goda, Irkutsk* [Proceedings of the 8th All-Russian Meeting of the Heads of Information Services for Culture and Art “Modernization of the System of Information and Analytical Support of the Sphere of Culture” (Sep-

- tember 11–13, 2013, Irkutsk)]. Irkutsk, 2013, pp. 47–52 (in Russ.).
3. Tikunova I.P. The 10th All-Russian Meeting of the Heads of Information Services for Culture and Art, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2017, vol. 66, no. 6, pp. 711–715 (in Russ.). DOI: 1025281/0869-608X-2017-66-6-711-715.
 4. Aleksandrova O.A. Information Support of the State Cultural Policy Implementation, *Bibliotchnoe delo* [Librarianship], 2017, no. 24 (306), pp. 43–44 (in Russ.).
 5. Osipova I.P. General Theoretical and Applied Problems of Library and Information Activities, *Bibliotchnoe delo – XXI vek* [Library Science – 21st Century], 2011, no. 2 (22), pp. 25–28 (in Russ.).
 6. GOST R 7.0.83–2013. *Sistema standartov po informatsii, bibliotchnomu i izdatel'skomu delu. Elektronnye izdaniya. Osnovnye vidy i vykhodnye svedeniya* [State Standard R 7.0.83–2013. System of Standards on Information, Librarianship and Publishing. Electronic Editions. Basic Types and Imprints]. Moscow, Standartinform Publ., 2014, 16 p.
 7. Akilina M.I. Regional Library as a Hub of the Regional Library and Information System, *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 1998, no. 2, pp. 50–52 (in Russ.).
 8. Kozlova E.I. *Elektronnye uchebnye izdaniya v sovremenном vuze: ucheb.-metod. posobie dlya sistemy povysheniya kvalifikatsii rukovoditelei i spetsialistov red.-izd. podrazdelenii vuzov* [Electronic Educational Publications in the Modern University: educational and methodical manual for the system of advanced training of heads and specialists of editorial and publishing departments of universities]. Moscow, Forum Publ., 2013, 208 p.
 9. Regulations on the 6th All-Russian Competition of Libraries for the Best Electronic Publication on Culture and Art, *Rosinformkul'tura* [Rosinformculture]. Available at: http://infoculture.rsl.ru/RSKD/files_colleg/r_nov/Position.PDF (accessed 26.03.2018) (in Russ.).
 10. Kozlova E.I. *Metodika podgotovki i oformlenie elektronnykh izdaniy* [Preparation Methods and Design of Electronic Publications]. Moscow, 2018. Available at: <https://youtu.be/DGOz4T-sb-A> (accessed 26.03.2018).
 11. GOST 7.82–2001. *Sistema standartov po informatsii, bibliotchnomu i izdatel'skomu delu. Bibliograficheskaya zapis'. Bibliograficheskoe opisanie elektronnykh resursov* [State Standard 7.82–2001. System of Standards on Information, Librarianship and Publishing. Bibliographic Recording. Bibliographic Description for Electronic Resources]. Available at: <http://vsegost.com/Catalog/67/6789.shtml> (accessed 26.03.2018).

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИСКУССТВ (РГБИ)

представляет издания

М.А. Булгаков : аннотированный библиографический указатель. Т. 1 : 1919–1940 / Рос. гос. б-ка искусств ; сост. М.В. Мишуrowsкая, [Е.И. Алексеенкова], И.С. Ефимова, Ю.Г. Слизун ; ред. С.П. Бавин, М.В. Мишуrowsкая ; библиогр. ред. А.В. Акименко. Москва : РГБИ, 2017. 704 с.

Первый том многотомного справочника, отражающего тексты писателя, опубликованные в периодике и вышедшие отдельными изданиями в России, СССР и за рубежом (на русском языке), а также библиографические описания книг, статей и их фрагментов, посвященных его творческому и документальному наследию. Указатель охватывает период с 1919 по 1940 г.

Два основных раздела «Тексты М.А. Булгакова» и «Публикации о жизни и творчестве М.А. Булгакова» дополнены вспомогательным аппаратом, включающим «Указатель имен», «Указатель заглавий», «Указатель спектаклей» и «Список просмотренных периодических изданий». Многие библиографические сведения вводятся в научный оборот впервые. Аннотации передают, в частности с помощью цитирования, содержание материалов.

В.П. ЧУДИНОВА

ЧТЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПОКОЛЕНИЯ Z: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ*

Вера Петровна Чудинова,

Российская государственная детская библиотека,
отдел социологии, психологии и педагогики
детского чтения,
главный научный сотрудник
Калужская пл., д. 1, Москва, 119049, Россия

кандидат педагогических наук
E-mail: chudvp@yandex.ru

Реферат. *Статья посвящена проблеме передачи литературной культуры от предыдущих поколений к поколению Z. Представлено краткое описание этого поколения в ракурсе теории поколений Н. Хоува и В. Штрауса. В общих чертах освещена тема детского чтения поколений XX века. На примере репертуара чтения детей и подростков произведений классики и актуальной детской литературы показан процесс постепенного ослабления передачи ценностей литературной культуры от поколения к поколению. На материалах комплексных и социологических исследований, проведенных Российской государственной детской библиотекой (РГДБ) в начале XXI в., обозначены проблемы чтения лучшей литературы, традиционно входившей в чтение поколений. Приведенные в статье результаты исследований свидетельствуют о процессе утраты почти*

вековой литературной традиции. Например, эту проблему можно увидеть при выборе родителями книг для детей младшего и среднего школьного возраста. Во многом репертуар чтения детьми и подростками литературной классики формируется школой: это школьная программа и списки внеклассного чтения. Интерес школьников к классической литературе и к книгам предыдущих поколений продолжает падать. Показан процесс изменения репертуара досугового чтения у подростков. Репертуар их чтения значительно фрагментирован. Это в значительной степени обусловлено тенденциями развития книгоиздания и распространения литературы. Обозначены плюсы и минусы в чтении подростков, вызванные новыми информационными технологиями, показано влияние этих технологий на читательскую грамотность и культуру чтения. Процесс выбора литературы подростками, юношами и девушками проиллюстрирован на основе результатов нового исследования. Показано, что выбор школьников во многом является случайным и содержит произведения современной литературы с преобладанием книг жанра фэнтези. Результаты исследований свидетель-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 16-06-00792-ОГН\18 «Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус».

ствуют: сегодня основными факторами, особенно влияющими на выбор литературы подростками и юношеством, являются видеопродукция, а также советы сверстников. Решение проблемы поддержки чтения и формирования круга чтения школьников поколения Z в контексте затухания литературной традиции является сложной задачей, которую предстоит решать компетентным взрослым наставникам вместе с самими подростками и юношеством.

Ключевые слова: дети, подростки, поколение Z, чтение, литература, социализация, традиция, Интернет, социокультурный контекст, литературные предпочтения.

Для цитирования: Чудинова В.П. Чтение и литературные предпочтения школьников поколения Z: социокультурный контекст // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 668–681. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-668-681.

Сегодня тема поколений становится все более популярной. Во многом это связано с тем, что дети, подростки, молодежь погружены в новую информационную среду, и часто их поведение непонятно взрослым — родителям и педагогам. В последнее десятилетие в средствах массовой информации широко тиражировался миф о том, что дети нового «цифрового поколения» книг уже не читают, а играют в компьютерные игры, меньше общаются со сверстниками в реальной жизни и пр. Однако так ли это? И как на самом деле выглядит картина чтения и литературных предпочтений школьников поколения Z?

ДЕТИ, ПОДРОСТКИ И ЮНОШЕСТВО — ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПОКОЛЕНИЯ Z

Представители поколения Z (называемые также центениалы, хоумлендеры и др.) — это дети и молодежь, юные граждане нашей страны, родившиеся примерно после 2000 г. (по разным источникам эта

дата колеблется от 1995 до 2004 г.). Некоторые исследователи предпочитают пользоваться словосочетанием «поколение Зет», используя американскую теорию поколений Н. Хоува и В. Штрауса, созданную в 1991 г. и получившую широкое распространение за рубежом; сегодня она все чаще используется и в России [1; 2]. Отечественные ученые Е. Шамис и Е. Никонов адаптировали эту теорию для нашей страны. По их мнению, особенно важен период детства, возраст до 10–12 лет, когда под влиянием внешних событий, происходящих в обществе, а также традиций воспитания в семье ребенок осваивает стиль жизни и способы поведения взрослых. Поскольку события и стиль воспитания в определенном историческом периоде сходны, то и формирующиеся ценности также являются сходными [3; 4].

Сфера взаимодействия детей, молодежи с информацией в последнее десятилетие особенно активно изучается на Западе и в меньшей степени — в нашей стране. Это второе цифровое поколение, но в то же время оно является первым поколением, с раннего возраста тесно связанным с новыми технологиями. Дети и подростки, юноши и девушки проводят в Сети значительно больше времени, чем все предыдущие поколения, в том числе в социальных сетях, за просмотром видео и онлайн-играми.

Сегодня отмечают следующие характеристики этого поколения:

- ◆ «связанность» (они все время на связи),
- ◆ многозадачность (могут использовать несколько экранов и видов устройств одновременно),
- ◆ быстрое переключение внимания,
- ◆ предпочтение информации в виде визуальных образов,
- ◆ отсутствие устойчивых предпочтений,
- ◆ активный поиск своей идентичности,
- ◆ стремление к саморазвитию и разнообразию и др.

Юные представители этого поколения активно изучаются маркетологами и представителями бизнес-структур. Например, Сбербанк Российской Федерации провел исследование, в котором говорится, что онлайн — это основное измерение реальности для цифрового поколения, юношам и девушкам важно постоянно

быть на связи, общаться с друзьями, следовать рекомендациям из Интернета; «они другие — мы должны это признать» [5].

В настоящее время чаще изучается информационное поведение детей и подростков. Однако в большинстве проводимых исследований делается акцент на медиапотребление (например, поведение подростков и молодежи при использовании ими различных медиа), но эти исследования, как правило, не дают информации относительно проблемы передачи культурной традиции от поколения к поколению.

«ЗОЛОТЫЕ ПОЛКИ» В ЧТЕНИИ ПОКОЛЕНИЙ XX ВЕКА

Остановимся на кратком анализе проблем, которые сегодня существуют в чтении и приобщении к литературе детей, подростков и юных представителей поколения Z в контексте процессов трансляции литературной культуры. Основой для описания современной ситуации в детском чтении являются проведенные Российской государственной детской библиотекой (РГДБ) исследования (при участии автора)¹. Изучалось, прежде всего, чтение детей и подростков на досуге (мотивация, жанрово-тематические предпочтения детей и подростков, любимые книги, читательские практики, источники получения литературы и информации, роль «руководите-

¹ Дважды изучение детского чтения было проведено в 15 регионах страны в рамках всероссийского конкурса читательских симпатий «Золотой ключик» (1998–1999, 2002–2003); в анкетном опросе участвовало более 2 тыс. детей и подростков. В 2002–2005 гг. в ходе исследования «Сельский ребенок: чтение, книжная среда, библиотека» было опрошено 2,5 тыс. подростков в 17 регионах. Новые проблемы чтения подростков, связанные с развитием Интернета и социальных сетей, изучались в поддержанной РГНФ НИР «Художественная литература и подростки в Сети: сетевые сообщества юных читателей» (2007–2008). В 2011 г. в рамках исследования «Чтение и читательские практики московских подростков» было проведено анкетирование 1141 человека. Его целью было изучение состояния чтения и новых читательских практик московских подростков 11–14 лет (учащихся 5–8 классов) в контексте развития новой электронной среды (подробнее см.: <http://soc.rgdb.ru/2013-12-12-11-29-44>).

лей» детского чтения — родителей, педагогов, воспитателей, библиотекарей). Эти исследования позволяют увидеть общую картину процессов социодинамики чтения подрастающего поколения.

Отметим, что миф о том, что дети не читают, противоречит как реальности, так и результатам исследований. С нашей точки зрения, этот миф во многом является реакцией на изменения в чтении детей и подростков представителей предыдущих поколений, которые выросли в литературоцентричной культуре, когда книга и чтение имели в обществе высокий статус. Вместе с тем их опасения имеют под собой основание, о чем мы скажем далее.

В последнее десятилетие изменения в чтении ярко проявились в утрате интереса к книгам, входившим в круг чтения нескольких предыдущих поколений. В России долгое время существовала традиция передачи литературной культуры от старших к младшим. Книги, особенно произведения русской и зарубежной классики, оказывали глубокое воздействие на формирование личности. Это влияние наиболее ярко отражено в работах М.Н. Прякина [6; 7].

Остановимся на теме семейного чтения и чтения на досуге нескольких поколений XX века. По этой теме существует много источников, но в данном случае мы ссылаемся на работы Ю.П. Мелентьевой [8; 9]. Книги так называемой «золотой полки» отнесены к литературной классике, часть произведений читали в семьях еще в первой половине XX века. В этот период любимыми темами мальчиков были приключения и путешествия, гражданская война, революция, техника; любимые книги девочек рассказывали про быт, «жалостливые» истории. К любимым писателям мальчиков относились: Ж. Верн, М. Рид, Ф. Купер, девочек — Ч. Диккенс, Г. Мало и др. Дети любили читать книги о животных, «веселые», сказки.

В середине XX в. семейное чтение являлось частью литературной традиции (прежде всего, в семьях образованных родителей). Родители рекомендовали для чтения детям и подросткам книги таких авторов, как Г.Х. Андерсен, Б. Гарт, Гомер, бр. Гримм, В. Гюго, Дж.-К. Джером, Ч. Диккенс, Дж. Кервуд, Д. Лондон, Р. Киплинг, Дж.Ф. Купер, Г. Мало, П. Мериме, М. Митчелл, О. Генри, Э. По, Р. Распэ, Ч. Робертс, Э. Ро-

стан, Р. Сабатини, Ж. Санд, Дж. Свифт, Э. Сетон-Томпсон, Р.-Л. Стивенсон, М.С. Сервантес, Г. Уэллс, Г.Р. Хаггард, Г. Честертон, У. Шекспир. Среди отечественных авторов следует выделить С. Аксакова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А.К. Толстого, А. Чехова (позже — М.А. Булгакова).

К «золотой полке» детско-подросткового чтения второй половины XX в. добавились книги Дж. Даррелла, С. Лагерлеф, А. Линдгрэн, Дж. Родари, П. Трэверс, М. Энде, Т. Янссон и др. Произведения этих писателей создавали основу репертуара детско-подросткового чтения в 1970–1990-е гг. [10]. В круг чтения детей и подростков в эти годы входили также книги таких отечественных авторов, как: И. Акимовский, А. Барто, К. Булычев, Б. Васильев, Е. Велтистов, А. Волков, В. Каверин, Л. Кассиль, В. Крапивин, Н. Носов, С. Михалков, К. Паустовский, А. Толстой, К. Чуковский и др. [11]. В СССР многие детские книги издавались миллионными тиражами, и это обстоятельство создавало определенный круг чтения и позволяло передавать литературную традицию детского чтения от поколения к поколению. Сегодня эта ситуация значительно изменилась.

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ ПОКОЛЕНИЯ Z: ФОРМИРОВАНИЕ КРУГА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Главным социальным институтом, от которого зависит развитие ребенка как читателя на всем протяжении его взросления, является семья. Именно от родителей зависит создание читательской среды, приобретение к чтению, раннее литературное развитие личности и интереса к чтению, наличие дома детских книг. Однако семьи имеют разные возможности, которые во многом определяются их принадлежностью к тому или иному социальному слою. Семьи значительно отличаются по уровню дохода, образования родителей, месту проживания и др. Несмотря на сохранение в круге детского чтения сказок

и имен лучших отечественных писателей, сегодня их читают гораздо меньше, чем раньше. Число имен авторов и названий произведений в чтении детей и подростков постепенно уменьшается. Проиллюстрируем это на основе результатов нескольких исследований.

В 2013 г. РГДБ совместно с Левада-центром провела всероссийское исследование, которое дало возможность не только увидеть существующие проблемы, но и проследить перемены, происходящие в чтении подрастающего поколения за последнее десятилетие². Результаты исследования свидетельствуют как о позитивных, так и негативных процессах [12]. Хотя преобладающее большинство детей читает на досуге (89% школьников младших классов самостоятельно читали детские книги), сегодня в семье накапливаются проблемы раннего литературного развития школьников и обучения их чтению. Родители стали несколько больше уделять внимание детскому чтению (47% детей сказали, что мамы читают им вслух, детские книги имелись у 93% младших школьников). Вместе с тем значительная часть проблем связана с недостаточной подготовленностью родителей в вопросе приобщения детей к чтению и детской литературе.

Отметим проблемы, которые связаны непосредственно с литературной традицией. Ее ослабление можно увидеть на примере ответов младших школьников на вопросы о любимых книгах и героях этих книг (ответило 350 учеников 1–4-х классов). Как правило, ответы на эти два вопроса совпадают, поскольку ребенок полюбил и литературное произведение, и его героя. Дети были названы такие персонажи, как Буратино (14 упоминаний), Карлсон (12) и Незнайка (11). Далее следуют: сказка Ш. Перро «Золушка» и ее героиня (назвали эту сказку 10 детей и 10 раз отметили герои-

² В 34 крупных городах 8 федеральных округов РФ был проведен опрос учащихся 1–4-х и 5–9-х классов (350 младших и 350 старших школьников). Результаты сравнивались с данными Левада-Центра, собранными в 2006 году. По сходным методикам были проанализированы такие параметры, как объем чтения и домашней библиотеки, любимые авторы, мотивация (отношение к чтению), жанрово-тематические предпочтения и др. Также был проведен опрос экспертов и специалистов, в том числе детских библиотекарей (получено 83 анкеты от 103 специалистов из 37 регионов страны).

ню), русская народная сказка «Колобок» и сам Колобок (10/10), сказка бр. Гримм «Белоснежка» и ее героиня (7/7), книга А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» и Элли (7/7), сказка Х.К. Андерсена «Дюймовочка» и ее героиня, русская народная сказка «Маша и Медведь» (6/0), «Денискины рассказы» В.Ю. Драгунского (5/0), Дядя Федор и кот Матроскин из книги и мультфильмов по произведениям Э. Успенского (6 детей назвали только этих двух героев), сказка П. Ершова «Конек-горбунок» и этот же герой (5/5), сказка Ш. Перро «Красная Шапочка» и ее героиня (5/5), а также Алиса из книги Л. Кэрролла. Эти произведения популярны во многом благодаря тому, что дети смотрят мультфильмы с этими персонажами. Все остальные упоминания практически единичны (от 4 и менее). Круг детского чтения очень раздроблен, названия произведений редко повторяются.

Этот процесс можно проследить на материале других исследований, проведенных РГДБ. В 2016 г. совместно с Фондом «Общественное мнение» состоялся всероссийский опрос родителей на тему «Детское кино и детские книги»³. Современные родители уже гораздо хуже знают сказки, которые знали их родители, бабушки и дедушки. Около половины родителей (42%) отметили, что у детей и подростков (до 15 лет) есть любимые детские книги. Детей дошкольного и младшего школьного возраста, согласно ответам родителей, читают русские народные сказки (6%), например «Колобок», «Три медведя», «Куричка Ряба», «По щучьему веленью» и др., а также стихи для детей (3%) таких авторов, как А. Барто, К. Чуковский, С. Маршак и др. Некоторые родители отметили, что дети читают произведения отечественных авторов (9%). Но почти половина родителей недостаточно внимательна к чтению своих детей: так, 16% затруднились ответить, какие книги нравятся их детям, а треть родителей (33%) утверждали, что у ребенка нет любимых детских книг (скорее всего, сами

³ Опрошено городское и сельское население России в 104 населенных пунктах 53 субъектов РФ в возрасте от 18 лет. Репрезентативная выборка составила 1500 человек. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. Акцент в исследовании был сделан на опросе родителей, имеющих детей в возрасте до 18 лет.

эти родители тоже не читают на досуге). Назвать конкретные произведения и писателей смогли далеко не все. В списке перечисленных авторов есть как классика детской литературы, так и некоторые современные авторы. Среди названных — А.С. Пушкин, В. Сутеев, Н. Носов, Э. Успенский, а из произведений — «Королевство кривых зеркал», «Волшебник Изумрудного города», «Алые паруса», «Буратино», «Домовенок Кузька», «Чук и Гек», «Мишкина каша», «Руслан и Людмила». Некоторые опрошенные отметили книги зарубежных писателей (9%): «Русалочка», «Красная Шапочка», «Кот в сапогах», «Маленький принц», «Робинзон Крузо», «Мэри Поппинс», «Три мушкетера», «Путешествие Голубой Стрелы». В этом перечне легко увидеть, что родители больше всего называют произведения детской литературной классики для дошкольного и младшего школьного возраста (в том числе те, которые были экранизированы), однако при этом авторов современной детской литературы практически не упоминают [13].

Несмотря на сохранение в круге детского чтения сказок и имен лучших отечественных писателей, сегодня их читают гораздо меньше, круг имен авторов и названий произведений постепенно сужается. Сегодня в чтении младших школьников можно увидеть лишь часть книг «золотой полки» из круга чтения предыдущего поколения. Детское чтение становится все более фрагментированным и все чаще носит случайный характер.

ПОДРОСТКИ: ЧТЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ

С начала XXI в. можно проследить процесс значительного изменения состояния чтения подростков. С одной стороны, как у подростков, так и взрослых уменьшается объем свободного времени, которое можно уделить чтению, особенно чтению повестей и романов, которые требуют более глубокого погружения в текст. С другой стороны, быстро обновляется репертуар изданий, выходящих на книжном рынке, и большинство подростков ориентированы на новые книги, отвечающие на вызовы времени.

Интенсивное изменение информационного пространства сильно влияет на социализацию личности. В последнее десятилетие дети и подростки все больше времени тратят на компьютерные игры, просмотр телеканалов, прослушивание музыкальных аудиозаписей (в том числе, в Интернете), общение в социальных сетях. Однако с проникновением Интернета в регионы новые возможности для получения интересных текстов появились не только у взрослых, но и у детей и юношества.

Данные исследований опровергают миф о том, что дети не читают. Действительно, время на чтение книг у них сократилось, читательские привычки значительно изменились. Дети читают, но во многом делают это иначе, чем предыдущие поколения. Особенно изменилось чтение подростков. Чтение сегодня — это чтение не только печатных книг, но и на экране своего мобильного телефона (смартфона и пр.).

В Интернете (либо с его помощью) читают разную информацию треть младших школьников и 67% подростков. Книги они читают в разных форматах (как печатные, так электронные издания). Но и чтение в традиционном варианте пока остается, многие предпочитают «бумажные» книги. Чтение подростков изменилось за последние годы более значительно, чем чтение младших школьников, Интернет и новые возможности получения литературы активизировали их чтение, заметно увеличилось количество учеников 5–9 классов, которым нравится читать (76%).

Результаты исследования показали, что подростки читают в Интернете не только электронные книги. Их интересуют различные темы, связанные с учебой, досугом, развлечениями, хобби: новости (40%), энциклопедии (31%), юмор (30%), о музыкальных группах и исполнителях (28%), спорте (27%) и многое другое. Так, 15% подростков также читают литературные сайты (о книгах, писателях). Многие (67%) читали книги в Интернете либо электронные книги, 30% подростков ищут информацию о книгах в социальных сетях, 16% — в блогах. Более четверти подростков (27%) получает информацию на сайтах книжных издательств.

Согласно последним результатам международных исследований в сфере образования PIRLS и PISA в России наблюдается некото-

рое улучшение состояния чтения подростков [14]. В этих исследованиях изучается не культура и репертуар чтения, а читательская грамотность — способность человека понимать и использовать письменные тексты, размышлять о них и заниматься чтением, чтобы расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни. Результаты исследований свидетельствуют о том, что российские школьники хорошо читают в возрасте 10 лет, но в возрасте 15 лет они занимают лишь 26-е место [14]. Система образования уже столкнулась с проблемами, связанными с улучшением читательской грамотности у подростков. Но позитивные сдвиги все же есть, и мы полагаем, что отчасти они могут быть обусловлены тем, что подростки получили возможность больше читать в Интернете.

Результаты исследований РГДБ также позволяют сделать вывод о том, что в целом Интернет усиливает познавательную активность подростков и юношества, стимулирует их к приобретению новых знаний в самых разных областях в зависимости от индивидуальных предпочтений. Таким образом, он предоставляет много возможностей тем, кто любит читать. Грамотные читатели — подростки гораздо лучше ориентируются не только в литературе, но и в медиасреде, информационном пространстве в целом. Уровень культуры чтения во многом определяет как способы, так и качество использования подростками Интернета.

Отметим еще несколько особенностей репертуара чтения современных подростков. В репертуаре их литературного чтения продолжают лидировать фантастические, «волшебные» книги (56%) а также приключенческая литература (55%). Многие книги стали популярными благодаря кино- и телеэкрану (например, произведения Дж. Роулинг, «вампирические саги» С. Майер и С. Лукьяненко). Но есть книги, которые подростки любят традиционно, это — веселые и смешные книги (37%). Четверть опрошенных читали занимательную, познавательную литературу; про войну, сражения полководцев (23%, в основном мальчики), романтические, про любовь (16%, в основном девочки).

Очень популярным произведением в подростковом возрасте до сих пор является роман Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Произведе-

дения Дж.Р. Толкина «Хоббит» и «Властелин колец» также были указаны в списке любимых книг. Современные авторы, в числе которых С. Майер («Сумерки»), Э. Хантер («Коты-Воители») также упоминались опрошенными подростками. Иногда в круге их чтения встречаются книги, которые включены в списки внеклассного чтения и которые они читали по рекомендации учителей. Чаще упоминаются: «Робинзон Крузо» Д. Дефо (названы 15 раз) и «Приключения Тома Сойера» М. Твена (названы 14 раз). Остальные книги упоминаются гораздо реже (названы менее 9 раз): «Белый клык» Дж. Лондона, «Рассказы о Шерлоке Холмсе», А. Конан-Дойля, «Алиса в Стране Чудес» Л. Кэрролла, «Три мушкетера» А. Дюма, «Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона, «Дети капитана Гранта» и «Таинственный остров» Ж. Верна, «Приключения барона Мюнхгаузена» Р.Э. Распе, «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери.

Из отечественной классики подростками редко, но все же упоминаются: «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Рассказы» А.П. Чехова, «Алые паруса» А. Грина, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова, «Голова профессора Доуэля» А. Беляева, «Денискины рассказы» В. Драгунского, «Белый Бим Черное ухо» Г. Троепольского.

Самые большие проблемы относятся к кругу чтения подростков. Он сильно дифференцирован, в нем нет многих лучших произведений книг «золотой полки», популярной у предыдущих поколений, но при этом имеется много книг, не имеющих высоких художественных достоинств. Главная проблема репертуара их чтения сегодня — обилие массовой литературы далеко не всегда высокого качества, которая поступает через тематические серии, книги определенных жанров, популярные у подростков, прежде всего это — фэнтези и мистика, в том числе триллеры («ужастики») [15; 16].

Но «качественная» научная фантастика ныне не популярна, и произведения многих ранее хорошо известных писателей-фантастов (Г. Уэллса, Р. Брэдбери, А. Кларка, А. Азимова, а также А. Беляева, И. Ефремова, бр. Стругацких и др.) уже не читают. Сегодня почти нет семей, где подростки по собственному же-

ланию читали бы романы М. Рида, Ч. Диккенса, Ф. Купера, Р.Л. Стивенсона, любимые предыдущими поколениями. Подростки, юноши и девушки, прочитавшие эти книги, встречаются сейчас крайне редко.

В последние годы растет число наименований произведений, выпускаемых для детей и подростков, заметно увеличилось, стало более привлекательным оформление книг. Однако новая детская литература (как зарубежная, так и отечественная) издается небольшими тиражами, и они продолжают неуклонно сокращаться. Результатом этого процесса является усиление фрагментации в круге чтения детей и подростков, которые все больше ориентированы на модные имена и советы сверстников.

РЕПЕРТУАР ЧТЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПОКОЛЕНИЯ Z

В конце июня 2018 г. в Международном детском центре «Артек» Лигой юных журналистов под руководством С.Б. Цымбаленко (при участии автора) было проведено социологическое исследование чтения в ракурсе медиапотребления современных школьников⁴. Это исследование продолжает серию работ С.Б. Цымбаленко и его коллег, в которых детально изучается медиасреда и поведение школьников-подростков в информационном пространстве [17; 18]. Отвечая на вопрос «Что тебе запомнилось из книг или медиаресурсов, с которыми познакомился недавно?», школьники могли указать в анкете различные виды ресурсов: интересная книга, хорошая книга, захватывающая телепередача, полезный интернет-ресурс, статья из газеты/журнала, аудиозапись. Ценность этого исследования состоит, прежде всего, в том, что самими школьниками были названы конкретные произведения, оказавшие на них влияние. Более половины из об-

⁴ С помощью онлайн-опроса подростки, юноши и девушки 11–16 лет заполнили небольшую анкету, посвященную их чтению и медиапотреблению (опрошено 580 человек).

щего числа опрошенных (57,4%) указывают книги, которые запомнились, произвели на них впечатление, стали любимыми. В чтение школьников входят самые разные произведения: книги по школьной программе, рекомендованные для внеклассного чтения, «для души», которые выбираются либо самостоятельно, по своим интересам, либо по совету сверстников или старших.

Круг чтения учащихся формируется в основном школьной программой. Сегодня далеко не каждый школьник полностью прочитывает эти произведения. Но юные получают о них представление, и иногда эти романы и повести все же становятся любимыми. Это «Война и мир» Л. Толстого, «Мертвые души» и «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, «Капитанская дочка» и «Повести Белкина» А.С. Пушкина; редко упоминаются произведения других писателей — М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова (фамилии авторов расположены по убыванию). Но в целом примерно каждый пятый опрошенный назвал в числе интересных различные произведения дореволюционной русской классической литературы. Иногда также упоминается роман «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова.

Книги, входившие в чтение детей и подростков XX в., — «золотые полки» предыдущих поколений, классика детской и юношеской литературы — сегодня почти не интересуют читателей подросткового и раннего юношеского возраста. Чаще всего эти книги рекомендуют для чтения учителя, родители и библиотекари. Часть книг может быть включена в школьную программу по литературе или в списки внеклассного чтения. Среди этих книг — «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери, пьесы В. Шекспира («Ромео и Джульетта», «Гамлет»), произведения А.-К. Дойла о Шерлоке Холмсе, рассказы Дж. Лондона, романы Ж. Верна, рассказы Р. Брэдбери и др.

Книги отдельных писателей, популярные у детей и подростков в XX в., все же присутствуют в чтении подростков, но упоминаются крайне редко, например: «Айвенго» В. Скотта, «Зверобой» Ф. Купера, «Граф Монте-Кристо» и «Три мушкетера» А. Дюма, «Приключения Романа Кальбри» Г. Мало. Произведения, которые нравились советским детям и под-

росткам («Динка» В. Осеевой, «Голова профессора Доуэля» А. Беляева, «Кортик» А. Рыбакова, «Два капитана» В. Каверина), сегодня уже практически не читаются (единичные упоминания).

В то же время в чтении подростков и юношества есть целый пласт современной литературы, который занимает в нем преобладающую часть. Подростки — это читатели литературы в жанре фэнтези. Из классиков научной фантастики иногда называется только Р. Брэдбери; школьники отметили «451 градус по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков». Другие известные фантасты XX в., например Г. Уэллс, Г. Гаррисон, Дж. Уиндем, братья Стругацкие, упоминались крайне редко.

В мире выходит огромное количество литературы жанра фэнтези, особенно в США и Великобритании. Пример тому — книги популярнейшей в России Дж. Роулинг — ее сага о Гарри Поттере. Книги этой серии стали любимыми у многих представителей предыдущего поколения. Остаются популярными они и сегодня, что отметила часть опрошенных. Есть и «детское фэнтези»: «Северное сияние» Ф. Пулмана, «Сирена» К. Касс, «Орудие смерти: город костей» К. Клер, серия книги «Страна сказок» К. Колфера и др. Школьники называют триллеры С. Кинга («Оно», «Кэрри», «Кладбище домашних животных»), а также книги этого жанра, написанные другими авторами, в том числе, популярным писателем Д. Брауном, по произведениям которого сняты фильмы.

Несмотря на многочисленные показы кинофильмов, снятых по книгам о вампирах С. Майер, ее романы уже не вызывают большого интереса у подростков. Но произведения о магах, ведьмах, вампирах остаются в их репертуаре чтения. Так, девочки-подростки назвали следующие книги: «Изумрудный атлас» Дж. Стивенса, К. Клэр и Х. Блэк «Медная перчатка», «Школа Добра и Зла. Принцесса или ведьма» С. Чайнани. Популярный на Западе роман К. Паolini «Эрагон» — также фэнтези. Остаются популярными у подростков и романы Р. Риодана о Перси Джексоне (во многом благодаря экранизациям). Роман О.С. Карда «Игра Эндера» также стал в России известен благодаря экранизации и показу на телевидении.

Популярна у некоторых юных книга «Песнь льда и пламени» Дж. Мартина из серии «Игра престолов», по которой был снят американский телесериал. В круге чтения подростков (особенно девочек) — много произведений современных авторов, пишущих в этом жанре в западных странах. Были также названы книги «Саги о ведьмаке» польского писателя А. Сапковского, уже несколько лет популярна книга-фэнтези «Дом странных детей» Р. Риггса, экранизация которой недавно была показана в кинотеатрах. В числе названных — «Бегущий в лабиринте» Дж. Дэшнера, написанная в жанре молодежной антиутопии.

В чтении подростков и юношей присутствуют и книги ряда известных отечественных фантастов, например Д. Глуховского «Метро 2033» (и другие его произведения), почти десятилетие они продолжают оставаться в репертуаре чтения подростков и юношества. Становятся все более популярными такие отечественные писатели, пишущие в жанре фэнтези, как Е. Гаглов («Зерцалия», «Пардус») и Н. Щерба «Часодеи».

Девочки-подростки и девушки довольно активно читают и современную художественную литературу: романы о жизни подростков, их взаимоотношениях, юношеской любви. Это, например, произведение английской романистки Дж. Мойес «До встречи с тобой» (его экранизация также вызвала интерес у девичьей аудитории), американские романы «Если я останусь» Г. Форман и «Весь этот мир» Н. Юн. Девочки называли также роман Е. Васиной «Это моя территория», повесть «Билет в другое лето» современной писательницы М. Евсевой, «Мы с истекшим сроком годности» Стейс Крамер (псевдоним А. Хохловой).

В ряду популярных — романы Дж. Грина — американского писателя, автора книг для подростков. Наиболее известными его романами стали «Виноваты звезды» (2012) и «Бумажные города» (2008). Во многом популярность его книг в России связана с экранизациями. Также среди других известных современных авторов назывались Ч. Поланик, П. Коэльо, Д. Браун.

Блогеры, а также писатели, активно присутствующие в Интернете (имеют персональные сайты, ведут блоги, выкладывают видеоролики), все больше влияют на чтение юных. Так,

становится все более популярной книга — «Девушка online» З. Сагг⁵. Еще один пример — книга популярного западного блогера М. Мэнсона «Тонкое искусство пофигизма» (его советы об отношениях и саморазвитии читают более 2 млн человек в год). Источниками информации о современных книгах для юных являются, как правило, друзья и сверстники, информация о книгах обычно берется из Интернета. У молодежи существует много групп в социальных сетях, где обсуждаются известные писатели и отдельные популярные произведения [19]. Еще одна особенность круга чтения современных подростков, юношей и девушек связана с играми, прежде всего компьютерными, часть которых создана по мотивам книг. Так, в число названных попали книги из серии вселенной Warcraft, придуманной первоначально для компьютерных игр. Книга «Assassin's Creed. Тайный крестовый поход» написана О. Боуденом по мотивам популярной видеоигры Assassin's Creed («Кредо убийцы»).

Внимание юных часто привлекают яркие и неординарные личности. Некоторые подростки читали книги, посвященные таким людям, их истории жизни и биографии. Например, «Сила мечты» — история молодой австралийки Дж. Уотсон, которая совершила кругосветное безостановочное одиночное путешествие на яхте. Еще один такой пример — автобиографическая книга Э. Пурди «Шаг вперед. История девушки, которая, потеряв ноги, научилась танцевать». Сегодня этот бестселлер переведен на многие языки. Одним из юношей отмечена книга известного путешественника Ф. Конюхова «Мои приключения».

Школьники более старшего возраста отмечают книги и других жанров: научно-популярные произведения по психологии, искусству общения, личностному развитию, экономике, финансам, космосу, астрономии, биологии и др. Например, «Мир в ореховой скорлупке» (или «Вселенная в ореховой скорлупе») С. Хокинга, «Смерть в черной дыре и другие мелкие космические неприятности» Н. Тайсона и др.

⁵ Зои (или Zoella) — популярный блогер и влогер из Великобритании, ее канал на YouTube насчитывает несколько миллионов просмотров (<https://www.youtube.com/zoella>).

В целом в репертуаре чтения подростков сегодня присутствуют самые разные книги (как по темам, так и по жанрам), но можно сказать, что значительно преобладают книги жанра фэнтези. Девочки и девушки читают намного больше произведений современной художественной литературы, чем мальчики.

ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЧТЕНИЕ ЮНЫХ

Сегодня школьники живут в расширяющейся глобальной информационной вселенной. Интернет, социальные сети, многочисленные (часто нелегальные) электронные библиотеки, видеоклипы и кинофильмы становятся все более доступными. Для тех, кто хочет получить информацию по разным темам, преград крайне мало. Однако они все же есть, и связаны с технологиями, доступностью и легальностью контента, уровнем читательской, информационной и медийной культуры самого потребителя этой информации.

Книги в настоящее время издаются крайне малыми тиражами, за исключением наиболее популярных — бестселлеров. В этом разнообразии трудно ориентироваться. В результате репертуар чтения у подростков и молодежи формируется в основном случайным образом. Главным влияющим фактором становится расширяющаяся медиасреда, визуальная, экранная культура. Многие современные романы читаются благодаря экранизациям, а также обсуждениям подростками и юношеством книг и кинофильмов в социальных сетях.

Книг, которые любили читать поколения XX в., в круге чтения остается совсем немного, как правило, это немногие детские книги для младших школьников. Преемственность в передаче литературной традиции от поколения к поколению сегодня осуществляется в основном благодаря школьной программе и рекомендациям взрослых (учителей, родителей, библиотекарей). В мире фэнтези и молодежной литературы подростки, юноши и девушки ориентируются, как правило, самостоятельно. Но благодаря тому, что эта проблема постепенно

осознается старшими поколениями, возрастает роль различных рекомендательных печатных и интернет-сервисов, которые помогают ориентироваться в огромном мире информации. Разнообразные гиды и «навигаторы» создаются сегодня многими лицами и организациями: издателями и писателями, библиотекарями (например, это известный сайт РГДБ «Библиогид» [20]), педагогами [21], энтузиастами-добровольцами, например, «Лаборатория фантастики» [22].

Но проблема улучшения репертуара чтения у подростков остается актуальной, поскольку многие прекрасные книги современных отечественных писателей им мало известны. Эти книги издаются небольшими тиражами, молодые писатели часто никем не рекламируются, о них практически не пишут в средствах массовой информации, в результате даже лучшие из них не попадают в круг чтения подростков. Таким образом, «разрыв» между подростками и лучшей отечественной литературой существует, и его преодоление остается одной из насущных задач, которую необходимо решить, прежде всего, самим взрослым — педагогам, родителям и библиотекарям.

ВЫВОДЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

Обретение смыслов, необходимых для расширения кругозора детей и подростков, понимание жизни взрослых и окружающего мира могут быть получены с помощью разнообразных и захватывающих текстов новых, интересных, актуальных книг современных писателей. Для юных читателей самое главное — возможность обмениваться мнениями и создавать свою моду на чтение относительно книг, которые им нравятся и которые они хотят обсуждать. Иногда это происходит в социальных сетях, мода на чтение может формироваться и здесь, а также при создании видеороликов, буктрейлеров и пр. Активное участие подростков, юношей и девушек в проектах и программах, разнообразные конкурсы для детей — путь создания атмосферы для поддержки чтения в обществе. Именно об этом свидетельствуют результаты масштабных сетевых проек-

тов, создаваемых взрослыми организаторами и участниками, прежде всего библиотекарями и педагогами, вместе со школьниками [23].

В рамках начала реализации новой Концепции программы поддержки детского и юношеского чтения в России [24], можно надеяться на объединение специалистов и добровольцев, которые помогут сохранить традиции чтения лучшей литературной культуры для детей. Одним из путей решения этой проблемы является повышение интереса юных к чтению художественной литературы разных жанров. Заинтересовать школьников, привлечь их к регулярному чтению актуальных художественных произведений — один из вариантов решения этой сложной задачи. В ситуации исчезновения из репертуара чтения школьников любимых книг предыдущих поколений юным представителям поколения Z необходимы новые «золотые полки», книги, в которых действуют современные герои и героини, — образцы для подражания. Вместе с тем следует подумать и о том, что на новом этапе можно популяризовать лучшие книги из круга чтения предыдущих поколений, чтобы сохранить и передать поколению Z ценности постепенно исчезающей литературной культуры.

Список источников

1. Исаева М.А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290–295. URL: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2011/3> (дата обращения: 10.09.2018).
2. Асташова Ю.В. Теория поколений в маркетинге // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2014. Т. 8, № 1. С. 108–114.
3. RUGENERATIONS — российская школа теории поколений [Электронный ресурс]. URL: <http://rugenerations.ru> (дата обращения: 10.10.2018).
4. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: необыкновенный икс. Москва : Синергия, 2017. 140 с.
5. 30 фактов о современной молодежи [Электронный ресурс] // Сбербанк: офиц. сайт. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 26.11.2018).
6. Пряхин М.Н. Заветный список : русская исповедно-завещательная библиография : опыт составления справочника по самым влиятельным книгам. Москва : Изд-во РУДН, 2001. 138 с.
7. Пряхин М.Н. Советский человек в поисках «золотого списка» // Homo Legens — 3 : сб. статей: Памяти Алексея Алексеевича Леонтьева (1936–2004) / отв. ред. Б.В. Бирюков, И.А. Бутенко. Москва : Школьная библиотека, 2006. С. 166–178.
8. Мелентьева Ю.П. Некоторые аспекты чтения детей в России в 20-е годы XX века // Чтение на евразийском перекрестке. Интеллектуальный форум чтения : сб. материалов (27–28 мая 2010 г.) / сост.: В.Я. Аскарлова, Ю.В. Гушул. Челябинск : ЧГАКИ, 2010. С. 168.
9. Мелентьева Ю.П. Общая теория чтения. Москва : Наука, 2015. 230 с.
10. Чудинова В.П. Чтение, жанры и книги, популярные у подростков : (мнение социолога литературы) [Электронный ресурс] // Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество. Москва, 2014. URL: <http://uchitel-slovesnik.ru/data/uploads/awordaboutscience/chudinova.pdf> (дата обращения 10.10.2018).
11. Юный читатель и книжная культура России : материалы исследования : сб. статей / сост. Е.И. Голубева, В.П. Чудинова. Москва : РГДБ, 2003. 112 с.
12. Детское чтение в России / авт.-сост. М.А. Веденяпина, О.П. Мезенцева, Е.А. Колосова и др.; ред. Е.А. Армадерова, Л.Н. Косенко, М.В. Карданова. Москва, 2014. 115 с.
13. Колосова Е., Чудинова В. Появятся ли новые «золотые полки»? : Родители о детской литературе [Электронный ресурс] // Знамя. 2016. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/11/rouavyatsya-li-novyje-zolotyje-polki.html> (дата обращения: 10.10.2018).
14. Результаты международного исследования PISA-2015 [Электронный ресурс] // Центр оценки качества образования. URL: http://www.centeroko.ru/pisa15/pisa15_pub.html (дата обращения: 10.11.2018).
15. Чтение и читательские практики московских подростков : комплексное исследование / Российская государственная детская библиотека, отдел социологических исследований ; Московский институт открытого образования, кафедра филологического образования ; В.П. Чудинова, С.А. Шаповал, Е.А. Колосова и др. ; сост.: В.П. Чудинова. Москва, 2012. 140 с.

16. Чудинова В.П. Развитие «нации читателей»: роль чтения и библиотек / ред. Е.А. Колосова. Москва, 2014. 178 с.
17. Мониторинг и анализ московского информационно-образовательного пространства : результаты социологических исследований и программирования / С. Цымбаленко, А. Шариков, И. Жилавская и др. Москва : РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. 108 с.
18. Цымбаленко С. Медийный портрет подростка двухтысячных годов : учебное пособие. Москва : РУДН, 2017. 72 с.
19. Борусяк Л. Молодежь обсуждает литературу : анализ массовых литературных сообществ ВКонтакте // Вестник общественного мнения. 2015. № 3–4 (121). С. 130–148.
20. Книги и дети. Библиогид [Электронный ресурс] // Российская государственная детская библиотека. URL: <http://bibliogid.ru/> (дата обращения: 20.11.2018).
21. Кутейникова Н.Е. Навигатор по современной отечественной детско-подростковой литературе : методические рекомендации. Москва : МАЭСТРО ПлаТинум, 2017. 158 с.
22. Лаборатория фантастики [Электронный ресурс]. URL: <https://fantlab.ru/> (дата обращения: 15.11.2018).
23. Добро пожаловать на портал Wiki.SibiriaDa [Электронный ресурс] // Вики-Сибириада. URL: <http://wiki-sibiria.ru/> (дата обращения: 20.10.2018).
24. Распоряжение Правительства РФ от 3 июня 2017 г. № 1155-р «О концепции программы поддержки детского и юношеского чтения в РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. Москва : Юридическая литература, 2017. № 24. С. 10614–10622.

Reading and Literary Preferences of Generation Z Schoolchildren: Socio-Cultural Context

Vera P. Chudinova

Russian State Children's Library, 1, Kaluzhskaya Sq., Moscow, 119049, Russia
E-mail: chudvp@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to the problem of transferring literary culture from previous generations to "Generation Z". A brief description of this generation is presented from the perspective of the theory of generations by American researchers Neil Hove and William Strauss. The topic of children's reading for generations of the 20th century is briefly covered. By the example of the reading repertoire of children and teenagers, works of literary classics and actual children's literature, the article shows the process of gradual weakening of the transfer of values of literary culture from generation to generation. The materials of complex and sociological research, conducted by the Russian State Children's Library at the beginning of the 21st century, highlight the problems of reading the best literature that traditionally has been included in the reading of*

generations. The results of research given in the article testify to the process of losing the nearly century-old literary tradition. For instance, this problem can be seen in the example of parents choosing books for children of primary and secondary school age. In many ways, the repertoire of reading literary classics by children and adolescents is formed by school: this is the school curriculum and lists of extracurricular reading. The interest of schoolchildren in classical literature and in books of previous generations continues to fall. The process of changing the repertoire of leisure reading in adolescents is shown. The repertoire of their reading is significantly fragmented. This is largely due to trends in the development of book publishing and the spread of literature. The article indicates the pros and cons of adolescents' reading, caused by new information technologies; shows the influence of these technologies on reading literacy and reading culture. The process of literature selection by adolescents, boys and girls, is illustrated basing on the results of another new study. It is shown that the choice of schoolchildren is largely random and contains works of modern literature with a predominance of fantasy genre books. The research results demonstrate that today the main factors that have a significant impact on the choice of literature for teenagers and young people are video production and peers' advice. Solving the problem

of supporting reading and forming a reading circle of “Generation Z” schoolchildren, in the context of literary tradition attenuation, is a difficult task to be accomplished by competent adult mentors together with adolescents and young people themselves.

Key words: children, adolescents, Generation Z, reading, literature, socialization, tradition, Internet, socio-cultural context, literary preferences.

Citation: Chudinova V.P. Reading and Literary Preferences of Generation Z Schoolchildren: Socio-Cultural Context, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 668–681. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-668-681.

Acknowledgements.

This article is written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-06-00792-OGN\18.

References

1. Isaeva M.A. Generations of Crisis and Recovery in the Theory of V. Strauss and N. Hove, *Znanie. Pонимание. Умение* [Knowledge. Understanding. Skill], 2011, no. 3, pp. 290–295. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2011/3> (accessed 10.09.2018) (in Russ.).
2. Astashova Yu.V. The Theory of Generations in Marketing, *Vestnik YuUrGU. Seriya “Экономика и менеджмент”* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Economics and Management”], 2014, vol. 8, no. 1, pp. 108–114 (in Russ.).
3. RUGENERATIONS – *rossiiskaya shkola teorii pokolenii* [RUGENERATIONS – Russian School of the Theory of Generations]. Available at: <http://rugenarations.ru> (accessed 10.10.2018).
4. Shamis E., Nikonov E. *Teoriya pokolenii: neobyknovennyi ikh* [Theory of Generations: The Extraordinary X]. Moscow, Sinergiya Publ., 2017, 140 p.
5. 30 Facts about Modern Young People, *Sberbank*. Available at: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (accessed 26.11.2018) (in Russ.).
6. Pryakhin M.N. *Zavetnyi spisok: russkaya ispovedno-zaveshchatel'naya bibliografiya: opyt sostavleniya spravochnika po samym vliyatel'nym knigam* [The Covenant List: Russian Confessional Testamentary Bibliography: An Experience of Compiling a Guide to the Most Influential Books]. Moscow, RUDN Publ., 2001, 138 p.
7. Pryakhin M.N. Soviet People in Search of the “Golden List”, *Homo Legens – 3: sb. statei: Pamyati Alekseya Alekseevicha Leont'eva (1936–2004)* [Homo Legens – 3: collected articles: To the Memory of Aleksey Alekseyevich Leontyev (1936–2004)]. Moscow, Shkol'naya Biblioteka Publ., 2006, pp. 166–178 (in Russ.).
8. Melentyeva Yu.P. Some Aspects of Children's Reading in Russia in the 1920s, *Chtenie na evraziiskom perekrestke. Intellektual'nyi forum chteniya: sb. materialov (27–28 maya 2010 g.)* [Reading at the Eurasian Crossroads. Intellectual Reading Forum: proceedings (May 27–28, 2010)]. Chelyabinsk, ChGAKI Publ., 2010, p. 168 (in Russ.).
9. Melentyeva Yu.P. *Obshchaya teoriya chteniya* [General Theory of Reading]. Moscow, Nauka Publ., 2015, 230 p.
10. Chudinova V.P. Reading, Genres and Books Popular among Adolescents (an opinion of a sociologist of literature), *Filologicheskaya nauka i shkola: dialog i sotrudnichestvo* [Philological Science and the School: Dialogue and Cooperation]. Moscow, 2014. Available at: <http://uchitel-slovesnik.ru/data/uploads/awordaboutscience/chudinova.pdf> (accessed 10.10.2018) (in Russ.).
11. Golubeva E.I., Chudinova V.P. (eds.) *Yunyi chitatei' i knizhnaya kul'tura Rossii: materialy issledovaniya: sb. statei* [Young Readers and the Book Culture of Russia: Research Materials: collected articles]. Moscow, RGDB Publ., 2003, 112 p.
12. Armaderova E.A., Kosenko L.N., Kardanova M.V. (eds.) *Detskoe chtenie v Rossii* [Children's Reading in Russia]. Moscow, 2014, 115 p.
13. Kolosova E., Chudinova V. Will There Be New “Golden Shelves”?: Parents about Children's Literature, *Znamya* [Banner], 2016, no. 11. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/11/poyavyatsya-li-novye-zolotyie-polki.html> (accessed 10.10.2018) (in Russ.).
14. The Results of the International Study PISA-2015, *Tsentr otsenki kachestva obrazovaniya* [Center for Education Quality Assessment]. Available at: http://www.centeroko.ru/pisa15/pisa15_pub.html (accessed 10.11.2018) (in Russ.).
15. Chudinova V.P. (ed.) *Chtenie i chitatei'skie praktiki moskovskikh podrostkov: kompleksnoe issledovanie* [Reading and Readers' Practices of Moscow Adolescents: comprehensive study]. Moscow, 2012, 140 p.
16. Chudinova V.P. *Razvitie “natsii chitatelei”: rol' chteniya i bibliotek* [Developing a “Nation of Readers”]. Moscow, 2012, 140 p.

- ders”: The Role of Reading and Libraries]. Moscow, 2014, 178 p.
17. Tsymbalenko S., Sharikov A., Zhilavskaya I. and others. *Monitoring i analiz moskovskogo informatsionno-obrazovatel'nogo prostranstva: rezul'taty sotsiologicheskikh issledovaniy i programmirovaniya* [Monitoring and Analysis of the Moscow Information-Educational Space: The Results of Sociological Research and Programming]. Moscow, RITs MGGU im. M.A. Sholokhova Publ., 2013, 108 p.
 18. Tsymbalenko S. *Mediinyi portret podrostka dvukhty-syachnykh godov: uchebnoe posobie* [Media Portrait of a Teenager of the Two Thousands: tutorial]. Moscow, RUDN Publ., 2017, 72 p.
 19. Borusyak L. Young People Discussing Literature: An Analysis of Mass Literary Communities of VKontakte, *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of Public Opinion], 2015, no. 3–4 (121), pp. 130–148 (in Russ.).
 20. Books and Children. Biblioguide, *Rossiiskaya gosudarstvennaya detskaya biblioteka* [Russian State Children's Library]. Available at: <http://bibliogid.ru/> (accessed 20.11.2018) (in Russ.).
 21. Kuteinikova N.E. *Navigator po sovremennoi otechestvennoi detsko-podrostkovoii literature: metodicheskie rekomendatsii* [Navigator in the Modern Russian Literature for Children and Adolescents: guidelines]. Moscow, MAESTRO Platinum Publ., 2017, 158 p.
 22. *Laboratoriya Fantastiki* [Fiction Lab]. Available at: <https://fantlab.ru/> (accessed 15.11.2018).
 23. Welcome to Wiki-SibiriaDa Portal, *Wiki-Sibiriada*. Available at: <http://wiki-sibiriada.ru/> (accessed 20.10.2018) (in Russ.).
 24. Order of the Government of the Russian Federation of June 3, 2017, No. 1155-r “On the Concept of the Program to Support Children and Youth Reading in Russia”, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 2017, no. 24, pp. 10614–10622 (in Russ.).

23—24 апреля 2019 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

РУМЯНЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2019

Организаторы: Министерство культуры Российской Федерации, Российская государственная библиотека, Библиотечная Ассамблея Евразии.

Цель — привлечь внимание к вопросам сохранения и изучения мирового культурного наследия и национальных ценностей, а также к проблемам функционирования библиотек на современном историческом этапе, способствовать поиску путей инновационного развития, расширению сотрудничества между учреждениями культуры, образования, науки и межкультурному взаимодействию.

Тематика конференции:

- ◆ Библиотеки и музеи в контексте истории
- ◆ История Российской государственной библиотеки
- ◆ Раскрытие универсальных и специализированных фондов библиотек: формы и методы
- ◆ Будущее библиотек: оценки, исследования, прогнозы
- ◆ Библиотеки как центры информационно-библиографической деятельности
- ◆ Фонды библиотек и библиотечно-информационное обслуживание в век электронных коммуникаций
- ◆ Профессиональное развитие сотрудников библиотек: требования времени. Библиотека как образовательный центр
- ◆ Международное сотрудничество библиотек. Библиотека как площадка для межкультурного диалога

Информационная поддержка: журналы «Библиотекосведение», «Обсерватория культуры», «Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии»; издательство «Пашков дом».

Место проведения: Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5 (Российская государственная библиотека).

Дополнительная информация и регистрация участников: www.rumchteniya2019.rsl.ru

УДК 39:778
ББК 85.373-001
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-6-682-692

А.Э. ОГАНЕЗОВ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И СОВМЕСТНОЕ КИНОПРОИЗВОДСТВО В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ КИНО

Александр Эдуардович Оганезов,
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук,
Этнографический научно-образовательный центр,
аспирант
Ленинский просп., д. 32А, Москва, 119991, Россия
E-mail: alexoganezov@outlook.com

Реферат. Антропологическое кино является наиболее репрезентативной формой визуально-антропологического исследования, благодаря чему может считаться своеобразной визитной карточкой визуальной антропологии. Это подтверждается фактами из истории данной научной дисциплины, а также постоянным, непрерывным интересом к антропологическому кино, как со стороны исследователей, так и со стороны аудитории. Это объясняется множеством различных факторов, однако ключевыми из них являются «визуальный поворот» в культуре XX в., развитие кино и телевидения, главным образом в период второй половины XX в.,

а также медиаориентированная социокультурная направленность в период постмодернизма. Мы видим, что XX в., несмотря на массу негативных событий, в целом явился благодатной временной почвой для становления и дальнейшего развития визуальной антропологии. Однако и в наши дни мы можем наблюдать различные новые тенденции развития данного научного направления. Увеличение количества междисциплинарных исследований, высокая степень вовлеченности исследователей из различных научных сфер в совместную работу, повышение уровня демократизации и популяризации аудиовизуальных медиа, непрерывное развитие технологий видеопроизводства — все это, безусловно, является современными факторами, определяющими дальнейшее направление и специфику развития визуальной антропологии и антропологического кино в частности.

В рамках данной статьи будут рассмотрены и проанализированы указанные выше характерные особенности антропологического кино периода постмодерна. Особое внимание

будет уделяться развитию междисциплинарных контактов визуальной антропологии со смежными научными дисциплинами, демократизации видеопроизводства и сферы аудиовизуальных медиа, а также направлению совместного производства антропологических фильмов.

Изучение и анализ указанных особенностей антропологического кино периода постмодерна позволит выявить дальнейшие пути развития академической и прикладной визуальной антропологии в социально-гуманитарной научной сфере, понять природу медиаотношений в рамках визуально-антропологических исследований, определить роль исследователя-автора в современном визуально-антропологическом дискурсе.

Ключевые слова: визуальная антропология, этнографическое кино, социальные науки, междисциплинарность, постмодернизм, полевые исследования, совместное кинопроизводство, медиа.

Для цитирования: Оганезов А.Э. Междисциплинарность и совместное кинопроизводство в антропологическом кино // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 682–692. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-682-692.

Визуально-антропологические исследования — включая направления этих исследований, их методологию, а также сферу применения результатов данных работ — претерпели огромнейшие изменения на сегодняшний день в сравнении с «классическими» исследованиями в рамках визуальной антропологии, такими как работы Р. Дж. Флаэрти [1; 2], М. Мид и Г. Бейтсона [3], и представляют собой качественно иной процесс и соответствующий ему продукт исследования.

Эти изменения касаются как теоретического, так и практического аспекта визуально-антропологического исследования. В сфере теории эволюционируют взгляды на этические вопросы исследования, на концепцию исследовательской ответственности, а также на позицию и роль визуального антрополога в об-

щем процессе исследовательской работы. Что же касается практической сферы, то здесь мы можем говорить о том, что расширение роли и области применения аудиовизуальных медиа — не только в рамках антропологии, но и во множестве других социальных и гуманитарных наук в целом — позволяет увидеть тенденцию к еще более интенсивному вовлечению исследуемых в процесс проведения визуального исследования. К тому же демократизация медиапроизводства ведет направление развития визуальной антропологии не только в сторону коллективных, совместных исследований с высокой степенью вовлечения, но и к еще большему расширению междисциплинарного взаимодействия.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о роли антропологического кино в рамках визуальной антропологии периода постмодерна. Как уже было сказано, антропологическое кино — это наиболее выразительный способ репрезентации визуально-антропологического исследования, другими словами, антропологический фильм — это метод визуально-антропологического исследования. Однако не следует забывать о том, что фильмы и сами по себе могут быть объектом изучения визуальной антропологии. В своей работе «Телесное изображение: кино, этнография и ощущения» (*The Corporeal Image: Film, Ethnography, and the Senses*) Д. МакДугалл отметил, что «есть существенная разница между использованием и изучением использования визуальной методологии» [4, р. 220]. В рамках данной работы мы коснемся именно «использования», то есть мы будем анализировать антропологическое кино как методологию на фоне развивающейся междисциплинарности и демократизации медиа.

Все вышесказанное позволяет нам утверждать, что в настоящее время мы находимся на довольно непростом, но вместе с тем интересном и обладающем огромным потенциалом этапе развития визуальной антропологии. Далее мы постараемся более подробно проанализировать особенности междисциплинарного взаимодействия, демократизацию медиапроизводства, а также совместное кинопроизводство с теоретических и практических позиций данных аспектов.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ВИЗУАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Уровень междисциплинарности в академической среде продолжает непрерывно повышаться. Представители различных научных дисциплин не только все чаще используют в своих исследованиях теории и методы иных научных сфер, но и сотрудничают с исследователями, представляющими иные дисциплины, а также сами взаимно вовлекаются в смежные исследования.

В западной академической науке, а также в прикладных научных исследованиях нередкими являются случаи не только высокой степени междисциплинарности в рамках отдельного исследования, но и процессы взаимодействия различных научных дисциплин со своими принципиально особенными подходами, с целью реализации глобального научного проекта. Привлечение визуальных антропологов для решения специфических задач прикладного исследования — не является редкостью [5]. Подобные процессы интеграции различных сфер академической и прикладной науки и их представителей, безусловно, являются положительным моментом как для развития каждого отдельного направления, так и для академической науки в целом.

В настоящее время практика использования прикладных социально-гуманитарных исследований в качестве неотъемлемой части большинства крупных научных, промышленных, экономических и любых других проектов имеет довольно широкое применение. Это обусловлено тем, что подобные исследования позволяют реализовать данный проект максимально цивилизованным образом, обращая внимание непосредственно на тех, на кого он направлен, то есть на людей.

Сама практика междисциплинарности, а также ее дальнейшее развитие является одной из характерных черт науки периода постмодерна, к которой, несомненно, можно отнести и визуальную антропологию. Междисциплинарность в постмодернистских представлениях о науке затрагивает не только академическую сферу, но и в целом становится присущей боль-

шинству аспектов человеческой деятельности. «Некогда четко отделенные друг от друга дисциплины <...> стали утрачивать свои явные границы, скрещиваясь между собой в гибридные междисциплинарные исследования, которые теперь нелегко было отнести к той или иной области. <...> Заменой для старого подразделения дисциплин стал новый дискурсивный феномен, лучше всего описываемый американским условным термином “теория”» [6, с. 81].

Феномен междисциплинарности в рамках академической и прикладной науки стал во многом отличительной особенностью современного научного направления. Подобный подход интересен тем, что, нивелируя границы научных дисциплин, а иногда и научной сферы в целом, он позволяет исследователю не только пользоваться различными теориями и методологиями, но и привлекать внимание к своему исследованию более широкой аудитории из числа тех сфер, с которыми исследователь взаимодействует. Таким образом, исследование в рамках отдельной дисциплины — к примеру, визуальной антропологии — может быть востребовано в дискурсе прочих научных дисциплин, где существует потребность в подобном исследовании.

Исходя из этого, создается некий общий теоретический концепт, единое теоретическое знание, одинаково влияющее на множество научных дисциплин и проводимых под их началом исследований. Это, в свою очередь, изменяет традиционное представление об исследователе как о носителе узкоспециализированного знания, которое применимо, главным образом, в дискурсе соответствующей научной дисциплины. В настоящее время на первый план выходит способность исследователя к интеграции в сферу междисциплинарного взаимодействия, к взаимному сотрудничеству с представителями других областей знания, а также умение применить свои специализированные знания для реализации научных проектов смежных дисциплин, что, в свою очередь, подразумевает широкий взгляд на изучаемые вопросы и более интегративный подход к исследованию.

Выступая в качестве смежной дисциплины в каком-либо большом междисциплинарном проекте или в целом в кооперации в академи-

ческой среде, визуальная антропология может играть роль медиума, замыкая на себе связь между огромным количеством дисциплин, не имеющих доступа к этнографическому — в широком смысле этого слова — материалу той или иной сферы своих интересов. Интерес взаимодействия именно с визуальной антропологией заключается в том, что, с одной стороны, практики визуальной антропологии обладают соответствующими навыками и способностями полевой, этнографической работе с представителями различных социальных групп, а с другой — они используют наиболее доступный способ репрезентации своих исследований — антропологическое кино. Таким образом, визуальный антрополог способен играть серьезную связующую, коммуникативную роль в междисциплинарном проекте [5].

Характерные для периода постмодернизма интегративные тенденции, его направленность на сочетание различных подходов и точек зрения в единую концепцию, на стирание границ и объединение в единый дискурс подразумевают проецирование этих глобальных особенностей из общего социокультурного контекста на меньший, интересующий нас масштаб теории визуальной антропологии. Пожалуй, наиболее важным следствием подобных изменений является переосмысление субъект-объектных отношений в рамках визуально-антропологического исследования. Подобная тенденция характерна и для большинства других социально-гуманитарных дисциплин, однако в рамках данной статьи мы коснемся только визуальной антропологии. Эти актуальные проблемы заставляют задуматься как теоретиков, так и практиков визуальной антропологии над вопросами о роли исследователя и исследуемых, что, в свою очередь, неизбежно ведет к переосмыслению концепции создания антропологического кино. «Дело не в том, что антропология, пресыщенная экзотическими странами, поворачивается к более знакомым горизонтам, едва ли, не теряя из-за этого свою внутреннюю связность <...> но в том, что современный мир в силу ускорившихся трансформаций взывает к взгляду антрополога, то есть к обновленной и методичной рефлексии о категории инаковости» [7, с. 29–30].

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ВИДЕОПРОИЗВОДСТВА

Все большее количество людей в наши дни вовлекается в пространство медиа и живет согласно законам этого своеобразного мира. Стремительное развитие самой медиасферы, а также различных цифровых технологий, их повсеместное внедрение и популяризация сделали частью обыденной жизни людей то, что не так давно казалось экзотикой и было уделом отдельных специалистов. Это касается и фотографии, и видеосъемки, и журналистики, и различных иных аспектов современной медиасферы.

Разумеется, что при высокой степени демократизации и популяризации видеопроизводства, при бурном развитии и распространении медиатехнологий мы напрямую сталкиваемся со значительным увеличением количества информации и, как следствие, информации разного рода и качества. Говоря о последнем, в первую очередь подразумевается то, что при массовом вовлечении в видеопроизводство общий уровень качества производимого продукта падает. Однако не стоит из-за этого относить демократизацию видео к негативным аспектам развития медиа. Современная ситуация требует от нас всего лишь быть несколько более внимательными и избирательными в вопросах отбора информации. Гораздо более разумно — обратить свое внимание, наоборот, на позитивные стороны популяризации визуальных медиа, одна из которых — возможность для многих талантливых людей реализовать и продемонстрировать свои способности и умения без привлечения колоссальных затрат на производство [5].

Если мы обратим внимание на особенности сферы медиапроизводства в наши дни, то мы увидим, что независимые журналисты, видеоблогеры и другие представители новых интернет-медиа способны напрямую конкурировать с федеральными СМИ в вопросах количества аудитории, вовлечения и популярности. Например, сейчас даже для самых консервативных сторонников телевидения становится крайне трудным оспорить серьезную конкуренцию за зрителя со стороны интернет-СМИ.

И в данном случае возникает вполне логичный вопрос, а почему же практики визуальной антропологии не осваивают эту нишу и не собирают свою аудиторию там, где сделать это довольно несложно? Во всяком случае, не сложнее, чем на тематических кинофестивалях.

Идеи популяризации визуально-антропологических знаний высказывает С. Пинк в своей работе «Будущее визуальной антропологии: включение ощущений» (*The Future of Visual Anthropology: Engaging the Senses*), приводя в качестве примера исследователей из Норвегии Т. Х. Эриксона и М. Гуллестада, которые помимо своей основной академической деятельности уделяют большое внимание популяризации визуальной антропологии в СМИ, главным образом на телевидении [8, р. 137–138].

В настоящее время исследователь-антрополог, появляющийся с видеоборудованием «в поле», уже не представляет своеобразной диковинки для местных жителей, как это было во времена классиков визуальной антропологии, к примеру, в 1960-е годы. Это обусловлено тем, что у большинства из представителей этого местного сообщества есть собственное оборудование, возможно, немного и отстающее по характеристикам, но все же позволяющее им делать какие-то любительские фото- и видеозарисовки, а главное — быть самим вовлеченными в общий единый медиадискурс, создавать собственные медиа.

Важным последствием этого аспекта демократизации медиа является то, что снимаемые начинают все больше включаться в работу антрополога — автора фильма, изменяя таким образом исторически сложившийся порядок создания антропологического фильма. «И создатели, и потребители “текста” участвуют в создании смыслов и значений. Минимизация авторитета культурного творца создает возможность для общедоступного участия и демократических определений культурных ценностей, но ценой непоследовательности и, более того, уязвимости манипуляций рынка» [9, р. 51]. Несомненно, и раньше существовала практика некоего согласования отснятого автором материала с действующими лицами, но сейчас эта практика выходит на совершенно иной уровень и принимает новые формы взаимодействия сторон.

Для современного производства антропологического кино характерным является то, что непосредственно снимаемые участники фильма вовлекаются в процесс производства на его ранних стадиях, а не выступают лишь в качестве тех, с кем просто согласовывается готовый продукт. Их точка зрения, мнение и в целом представления как о будущем продукте, так и о способе производства этого фильма фактически стоят в одном ряду с мнением автора-исследователя, что в определенной мере нивелирует единоличное авторство. «По мнению скептиков, роль исследователя как автора будет устранена. <...>. Однако аффирмативные уменьшают полномочия автора, не устраняя самого авторства и сохраняя при этом некоторую небольшую роль автора в качестве истолкователя». [10, р. 170–171]. Таким образом, весь процесс кинопроизводства принимает совершенно иной характер. Теперь это не самостоятельное вовлечение антрополога в какое-либо событие для создания конечного продукта, а совместное его производство взаимно заинтересованными сторонами, с учетом их мнений и потребностей.

Более того, в наши дни популярность набирает такое направление коллективного кинопроизводства, которое находится в некоей общей сфере «включенного» антропологического кино и «индигенных» фильмов, т. е. фильмов, а также других медиа, создаваемых коренным населением, обычно при поддержке антропологов [11, с. 55]. Подобный подход предполагает коренное изменение традиционной формы создания антропологического видео, смешивая и даже замещая роли участников процесса. «Мой собственный опыт показывает, что весь процесс кинопроизводства с присущими ему элементами совместного принятия решений, импровизации и актерского мастерства является собой уникальное пространство для взаимодействия и создания чего-то значимого в сотрудничестве между исследователями, участниками семинара и внешними факторами». [11, с. 69–70].

Современные технологии видеопроизводства, которые значительно упростили и демократизировали процесс создания видео (и вообще саму сферу видео), играют положительную роль не только для авторов кино, позволяя им

в большей степени заострить свое внимание на содержательной стороне своих работ, чем на технической, но и давая возможность большому количеству сторон принять участие в создании конечного продукта. Это тоже, в свою очередь, является одной из причин возникновения и развития совместного кинопроизводства.

Подобные изменения в сфере медиапроизводства и, как следствие, в антропологическом кино во многом обусловлены характерными особенностями периода постмодернизма, который сделал возможным подобный процесс развития и его популяризацию, обеспечил массовость продуктов этого технологического развития, с одной стороны, а также популяризацию и массовость самой медиакультуры — с другой. Таким образом, мы видим, что технологическое и культурное развитие — те аспекты, которые идут рука об руку в рамках истории развития визуальной антропологии. В своем взаимодействии они являются характерными для всего человеческого общества в целом, с массой различных направлений его деятельности. Мы можем наблюдать, как эти схемы взаимодействия взаимно проецируются друг на друга и как они сливаются в единое целое, преодолевая любые препятствия, характерные для предыдущих исторических эпох. «В отличие от культуры модерна постмодернизм способствует демократизации культуры, поискам новых ходов в творчестве и унификации социальных адресатов». [12, с. 277]. Тезис о демократизации культуры, а также большинства иных сторон человеческой деятельности, лейтмотивом проходит через весь период постмодерна. В данном случае нас интересуют те процессы демократизации медиа, которые имеют непосредственное отношение к визуальной антропологии со всеми смежными областями, с которыми так или иначе в процессе как академической работы, так и конкретных прикладных исследований происходит взаимный контакт и кооперация. И речь здесь идет уже не столько об активном развитии междисциплинарности — о чем уже очень много говорилось и еще будет говориться — а в целом о демократизации всей исследовательской медиасферы, т. е. об открытии массы различных возможностей для представителей дифференцированных социальных групп, главным образом для тех,

кому ранее не были доступны современные медиа и кто до определенного времени оставался в стороне от медиапроизводства, пусть даже и исключительно любительского [5]. Поэтому демократизация области культуры, характерная для постмодернизма, дает этим группам возможность не только получить доступ к современной медиасфере, но и принимать в ее создании непосредственное участие. «...Значительное число ранее исключенных групп <...> получили доступ к постмодернистским формам, значительно расширив базис для художественного производства. В том, что касается качества, определенный уравнилительный эффект отрицать невозможно: время великих шедевров и индивидуализма модерна прошло» [6, с. 83]. Все те аспекты, о которых говорилось ранее, во многом явились предопределяющими в процессе возникновения и развития совместного кинопроизводства в визуальной антропологии.

СОВМЕСТНОЕ КИНОПРОИЗВОДСТВО

Практика совместного кинопроизводства и вовлечения представителей исследуемого сообщества в процесс создания фильма имеет массу позитивных сторон. Во-первых, члены локальной группы значительно более осведомлены о происходящем в данной группе или же присутствуют на территории ее проживания значительно дольше, чем специалист, изучающий эту группу. Они видят ситуацию изнутри, день за днем, а их восприятие происходящего не ограничено рамками академических методологий и исследовательских представлений. Это, конечно же, значительно повышает ценность их информации и вклада в конечный продукт. Во-вторых, кооперация и взаимодействие с представителями местного сообщества открывают для исследователя значительно более широкий информационный потенциал, а также увеличивают его шансы к получению доступа к более закрытым событиям и информации об изучаемом сообществе, который он не смог бы получить, оставаясь на позиции стороннего наблюдателя. Конечно, члены местного сообщества также преследуют свои личные цели, соглашаясь на совместную

работу. Это может быть и повышение собственного статуса в рамках сообщества и просто материальное вознаграждение [5].

Также положительным аспектом совместной работы антрополога и представителей исследуемого сообщества является то, что вовлекаемые в процесс производства антропологического фильма могут разделять и зачастую разделяют иные позиции по изучаемым исследователем проблемам, что подразумевает иной взгляд на предмет, иной подход к нему, иные представления о методологии его изучения и познания. Все это, в свою очередь, позволяет исследователю взглянуть на предмет своего исследования под новым углом и тем самым расширить свои представления и знания в данной области.

То же самое можно сказать и в случае, когда члены локальной группы, участвующие в создании фильма, не имели ранее большого опыта в производстве каких-либо медиапродуктов или же не имели подобного опыта вообще. В таком случае их идеи и представления о будущем готовом продукте визуально-антропологического исследования могут содержать оригинальные, нестандартные решения не только по отдельным сферам содержания, но и по форме реализации этого исследования. Конечно, в подобных случаях началу совместной работы предшествует период обучения и ознакомления исследователем своих локальных коллег с основами видеопроизводства, работы с видеоаппаратурой и с отдельными аспектами изучаемой области [5].

Говоря о совместном кинопроизводстве и о его позитивном влиянии на процесс визуально-антропологического исследования, следует также отметить, что подобный опыт создания видеопродукта является важным и значимым не только для исследователя, но и для исследуемой социальной группы. Эта значимость обусловлена тем, что, получая определенный доступ к медиасреде, посредством участия в процессе создания фильма та или иная социальная группа обретает возможность привлечь к существующей в рамках группы проблеме внимание довольно широкой аудитории, как специалистов, так и просто неравнодушных людей. Таким образом, визуально-антропологическое исследование становится некой три-

буной для данного сообщества, позволяющей озвучивать насущные проблемы — голосом непосредственных представителей группы, а не сторонних исследователей и наблюдателей — привлекать внимание общественности. «Мысль о том, что вся группа имеет право говорить за себя, своим собственным голосом, и что этот голос будет воспринят как достоверный и легитимный, является основной для плюралистической позиции постмодерна» [9, р. 48].

Безусловно, все то, о чем говорилось выше, возможно только лишь в соответствующих социокультурных условиях, когда люди нацелены на коммуникацию, открытость, когда не играют роли различные стереотипы — исторические, этнические и многие другие, когда нивелируются разного рода границы и различия. Именно такой синтез разного по форме своего выражения, но единого по своей сути и дает позитивное развитие не только визуальной антропологии как научной дисциплине, но и всему современному обществу в целом. «Постмодерн не только освещает и оживляет ощущение разнообразия опыта, которое он развивает, но и, путем осознанного философского обращения к непривычному, повышает общественное осознание альтернативных возможностей того, как персональная и общественная жизнь могут быть оформлены и реализованы» [13, р. 204].

Обыкновенное наблюдение за окружающей нас действительностью не оставляет никаких сомнений в том, что подобная интеграция порой несочетаемого в единую сферу, которая, в свою очередь, также может быть включена в область более широкого масштаба, происходит фактически во всех разновидностях человеческой деятельности. Мы можем по-разному оценивать происходящее и относиться к нему, однако не учитывать его попросту нельзя, в особенности когда речь идет об изучении и анализе социокультурных взаимодействий. «Постмодерн <...> является не привходяще, но внутренне — культурным эфиром глобальной системы, отменяющей любое географическое деление» [6, с. 95].

Нетрудно догадаться, что в подобных условиях роль исследователя начинает меняться. Автор визуально-антропологического исследования постепенно уходит с позиции наблю-

дателя и рассказчика, характерной для классической этнографии, и становится посредником, модератором дифференцированных мнений и точек зрения [5], задачей которого становится не описательное исследование, а поддержание некоего креативного, созидательного процесса, включающего в себя массу отдельных подзадач, с целью создания аудиовизуального продукта, способного затронуть внимание широкой аудитории.

Позиция антрополога в рамках визуально-антропологического исследования во многом может определяться случаем и постоянно меняться в процессе полевой работы, в частности съемки антропологического фильма. Ошибочно полагать, что исследователь является некой абсолютной фигурой, обладающей непререкаемым авторитетом, единственным носителем знания и представления о том, как должно проводиться и реализовываться исследование. Позиция автора-исследователя во многом зависит от того, насколько он может быть допущен к происходящему событию, т. е. фактически от отношения к нему со стороны иных участников, которые, в свою очередь, имеют собственные представления о происходящем и об исследователе как о человеке.

Представляется, что методика коллективного и включенного создания антропологического кино является более современной и актуальной по сравнению с «наблюдательным» методом, который также можно назвать видеодокументированием и «интерпретацией наблюдаемых явлений», в рамках которого «режиссер старается оставаться в рамках строго документалистского подхода и не пытается вмешиваться в события» [14, с. 42] — потому что она, согласно постмодернистскому подходу, стирает границы между исследователем и исследуемым, подразумевает плюрализм мнений о том, что и как должно быть сделано, уводит от классического этнографического кино в сторону «антропологического перформанса», который, в свою очередь, вовлекает в происходящее более широкую аудиторию зрителей. «Медиапрактика XX столетия до предела заострила проблему возможностей и границ авторского самовыражения в отношении собственного произведения, с одной стороны, и публики (читателя, зрителя) — с другой» [12, с. 196]. Мы также мо-

жем говорить о том, что актуальные визуально-антропологические исследования предполагают определенную степень познания на уровне ощущений. Это обусловлено тесной связью визуальной антропологии с эмпирической этнографией (*Sensory Ethnography*). Исследователи этой области антропологического знания говорят о том, что «постмодернистский подход к этнографии обесценивает системный анализ действий и репрезентаций и дает привилегию расплывчатому опыту, воссозданию в памяти и персональному вовлечению» [15, р. 35].

В своем интервью, данном мне в январе 2018 г., немецкий визуальный антрополог М. Грубер, отвечая на мой вопрос о возможных направлениях развития визуальной антропологии, говорит следующее: «... то, что называется эмпирической этнографией, которая имеет дело с включением аудиовизуальных аспектов, еще больших эмпирических аспектов в исследование» [5]. Исходя из утверждения М. Грубера, мы можем говорить о том, что, с одной стороны, мы наблюдаем усиление взаимного вовлечения визуальной антропологии и эмпирической этнографии — что является вполне естественным процессом, так как «визуальное» является основным аспектом взаимодействия на пересечении методологических особенностей данных дисциплин — а с другой — мы видим, что непосредственно в рамках исследований визуальной антропологии усиливается тенденция к более интенсивному чувственному познанию, что также подтверждается мнением известного визуального антрополога С. Пинк в ее монографии «Практика эмпирической этнографии» (*Doing Sensory Ethnography*) [16].

В этой работе, рассуждая об эмпирической этнографии, С. Пинк пишет: «Практика эмпирической этнографии предполагает принятие ряда концептуальных и практических шагов, которые позволяют исследователю переосмыслить как установленные, так и новые методики включенного и совместного этнографического исследования, с точки зрения чувственного восприятия, категорий, значений и ценностей, способов познания и практик. Она также предполагает, что исследователь сознательно и рефлексивно относится к ощущениям в течение всего процесса исследования, то

есть на стадиях планирования, анализа, полевой работы и репрезентативного процесса данного проекта» [16, р. 10]. Таким образом, мы можем говорить о том, что рефлексивные способности исследователя, безусловно, являются позитивной особенностью не только в рамках отдельного полевого исследования, но и для самого процесса этнографической деятельности в целом. Способность к рефлексии позволяет исследователю быть более чувствительным к происходящему вокруг, более открытым окружающему миру, с одной стороны, а с другой — способным к глубокому анализу происходящего и своего места и своей роли в окружающих событиях [5].

Практика совместного кинопроизводства в рамках антропологического кино позволяет нам также проследить как меняются характерные для классической визуальной антропологии понятия, такие как, к примеру, понятие ответственности автора-исследователя антропологического фильма. Это изменение нетрудно увидеть, по той простой причине, что оно происходит параллельно изменению роли самого исследователя, и если последняя изменяется в направлении разделения авторства между несколькими участниками процесса, а не сосредоточением его в фигуре самого исследователя, то в плане ответственности происходят аналогичные процессы — она, соответствующим образом, распространяется на всех участников создания фильма, а не концентрируется лишь на авторе-исследователе [17].

Также характерный для традиционного «наблюденческого» подхода вопрос о влиянии исследователя на происходящие события теряет свою актуальность в условиях актуальных методологий создания антропологических фильмов. Так как вопрос о влиянии исследователя на происходящее и фиксируемое событие опосредуется представлениями об исследовательской позиции, то это позволяет нам утверждать, что поскольку автор-исследователь является непосредственным куратором и со-участником процесса создания фильма и находится фактически в центре происходящего события, то его влияние на данное событие становится очевидным. Таким образом, этот вопрос со множеством его теоретических ответвлений попросту перестает быть актуальным [17].

Однако не стоит воспринимать все сказанное ранее с той позиции, что в современных визуально-антропологических исследованиях нельзя использовать никакие другие методики, а лишь только одну единственную концепцию, которая анализируется в рамках данной статьи. Безусловно, широкая дифференциация методологических подходов позитивно влияет на общий исследовательский дискурс. А одного единственно верного подхода попросту не существует.

Современная теория и практика визуальной антропологии все больше тяготеет к междисциплинарному взаимодействию с другими научными дисциплинами. Антропологическое кино как основная репрезентативная форма визуально-антропологических исследований также имеет свои особые направления развития, которые во многом схожи с направлениями самой научной дисциплины в целом.

Однако существует ряд основополагающих факторов, указанных в рамках данного исследования, которые являются наиболее значимыми для понимания и изучения современной ситуации в дискурсе визуальной антропологии, а также для осуществления конструктивного развития научной дисциплины.

Список источников

1. Нанук с севера = Nanook of the North : [документальный фильм] / реж. Р. Дж. Флаэрти. США ; Франция, 1922. 78 мин. (Фильм немой).
2. Моана = Moana : [документальный фильм] / реж.: Ф.Х. Флаэрти; Р.Дж. Флаэрти. США. 1926. 62 мин.
3. Gregory B., Mead M. Balinese Character: a Photographic Analysis. New York : Academy of Sciences, 1942. 277 p.
4. MacDougall D. The Corporeal Image: Film, Ethnography, and the Senses. Princeton : Princeton University Press, 2006. 312 p.
5. Interview with Martin Gruber : [видеозапись] / беседовал А.Э. Оганезов. URL: <https://vimeo.com/291266729> (дата обращения: 08.10.2018).
6. Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова : под ред. М. Маяцкого. Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2011. 200 с. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

7. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с франц. А.Ю. Коннова. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 136 с. (Серия STUDIA URBANICA).
8. Pink S. Future of Visual Anthropology: Engaging the Senses. New York ; Abingdon : Routledge, 2006. 166 p.
9. Harvey D. The Condition of Postmodernity: an Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge, MA : Blackwell Publ., 1990. 378 p.
10. Rosenau P. Post-modernism and the Social Sciences: Insights, Inroads, and Intrusions. Princeton : Princeton University Press, 1992. 229 p.
11. Грубер М. «Включенное» этнографическое кино: межкультурное сотрудничество в исследованиях и кинопроизводстве / пер. с англ. Е.В. ван Гервен // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 49–80. DOI: 10.17223/2312461X/17/4.
12. Кириллова Н.Б. Медиакultura: от модерна к постмодерну. Москва : Академический Проект, 2006. 448 с. (Серия «Технологии»).
13. Nash C. The Unravelling of the Postmodern Mind. Edinburgh : Edinburgh University Press. 2001. 310 p.
14. Александров Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. Москва : Пенаты, 2003. 99 с.
15. Atkinson P., Delamont S., Housley W. Contours of Culture: Complex Ethnography and the Ethnography of Complexity. Altamira Press, 2007. 268 p.
16. Pink S. Doing Sensory Ethnography. SAGE Publications Ltd., 2009. 168 p.
17. Interviews from Tartu Worldfilm Festival 2018 : [видеозапись]. URL: <https://vimeo.com/292453149> (дата обращения: 08.10.2018).

Interdisciplinarity and Collaborative Filmmaking in Anthropological Cinema

Aleksandr E. Oganezov

N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky Av., Moscow, 119991, Russia
E-mail: alexoganezov@outlook.com

Abstract. *Anthropological cinema is the most representative form of visual anthropological research, due to which it can be considered a kind of calling card of visual anthropology. It is confirmed by facts from the history of the scientific discipline and by constant, continuous interest in anthropological films both from researchers and from the audience. This is caused by variety of different factors, though the key ones are the “visual turn” in the 20th century culture, the development of cinema and television, mostly in the second half of the 20th century, and the media-oriented socio-cultural direction in the period of postmodernism. We can see that the 20th century, despite a lot of negative events, was a fertile ground for the foundation and further development of visual anthropology. However, nowadays we can still observe new different trends in the development of this scientific direc-*

tion. The increase in the number of interdisciplinary researches, the high degree of involvement in collaborative work of researchers from various scientific spheres, the advancing level of audiovisual media democratization and popularization, and the continuous development of filmmaking technologies – all these, clearly, are modern factors that determine the further direction and specificity of the development of visual anthropology and, in particular, anthropological cinema.

This article considers and analyzes the above-mentioned characteristic features of the anthropological cinema of the postmodern period. Special attention is paid to the development of interdisciplinary contacts between visual anthropology and related scientific disciplines, the democratization of video production and the sphere of audiovisual media, and the direction of collaborative anthropological filmmaking.

Study and analysis of these features of the anthropological cinema of the postmodern period can help to identify further ways for development of academic and applied visual anthropology in the socio-humanitarian sphere, to understand the nature of media relations within the framework of visual anthropological research, and to determine the role of author-researcher in contemporary visual anthropological discourse.

Key words: visual anthropology, ethnographic cinema, social sciences, interdisciplinarity, postmodernism, field research, collaborative filmmaking, media.

Citation: Oganezov A.E. Interdisciplinarity and Collaborative Filmmaking in Anthropological Cinema, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 682–692. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-682-692.

References

1. *Nanuk s severa* [Nanook of the North: documentary film]. USA, France, 1922, 78 min. (silent film).
2. *Moana: documentary film*. USA, 1926, 62 min. (in Russ.).
3. Gregory B., Mead M. *Balinese Character: a Photographic Analysis*. New York, Academy of Sciences Publ., 1942, 277 p.
4. MacDougall D. *The Corporeal Image: Film, Ethnography, and the Senses*. Princeton, Princeton University Press, 2006, 312 p.
5. *Interview with Martin Gruber*. Available at: <https://vimeo.com/291266729> (accessed 08.10.2018).
6. Anderson P. *The Origins of Postmodernity*. Moscow, "Territoriya Budushchego" Publ., 2011, 200 p. (in Russ.).
7. Augé M. *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017, 136 p.
8. Pink S. *Future of Visual Anthropology: Engaging the Senses*. New York, Abingdon, Routledge Publ., 2006, 166 p.
9. Harvey D. *The Condition of Postmodernity: an Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge, MA, Blackwell Publ., 1990, 378 p.
10. Rosenau P. *Post-modernism and the Social Sciences: Insights, Inroads, and Intrusions*. Princeton, Princeton University Press, 1992, 229 p.
11. Gruber M. Participatory Ethnographic Filmmaking: Transcultural Collaboration in Research and Filmmaking, *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2017, no. 3, pp. 49–80 (in Russ.). DOI: 10.17223/2312461X/17/4.
12. Kirillova N.B. *Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu* [Media Culture: From Modern to Postmodern]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2006, 448 p.
13. Nash C. *The Unravelling of the Postmodern Mind*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2001, 310 p.
14. Aleksandrov E.V. *Opyt rassmotreniya teoreticheskikh i metodologicheskikh problem vizual'noi antropologii* [Experience of Consideration of Theoretical and Methodological Problems of Visual Anthropology]. Moscow, Penaty Publ., 2003, 99 p.
15. Atkinson P., Delamont S., Housley W. *Contours of Culture: Complex Ethnography and the Ethnography of Complexity*, Altamira Press, 2007, 268 p.
16. Pink S. *Doing Sensory Ethnography*, SAGE Publications Ltd., 2009, 168 p.
17. *Interviews from Tartu Worldfilm Festival 2018*. Available at: <https://vimeo.com/292453149> (accessed 08.10.2018).

26—29 марта 2019 г.
Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ

СТАРЫЕ И НОВЫЕ МЕДИА: ПУТИ К НОВОЙ ЭСТЕТИКЕ

Международный научный форум

Цель форума — рассмотреть процесс становления и развития медиа, посредничества массмедиа между художественным произведением и человеком, а также влияние массмедиа на языки искусства.

Основные темы работы форума: Зеркала, экраны, фракталы; от катоптрического театра XVII в. к дополненной реальности: трансформации эстетического восприятия; экранные искусства в социокультурном контексте; кино и телевидение в поисках своей идентичности; цифровое искусство, сетевое искусство — подходы к новой типологии экранных искусств; эволюция медиа и искусство: эстетический аспект; сетевой человек и искусство.

Заявки на участие в форуме просим прислать до 15 марта 2019 г.

Контактный адрес: edukov@rambler.ru

О.Н. АСТАФЬЕВА, Н.В. КУЗЬМИНА

«ИНТЕРЕСНОЕ» В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ГОРОДА

Ольга Николаевна Астафьева,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Институт государственной службы и управления,
Научно-образовательный центр «Гражданское
общество и социальные коммуникации»,
директор;
кафедра ЮНЕСКО,
профессор
Вернадского просп., д. 82, стр. 1,
Москва, 119571, Россия

доктор философских наук, профессор
E-mail: onastafieva@mail.ru

Наталья Валерьевна Кузьмина,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Институт государственной службы и управления,
кафедра ЮНЕСКО,
аспирант
Вернадского просп., д. 82, стр. 1,
Москва, 119571, Россия

E-mail: nata.flor@mail.ru

Реферат. В статье раскрыта эстетическая категория интересное как доминанта развития городской среды. Предпринята попытка осмыслить эту категорию с точки зрения культурологического знания. Статья включает теоретический раздел, где, опираясь на известные концепции, авторы в общих чертах раскрывают принципы встраивания интересного как самоценного с точки зрения эстетического и

художественного, в постмодернистскую ткань современных мегаполисов. Аналитическая часть статьи построена на конкретных примерах, представленных урбанизированными культурными ландшафтами, постмодернистским столкновением искусства и не-искусства в городском пространстве, событийными коммуникациями и иными формами репрезентации урбанистической культуры. Результатом проведенного исследования стало обозначение одной из ключевых проблем современных городов: в результате их чрезмерного насыщения интересным все отчетливее проявляется культурологическая и эстетическая невосприимчивость к интересному у горожан.

С методологической точки зрения исследование позволило выявить, что в интерпретации современных явлений социокультурной реальности уже недостаточно исходить из базовых принципов конкретной науки. Именно междисциплинарность как востребованный сегодня методологический ресурс позволяет раскрыть на примере концепта интересное взаимосвязь и взаимообусловленность эстетики и культурологии для изучения культурной среды современных городов.

Авторы анализируют интересное в контексте влияния на культурную среду города и на восприятие его текста, приходя к выводу, что оно усиливает нелинейность и фрактальность городского пространства. На примере развития российских городов раскрывается, что формирование новой культурной среды всегда связано не только со сменой художественных дизайн-решений и/или эстетических тенденций.

В статье доказывается, что потребность в интересном расширяет рамки предметного поля эстетики и перемещается в центр междисциплинарных исследований культурологии.

Ключевые слова: образ города, интересное, уникальность, симулякр, эстетическая среда, текст культуры города, брендинг территории, урбанистическая культура, междисциплинарность, эстетика среды.

Для цитирования: Астафьева О.Н., Кузьмина Н.В. «Интересное» в эстетическом ландшафте города // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 693–707. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-693-707.

Обращение к категории *интересное*, получившей в философско-эстетических исследованиях трактовку «привлекающего внимание», «артикулируемое творческим воображением» или «создающего проблемное напряжение», связано с активным включением в городские ландшафты необычного и невероятного, будь то архитектурное сооружение или парковая зона, коммуникативное событие или публичное состязание (наподобие «батл», «агон» и т. д.). В большей или меньшей степени эти и многие современные явления (или процессы) культуры соответствуют тому базовому смыслу, который составляет суть понятия интерес (от латинского — *interesse*): буквально — это означает быть в промежутке, между. Для культуры в целом это нахождение на границе (возможного, реального и невозможного, невероятного) предельно важно, поскольку позволяет передать динамику и изменчивость, ее потенцию к саморазвитию. Но всегда ли создание социокультурного напряжения является гарантией эстетического и способно гармонично вписаться в культурную среду города?

Целью данной статьи является изучение с позиции междисциплинарности проявлений интересного в урбанистической культуре и выявление особенностей культурологического прочтения текстов городского пространства с его постоянно обновляющейся эстетической средой, субъективное восприятие которой формирует его определенный образ.

В качестве объекта выступает городское пространство, а категория интересное — предмет нашего изучения. Методологической основой исследования выступили труды отечественных ученых, раскрывающие содержание субъективного переживания пространства, делающего мегаполис особым культурно-символическим пространством (Т.Н. Березина [1], К.А. Богданов [2], В.Л. Глазычев [3], М.С. Каган [4], Д.С. Лихачев [5], Е.В. Николаева [6], В.А. Подорога [7], А.Ш. Тхостов [8] и др.), так и зарубежных (М. Арбиб [9], Ф. Арьес [10], А. Бергсон [11], Ж. Бодрийяр [12], Ф. Йейтс [13], Ж. Лакан [14], А. Лоуэн [15], Ж.-Л. Нанси [16], О. Фенихель [17], М. Фуко [18], К. Ясперс [19] и др.), в которых немалое место занимают идеи сложной взаимосвязи в культурной коммуникации в пространстве культуры.

Специфика культуры российских мегаполисов и особенности их развития, представленные в трудах исследователей по социологии города и социологии культуры (А.С. Ахиезер [20], А.В. Баранов [21], Л.Б. Коган [22], Е.В. Николаева [6], Э.А. Орлова [23], О.Н. Яницкий [24] и др.), выявляют значение внешней и внутренней эстетической среды города для изучения урбанистических процессов. У одной группы исследователей в области архитектуры и градостроительства (М.П. Березин [25], А.Э. Гутнов [26], Г.З. Каганов [27], А.В. Махровская [28], Г.Д. Платонов [29], В.Л. Ружже [30] и др.) большее внимание занимают планировочно-стилевые проблемы городских жилищ; у другой — вопросы экономики (М.Я. Блинкин [31], А.В. Новиков [32], С.А. Тархов [33]), где рассматриваются транспортные, логистические, финансовые и иные аспекты урбанистического развития в России. Новой темой становится проблематика «умного города», в котором немалое место отводится цифровой культуре (И.А. Вершинина [34], О.Б. Ганин [35], И.О. Ганин [35], И.С. Глебова [36], Н.С. Данакин [37], М.В. Мизрахи [38], Е.О. Самойлова [39], Ю.М. Шаев [39], О.В. Шлыкова [40], Я.С. Ясницкая [36] и др.).

Несмотря на многовекторность исследований по развитию отечественных урбанизированных пространств и предлагаемых в их рамках культурных ресурсов городов, работ о специфике проявления интересного в социокультурной реальности мегаполисов России

непростительно мало. Фрагментарно представлено интересное и в контексте постмодернистских исследований.

ИНТЕРЕСНОЕ В ГОРОДСКОМ ТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНА

Эстетическая категория интересного, глубоко проработанная в трудах Я.Э. Голосовкера [41], востребована сегодня при анализе культуры постмодернизма, когда субъективная оценка окружающего мира, замыкание человека в области его субъективных переживаний восторжествовали над признанием объективной реальности в лице истории, Бога и природы. И это вполне объяснимо: в XXI в. отношение к тому или иному факту бытия как к интересному, захваченному стихией творческого воображения, «служит почти ритуальным вступлением ко всем его дальнейшим оценкам, в том числе критическим» [42, с. 485]. Интерпретация художественно-эстетической среды выступает неотъемлемой частью коммуникативных процессов в современном городе, а выделенный М. Хайдеггером в повседневной культуре феномен «любопытство» как отражение неутомимой жажды «нового в качестве нового», как типического проявления «неаутентичной жизни» также отвечает плюралистической реальности постмодернизма, где явления находятся в недифференцированной близости [43]. Зачастую не столь важно для интеракции: любопытство ли порождает появление интересного или интересное вызывает любопытство. Однако коммуникативная энергия искусства, привнесение в мир образотворческой деятельности, наполненной смыслом красоты, направлена на формирование имажинативной реальности¹, которая характеризуется своей неповторимостью, и значит — интересна.

Мифология, креативность, инновационность стали маркерами современного городского текста, закрепляемыми в нем технологиями

¹ Имагинация — стихия творческого воображения, привнесенная в мир образотворческой деятельности; шире — основание человеческого поэзиса, обеспечивающее человеку осмысленное индивидуальное и соборное существование.

социокультурного проектирования в качестве прорывных дизайн-решений. Станут ли они частью имажинативной реальности, то есть интересными или только инновационными, трудно сказать определенно. Отличие нового от предшествовавшего не только в том, что создается что-то, чего не существовало ранее, но и в сравнении с тем, «что существует в определенных предшествующих их комбинациях кодов, условностей, стилей и практики, существующих в рамках одного культурного образования или между ними» [44, с. 206]. С одной стороны, это своего рода вызревание нового в непрерывной динамике преобразований снимает сдержанное отношение к традиции со стороны сторонников постмодернизма. С другой стороны, если бы так не было, то нашелся бы кто-то, кто был бы способен оценить, «является ли что-то новое таковым лишь внешне или же оно вообще фальшиво» [44, с. 206–207]. Однако подобная симуляционность усиливает власть симулякров и подталкивает к погоне за новым, которое должно завладеть вниманием каждого человека, независимо от его эстетического вкуса и культурных потребностей, а также независимо и от позитивной или негативной оценочной реакции. Так интересное начинает воспроизводиться ради интересного, имеющего порой лишь косвенное отношение к креативности как способности порождать культурные ценности. «Творческий разум может быть оригинальным только на основе определенной существующей традиции» [44, с. 206], так как наличие оригинальности подчеркивает уникальность, а не общность.

Поскольку постмодернизм дал толчок развитию городов и формированию особой урбанистической культуры, постольку средоточием оценочных отношений, местом главенства субъективного отношения становятся прежде всего современные мегаполисы. Так, окружающая действительность, преломляясь во внутреннем мире личности, начала оцениваться горожанином преимущественно как интересная, следовательно, мотивирующая его к дальнейшему психоэмоциональному погружению в среду, объект и т. п., или неинтересная, а значит, не заслуживающая дальнейшего душевного отклика, что, в свою очередь, вскрывает проблему соотношения эмоционального, чув-

ственного и рационального, интеллектуально-го в бытии города. Эта диалектическая связь тесно связана со всеми сферами жизни города и населения (коллективной идентичностью социума, благоустройством территории, транспортной политикой, социально-культурными мероприятиями, политическими выборами и т. д.) и обуславливает качество настоящей и будущей жизни граждан. Более того, культурное, этническое, языковое, профессиональное, стилевое и иное разнообразие лишь актуализирует проблему динамики интересного в пространстве урбанистической культуры.

Сложнейший и многозначный текст культуры города, обладающий дискурсивным единством, — это становящийся феномен, со своим ландшафтным решением, средой и пространством. Среди принципов организации городской жизни, а именно — удовлетворения потребностей и запросов популяций (сообществ), находящихся на данной территории; полноты отдельных форм и видов городской жизнедеятельности; создания условий для развития (возможность трансформации, резервирование территории и т. д.), В.М. Розин выделяет «принцип информационно-образной и эстетической артикуляции» [45, с. 33].

На наш взгляд, организация городской среды с точки зрения культурного развития базируется на образотворческой деятельности, создающей эту самую эстетическую артикуляцию. Это усиливает нелинейность развития культурной среды города, которая в процессе перехода от одной фазы истории к другой способна придавать смысловому пространству разные качественные состояния. Его полюсами выступают либо «фрактальные» многосмысловые структуры, насыщенные эстетическими образами и культурной информацией, либо упрощенная до функционализма модель «понимания-восприятия» материальной среды как места повседневного бытия, лишённого диалогичности [46]. В итоге мы получаем различную трактовку городской среды и восприятия городского текста.

В первом случае текст представлен в совокупной целостности природного и культурного ландшафта с его семантикой, сакральными локусами, статусной историко-культурной динамикой [47]. Более того, сложнейший текст насыщается материальным и нематериальным

культурным наследием, выступающим эстетическим и культурологическим ядром образа города [48, с. 138]. Именно культурное наследие и его корректная встроенность в современную архитектурную стилистику позволяет той или иной территории быть представленной в ее «конкретной индивидуальности» [49, с. 124]. Восприятие такой насыщенной исторической памятью городской среды, обновляемой креативными решениями его текста (удачными и менее удачными), обеспечивается способностями человека не только выделять в этой целостности функциональные, эстетические и экологические аспекты, но и синтезировать в него спонтанный поток событийных коммуникаций, создателем и участником которых он сам и является.

Во втором случае городской текст подавляется контекстом, насыщенным экономическими, политическими и иными проблемами, усиливая смысловую стагнационность культурной среды. В определенном смысле ситуация стимулирует потребность человека в интересном — как универсальную потребность в разнообразии. Однако в таком значении интересное — это не проблема искусства и тем более — не категория эстетики, ведь речь идет не только и не столько о захватывающем воображение предмете, который относится к области искусства (к примеру, городской скульптуре, архитектурному строению и др.).

В интересное включается «нечто слишком обширное и многозначное по объему» [41, с. 225], где «интересное как влечение и интересное предмета» объединены на почве воображения и, следуя спонтанной логике, выводят нас на «высший инстинкт культуры» [41, с. 268]. Однако в культурной среде многих современных городов, концепция которых базируется на идеях инновационности и «креативности ради креативности», малосущественным в стремлении получить интересное выступает специфика содержания, поскольку значимым является сам факт привлечения внимания. Сущность такого интересного может быть объяснима посредством обращения к концептам «влечения и соблазна», раскрытых в работах Ж. Бодрийера [50, с. 26].

Таким образом, отражающие ценности глобализирующегося мира города заполняются

потоками людей, включенных в калейдоскоп повседневной культуры, которые сталкиваются с новыми символическими языками, как «существенными элементами реальности и обыденного понимания этой реальности» [51, с. 70–71]. Однако из этого не следует, что мир повседневности городских жителей насыщается только сенсациями как концентрированным выражением интересного, нарочито доведенного до эпатажности и эстетического вызова.

Ставшие привычными для российских мегаполисов постмодернистские столкновения искусства и не-искусства в городском тексте, наступление всесильной массовой культуры, наиболее отчетливо проявляющейся в омасовлении культурной информации и приводящей к смысловому реформатированию традиционных ритуалов и событий, к расширению рекламных пространств, оттеняющих некогда привлекающих внимание скульптурных композиций и природных ландшафтных решений. Правомерным в этом смысле становится вопрос о гармонизации традиции и новации как условия сохранения метафизики города, которая складывается если не столетиями, то уж точно не одним десятилетием и измеряется жизнью не одного поколения горожан.

Таким образом, к ключевым проблемам современных городов, чрезмерно насыщающихся интересным, можно отнести все отчетливее проявляющуюся культурологическую и эстетическую невосприимчивость к интересному, которое подменяется компонентами массовой культуры. Под ее натиском у горожан отмирает способность восприятия и различения эстетически подлинного и значимого от искусственно надуманного, упрощенного и/или китчевого ряда для достижения «эффекта ради эффекта», приносящего огромные финансовые доходы [52]. Массовая культура — один из мощных компонентов глобализирующегося мира и как следствие любого типа упрощения в культуре, а в контексте нашего разговора — упрощение интересного, наделяются глубинными смыслами, поскольку речь идет о рисках явного или неявного расхождения с этическим и зачастую даже морально осуждаемым. Не случайно, социальный резонанс на китчевые украшения городов и модные урбанистические артефакты, являющиеся результатом

перестановки эстетических и семантических акцентов (к примеру, с объектов культурного наследия) инициируется не под воздействием экспертной точки зрения, а как результат превращения зрителя из пассивного потребителя сенсаций в активного соучастника и творца культурной среды.

ИНТЕРЕСНОЕ КАК ИНСТРУМЕНТ БРЕНДИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ

Находясь на границе фактического и фантастического, интересное придает урбанистической культуре внутреннюю напряженность и динамику. Оно не охватывает наличное бытие, а образует область потенциального и стремится выйти за границы фактического к некому возможному образу. Интересное можно считать главным индикатором и показателем символично-семиотического проектирования городов и мегаполисов, которое представляет собой инструмент городской культурной политики, где знаки и символы посредством культурных практик проектируют социальную реальность, моделируют общественные отношения и индивидуальные способы жизнедеятельности, преломляясь во внутреннем мире личности горожан. Основной технологией символично-семиотического проектирования служит формирование образов в пространстве урбанистической культуры. Как звук камертона помогает настраивать музыкальные инструменты, так и интересное позволяет формировать культурное пространство города, соразмерное развитию урбанистического сообщества.

Не случайно растет количество разнообразных рейтингов наиболее интересных городов России, Европы, мира, самых интересных мест и т. п., составляемых туристическими изданиями, интернет-ресурсами и просто самими людьми, посетившими ряд городов и стран. Одни берут за параметр, определяющий интересность, самобытную историю места, обусловившую уникальную архитектуру, градостроительную политику, другие — тесное переплетение свет-

ского и сакрального, религиозного в пространстве культуры города, и т. п. Так, например, во многих рейтингах самых интересных городов России лидирующие позиции занимает Санкт-Петербург. «Петербург, Петроград, Ленинград, его столько раз переименовывали, но он всегда оставался городом Петра и всегда занимал особое место в сердце России. Город трех революций, белых ночей, разводных мостов, расположенный практически на островах, его исторических, культурных и архитектурных сооружений не перечислить...»², Красноярск как «самый благоустроенный город России», Ростов-на-Дону — «южная столица России» и др.

Становится очевидным, что в символическом пространстве этих городов кроется сильнейшая внутренняя динамика. Тот факт, что в городе богатая архитектура, возведены церкви, проложены самые длинные дороги и т. п., корреспондирует с устремленностью этого факта выйти за свои границы в область невозможного, что достигается за счет богатейшей мифологизации мест, исторических легенд, обрядов, впечатляющих перспектив развития. Все это, безусловно, возбуждает любопытство как горожан, так и туристов, что служит мощным инструментом брендинга территорий, их оживления и как следствие привлечения самых разнообразных ресурсов.

Сегодня нам известно множество примеров, подтверждающих эту мысль. Порой она представляется в городском пространстве в постмодернистской стилистике симулякра: от Эйфелевой башни в Париже до «Эйфелевой башни» в Нагайбакском районе Челябинской области (мачты сотовой связи оператора «Урал-связьинформ», выполненной в виде символа Франции в масштабе 1:5); от дольменов Краснодарского края до экскурсий по «Булгаковской Москве».

Становится очевидным, что интересное является центральной категорией для развития городской среды. Задумаемся, однако, какую функцию выполняло помещение огромных размеров саквожа известной торговой марки на Красную

площадь в Москве в 2013 году? Вряд ли только для привлечения внимания и рекламирования французского дома моды. Это было интересно и возмутительно (для одних) и восхитительно (для других). Павильон-сундук не только преградил исторические панорамы в силу своих размеров (9 м в высоту и 30 м в длину), но и стал инородным в культурном тексте сакрального, наполненного глубокими историческими смыслами места, являющегося объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Так, произведение рекламного искусства, вызвавшее безусловный интерес как у граждан и туристов, так и у властей, оказалось чужеродным в символическом пространстве Красной площади. В результате широкого общественного резонанса этой постмодернистской акции (а налицо и деконструкция текста культуры, и полистилистика, и смешение знаков и символов, свойственные постмодернизму) в Интернете появилось огромное количество «фотожаб», пародирующих фотографии с этим саквожем на Красной площади (чемодан с узнаваемым логотипом то трансформировался в мавзолей, то на месте гигантской сумки вдруг возвышалась не меньших размеров клетчатая хозяйственная сумка-баул и др.), что и вовсе породило массовую иронию за счет множественных отсылок к другим культурным событиям-явлениям-текстам, неприемлемую, однако, по отношению к историко-культурному месту. Красная площадь, ставшая пространством сложной художественной и семиотической коммуникации, порожденной указанным арт-объектом, оказалась, по терминологии Е.В. Николаевой, подвержена виртуализации. В результате такое пространство «становится все более “сложнопереосеченным”, смешивающим “реальную” и виртуальную реальности и то и дело перебрасывающим зрителей/участников из одной реальности в другую» [53]. Подобное смешение брендов-символов (Красной площади как сакрального символа России и саквожа как популярного символа массовой культуры и рекламы, выполненного к тому же в определенной фирменной стилистике) порождает социокультурную энтропию и свидетельствует о культурном паразитировании. Следуя идеям Я.Э. Голосовкера об интересном, получившим развитие в философии творчества, согласимся с утверждениями его последователей: «Этическое заложено

² Красивые города России [Электронный ресурс] // Женский журнал онлайн — Свои Правила. URL: <https://svoipravila.ru/otdih/interesno-otdixaem/samie-krasivie-goroda-rossii.html> (дата обращения: 28.11.2018).

в самом даре творческого мышления, в способности через внутреннюю потрясенность и открывающуюся в ней любовь вообразить себя на месте другого, т. е. в способности представить себе внутренний образ другого человека, других людей» [54, с. 21].

Таким образом, интересное в пространстве урбанистической культуры — сильнейший стимулятор, способный переформатировать культурные предпочтения и усиливать воздействие на вкусы горожан, привлекать внимание к тем или иным местам, побуждать к участию в конкретных событиях, возбуждая их любопытство. Однако интересное выступает символическим ресурсом культуры, способной, как указано в Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г.³, способствовать укреплению коллективной идентичности горожан, формированию у них чувства причастности к физическому и социокультурному пространству их жизни.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРЕСНОГО

Чувство сопричастности с живущими на одной территории людьми возникает у индивида во многом тогда, когда он становится активным участником проводимых в мегаполисе изменений и начинает понимать их смыслы и разделять ценности, придающие возвышающий смысл его бытию в конкретной среде и пространстве. В свою очередь, энергия, возникающая из близости, смещения и взаимодействия, рождает будущее города. Именно в этом акте творчества человек становится «непосредственно причастным к процессу самопознания духа города» [55, с. 16]. Ввиду того, что в этом процессе он мысленно устремляется к некому идеальному состоянию мегаполиса, т. е. выходит за пределы

наличного бытия, указание на которое присутствует в бытии окружающего его мира, можно предположить, что такая творческая субъектность горожанина трансцендентна.

Этот аспект конструирования урбанистического образа включает в себя, с одной стороны, ориентацию на коллективные формы творчества жителей городов. Как заметил Н.А. Бердяев: «Самая большая... нравственная истина, до которой должен дорасти человек, — это — что нельзя спастись индивидуально», что предполагает «спасение других, моих близких, всеобщее спасение, спасение всего мира...» [56, с. 515]. Рождаемая в процессе коллективного действия горожан синергия является именно той силой, благодаря которой индивид может ощутить свою роль и субъектность в развитии мегаполиса. При этом именно культура, как заметил М.С. Каган, «...формирует общее ценностно-смысловое пространство, выступающее основой взаимодействия и взаимопонимания людей» [4, с. 105].

Так, городские культурные события (например, фестивали классической музыки), выполняющие определенные воспитательные, эстетические и аксиологические функции, направлены на привлечение граждан к активному участию, зачастую включают в себя сопутствующие мероприятия, которые вызывают особый интерес людей к определенным исполнителям, группам и/или событию в целом. Такими мероприятиями служат различные тематические мастер-классы, открытые уроки, конкурсы, викторины и иные мероприятия, объединенные одной темой и сверхзадачей. В качестве примера можно привести цикл культурных мероприятий в 2015 г., проводимых в рамках проекта, приуроченного к празднованию 175-летия со дня рождения П.И. Чайковского. Проект был одобрен на федеральном уровне и стал массовым музыкальным празднеством национального типа, включающим в себя множество региональных событий-фестивалей, культурных акций, отсылающих аудиторию к юбилейной дате. Осуществление данного проекта можно назвать серьезным фактором, укрепляющим национальное самосознание российских граждан. Идея этого масштабного мероприятия была заложена в 2012 г. на государственном уровне Указом Президента «О праздновании 175-летия со дня

³ Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420389221> (дата обращения: 31.10.2018).

рождения П.И. Чайковского». В сумме на юбилейный год было выделено свыше 6 млрд рублей. Почти каждый музыкальный коллектив, выступивший в рамках фестиваля, в своей программе сделал посвящение Чайковскому. В проекте приняли участие крупнейшие театры России: Большой театр России представил крупномасштабную программу: оперу «Орлеанская дева», премьеру «Пиковой дамы», сюиту из балета «Щелкунчик» и премьеру оперы «Иоланта». В Мариинке на всех площадках исполняли музыку Чайковского: гала-концерт звезд балета на Исторической сцене, опера «Иоланта» в «Мариинке-2», хоровой концерт, «Ночь Чайковского»: концерты камерной вокальной и инструментальной музыки, джазовые импровизации на темы произведений Чайковского. В день рождения П.И. Чайковского, 7 мая на Исторической сцене Мариинского театра представили оперу «Евгений Онегин».

Театры разных субъектов РФ также участвовали в проекте: Самарский театр оперы и балета показал оперу «Пиковая дама», Пермский театр оперы и балета провел «Фестиваль Чайковского», в него вошли опера «Пиковая дама», «Евгений Онегин» в концертном исполнении, три балета П.И. Чайковского, концерты камерной музыки. Челябинский театр оперы и балета дал оперу «Иоланта», показал спектакль «Лебединое озеро» и представил концерт симфонической музыки П.И. Чайковского, летом состоялась премьера оперы «Орлеанская дева». Эту же оперу поставили в Башкирском театре оперы и балета. Открытием стал Приморский театр оперы и балета, который представил премьеру ныне не столь популярной оперы «Мазепа».

Становится очевидным, что тем интересным, привлечшим огромную аудиторию к празднованию юбилея П.И. Чайковского, стали самые разнообразные мероприятия, в том числе гастрольные концертных организаций, усиливших популярность творчества гениального русского композитора. Интересное, будь то исполнители мирового уровня, либо форматы и исполнительские интерпретации участников концертов, послужило фактором, который способствовал активизации общественной и культурной жизни многих урбанистических пространств России. В свою очередь, это оживило культурное пространство, способствовало формированию социаль-

ного единства. Кроме того, цикл проведенных мероприятий, вызывающих интерес у слушателей (российских и зарубежных), активизировал региональную экономику, способствовал созданию туристически привлекательного образа. Размышляя о том, как следует осуществлять управление этой деятельностью, необходимо отметить важность сохранения уже имеющихся культурных связей с другими государствами, регионами и т. д., поскольку это влияет на формирование положительного имиджа как России, так и города, ставшего центром интересного.

Более того, реализация интересных городских проектов способна не только привлечь горожан и туристов, но и стимулировать развитие окружающей территории за счет создания уникального урбанистического образа. Показательным примером этого служит осуществляемая в 2018–2019 гг. реконструкция Казанской набережной в Туле, где сейчас на месте унылой промзоны и ветхой застройки исторического центра города создано общественное пространство, включающее сохранение вековых тополей вдоль русла реки, современную брусчатку для прогулочной зоны, обустройство интерактивных площадок и уютного парка, возведение целого музейного квартала и организацию безопасной пешеходной зоны вдоль Тульского Кремля по улице Металлистов. Этот центр притяжения местного сообщества и гостей города выступил драйвером развития всей территории Тулы: здесь проводятся разнообразные музыкальные концерты, культурные и спортивные акции и т. д. Огромный интерес граждан к обновленной современной набережной подтверждается большим количеством постов с фотографиями и обширными комментариями в социальных сетях с хэштегом #ТульскаяНабережная. Подобные примеры уже не столь единичны, даже по сравнению с десятилетием назад.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫВОДЫ

Предпринятая попытка обозначить проблему интересного показала, что в интерпретации современных явлений социокультурной реальности уже недостаточно исходить из базовых принципов конкретной

науки, будь то эстетика, культурология, урбанистика. Изучение этого явления наиболее плодотворно, опираясь на принципы социально-гуманитарного знания в целом, которое предполагает единство теоретического и эмпирического подхода и междисциплинарность, обеспечивающие полноту анализа объекта в контексте усложнения процессов и явлений современной культуры. Именно междисциплинарность как востребованный сегодня методологический ресурс позволяет раскрыть на примере концепта интересное взаимосвязь и взаимообусловленность методологических подходов эстетики и культурологии для изучения культурной среды современных городов.

Актуализация интересного в пространстве урбанистической культуры накаляет городскую среду, поддерживая одновременно атмосферу творчества, которая пронизывает город, возможную при условии согласования целей государственной культурной политики и корректного стимулирования спонтанной активности у горожан, признанию ценности интересного не только для создания (поддержки) урбанистического образа, но и для укрепления коллективной идентичности населения города.

Интересное способно существенным образом влиять на культурную среду города и на восприятие его текста в целом, усиливая нелинейность и фрактальность городского пространства. С одной стороны, стягивая его в целостность, к примеру, за счет историко-культурного наследия, вписывающегося в современное пространство городской территории с его архитектурой и событийно-коммуникативным рядом. С другой — инициируя появление интересного от обратного — от проблемной среды города к интересному как стимулу к разнообразию, где не последнее место занимают постмодернистские приемы тиражирования симулякров и усиления влечения к ним. В обоих случаях метафизика города распадается на мелкие фрагменты, усиливая эклектичность среды.

Вследствие чрезмерного насыщения интересным городских пространств все отчетливее проявляется культурологическая и эстетическая невосприимчивость к интересному у горожан. При этом интересное в пространстве урбанистической культуры способно стимулировать привлечение горожан в те или иные ме-

ста или на те или иные события, возбуждая их любопытство. Благодаря этому оно является одним из инструментов брендинга городского пространства. Однако при этом «интересное» обретает способность «присваиваться» культурной средой и выступать своеобразным маркером коллективной идентичности. Оба процесса — и усиление бренда, и укрепление коллективной идентичности горожан, взаимозависимы. Постигание культурной среды города способно вызвать чувство причастности к физическому и социокультурному пространству их жизни.

Как было показано на примере развития городской среды российских городов, формирование новой культурной среды всегда связано не только со сменой художественных дизайн-решений и/или эстетических тенденций. Нередко речь идет о смене стратегии культурной политики и приоритетов в поддерживаемых властью направлениях культурной жизни страны. Культурологическая трактовка проблемы позволяет поднимать вопросы устойчивости и сменяемости культурных нормативов, допускаемых в публичной жизни людей; освоения людьми новых форм, относимых исключительно к сфере приватной жизни. Потребность в интересном расширяет рамки предметного поля эстетики и перемещается в центр междисциплинарных исследований культурологии.

Список источников

1. Березина Т.Н. Многомерная психика: Внутренний мир личности. Москва : ПЕР СЭ, 2012. 319 с.
2. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2001. 437, [1] с. (Территория культуры: антропология).
3. Глазычев В.Л. Город без границ. Москва : Территория будущего, 2011. 400 с. (Университетская библиотека Александра Погорельского).
4. Каган М.С. Философия культуры / Акад. гуманитар. наук и др. Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. 414, [1] с.
5. Лихачев Д.С. Экология культуры [Электронный ресурс] // Памятники Отечества. 1980. № 2. URL: <http://hram-puchkovo.me-ga.ru/articles/98> (дата обращения: 26.10.2018).

6. Николаева Е.В. Фракталы городской культуры : монография / Санкт-Петербург : Страта, 2014. 260, [1] с. (Формула культуры).
7. Подорога В.А. Метафизика ландшафта: Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. Москва : Канон+, 2013. 552 с. (Гуманитарное знание XXI).
8. Тхостов А.Ш. Психология телесности. Москва : Смысл, 2002. 287 с.
9. Арбиб М. Метафорический мозг / пер. с англ. Э.Л. Наппелбаума ; под ред. и с предисл. Д.А. Поспелова. Москва : УРСС ; Едиториал УРСС, 2004. 295, [1] с. (Науки об искусственном).
10. Арьес Ф. Время истории / пер. с фр. и примеч. М. Неклюдовой. Москва : ОГИ, 2011. 304 с.
11. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой ; вступ. слово И. Блауберг. Москва : Терра-Книжный клуб ; Канон-пресс-Ц, 2001. 384 с. (Канон философии).
12. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. Москва : Республика ; Культурная революция, 2006. 268, [1] с. (Мыслители XX века).
13. Йейтс Ф. Искусство памяти. Санкт-Петербург : Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. 479 с.
14. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе : докл. на Рим. конг., читан. в Ин-те психологии Рим. ун-та 26 и 27 сент. 1953 г. / [пер. с фр.]. Москва : Гнозис, 1995. 100 с. (Феноменология. Герменевтика. Философия языка).
15. Лоуэн А. Физическая динамика структуры характера : [Биоэнергет. анализ] / пер. с англ. Е.В. Поле. Москва : Компания Пани, 1996. 329 с. (Психотерапия: теории и методы).
16. Нанси Ж.-Л. Деконструкция монотеизма. Москва : Издательство Ипполитова, 2004. 39 с. (Зарубежные ученые в РГГУ).
17. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. 2-е изд. / пер. с англ., вступ. сл. А.В. Хавина. Москва : Академический проект, 2004. 845 с. (Концепции).
18. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И.К. Стаф. Москва : АСТ ; АСТ МОСКВА, 2010. 698, [1] с. (Philosophy).
19. Ясперс К. Духовная ситуация времени / пер. с нем. М.И. Левиной. Москва : АСТ, 2013. 285, [2] с. (Новая философия).
20. Ахизер А.С. Социально-культурные проблемы развития России: философский аспект. Москва : ИНИОН, 1992. 82 с. (Теория и история культуры).
21. Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. Москва : Финансы и статистика, 1981. 191 с.
22. Kogan L.B. Pour une politique urbaine en Russie // Diogenè. 2001. № 194, avril-juin.
23. Орлова Э.А. Эффективные социокультурные программы и проекты. Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 342, [1] с.
24. Яницкий О.Н. Урбанизация, город, человек : (Книга буржуазной социологии). Москва : Знание, 1974. 63 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия философия; 3/1974).
25. Березин М.П. Пространство-восприятие-поведение. Вопросы архитектуры в работах зарубежных теоретиков // Строительство и архитектура Ленинграда. Ленинград : Лениздат, 1975. № 7. С. 39–42.
26. Гутнов А.Э. Города и люди : ст., выступления, докл., интервью. Москва : Ладыя, 1993. 317, [2] с.
27. Каганов Г.З. Петербург в контексте барокко. Санкт-Петербург, 2001. 207 с.
28. Махровская А.В. Реконструкция старых жилых районов крупных городов : На прим. Ленинграда. 2-е изд., перераб. и доп. Ленинград : Стройиздат, 1986. 351 с.
29. Платонов Г.Д. Социально-демографические основы проектирования города и жилища : учеб. пособие для студентов архит. фак. Ленинград : [б. и.], 1979. 58 с.
30. Эффективность жилой среды в условиях городского образа жизни («Ленинград-2000») : материалы научно-теоретического совещания (31 мая – 3 июня 1976 г.). Ленинград : [б. и.], 1978. 240 с.
31. Блинкин М.Я. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институции. Москва : Высш. шк. экономики, 2013. 238, [1] с.
32. Новиков А.В. Социальный контроль в условиях трансформации российского общества. Москва : Наука, 1999. 397, [1] с.
33. Тархов С.А. Пространственные закономерности эволюции транспортных сетей : дис. ... д-ра геогр. наук. Москва, 2002. 244 с.

34. *Вершинина И.А.* «Умные» города: перспективы появления и развития в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 2. С. 163–175. DOI : 10. 24290/1029-3736-2016-22-2-163-175.
35. *Ганин О.Б., Ганин И.О.* «Умный город»: перспективы и тенденции развития // ARS Administrandi. 2014. № 1. С. 124–135.
36. *Глебова И.С., Ясницкая Я.С.* Возможности реализации концепции «умного города»: практика российских городов // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1–3 (42). С. 232–235.
37. *Данакин Н.С.* Умный город как принцип стратегического развития // Управление городом: теория и практика. 2013. № 2 (9). С. 10–13.
38. *Мизрахи М.В.* «Умный город»: эволюция концепта. Инициативы городских сообществ в развитии города // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Т. 24 (65). 2013. № 3. С. 216–219.
39. *Самойлова Е.О., Шаев Ю.М.* Арт-пространство умного города: перспективы развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 12 (86) : в 5 ч. Ч. 4. С. 150–153.
40. *Шлыкова О.В.* Динамика мультимедийной культуры: меняющийся мир в меняющемся социокультурном пространстве // Самоопределение России в мировом культурном пространстве: искусство, религия, политика: коллективная монография. Москва : Московский государственный институт культуры, 2018. С. 25–140.
41. *Голосовкер Я.Э.* Избранное. Логика мифа. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
42. *Эпштейн М.Н.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. Москва : Новое лит. обозрение, 2004. 862, [1] с. (Премия Liberty in Art We Trust).
43. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. Москва : Академический проект, 2015. 447, [1] с. (Философские технологии).
44. *Негус К., Пикеринг М.* Креативность. Коммуникация и культурные ценности / пер. с англ. О.В. Свинченко ; науч. ред. А.Е. Радеева . Харьков : Гуманитарный центр, 2011. 299 с.
45. *Розин В.М.* Роль социального программирования и технологизации в проектировании и модернизации городов. Москва : URSS ; ЛЕНАНД, 2017. 194 с. (Город: архитектура, история, управление; № 8).
46. *Астафьева О.Н.* Диалогичность культурной среды города: культурное наследие как основа ее целостности : [доклад] // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2018. С. 385–386.
47. *Кулешова М.Е., Стрелецкий В.Н.* Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте : сборник статей, посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского науч.-исслед. ин-та культ. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева // В фокусе наследия. Москва, 2017. С. 313–329.
48. *Веденин Ю.А.* География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. Москва : Новый хронограф, 2018. 470, [1] с. (Социальное пространство).
49. *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. 2-е изд., исп. и доп. Ленинград : Сеятель, 1926. 150, [1] с.
50. *Бодрийяр Ж.* Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. Москва : Ad Marginem, 2000. 329 с.
51. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. Москва : Медиум, 1995. 322, [1] с. (Первые публикации в России. ППР).
52. *Astafyeva O.N., Belyakova I.G., Sudakova N.E.* Theoretical Studies of Mass Culture as a Self-Developing System in the Context of the Tasks of Russia's Cultural Policy // Eurasian Journal of Analytical Chemistry: Special Issues 2017: Interdisciplinary Perspective on Sciences, 2017. vol. 12, № 7b. P. 1475–1481. DOI: 10.12973/ejac.2017.00275a.
53. *Николаева Е.В.* Арт-объект и его коммуникативные пространства [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2013. № 1 (11). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/190.html&j_id=13 (дата обращения: 31.10.2018).
54. *Рашковский Е.Б.* Яков Эммануилович Голосовкер / сост. Е.Б. Рашковский, Н.В. Брагинская.

Москва : Политическая энциклопедия, 2017. 318 с. (Философия России первой половины XX века).

55. Горнова Г.В. Феномен города в духовном мире человека : монография / Федер. агентство по

образованию «Омский гос. пед. ун-т». Омск : Изд-во ОмГТУ, 2005. 147, [1] с.

56. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Москва : АСТ ; Астрель, 2011. 639 с. (Philosophy).

“Interesting” in the Aesthetic Landscape of the City

Olga N. Astafyeva *,
Natalia V. Kuzmina **

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, Building 1, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russia

E-mail: * onastafieva@mail.ru,

** nata.flor@mail.ru

Abstract. *The article examines the aesthetic category of “interesting” as a dominant of urban environment development. The authors try to comprehend this category from the point of view of cultural knowledge. The article includes a theoretical section, where, basing on well-known concepts, the authors outline the principles of embedding the “interesting”, as something aesthetics and artistic, in the postmodern fabric of modern megacities. The analytical part of the article is based on specific examples represented by urban cultural landscapes, by the postmodern clash of art and non-art in urban space, by event communications and other forms of urban culture representation. The study resulted in designation of one of the main problems of modern cities: as a result of their excessive saturation with “interesting”, there can be observed a growing cultural and aesthetic insensitivity to the “interesting” among their citizens.*

From the methodological point of view, the study revealed that, in interpretation of modern phenomena of socio-cultural reality, it is not enough to proceed from the basic principles of a particular science. So, the interdisciplinary approach, as a methodological resource in demand today, allows revealing, by the example of the concept of “interesting”, the interconnection and interdependence of the methodological approaches of aesthetics and culturology for studying the cultural environment of modern cities.

The authors analyze the “interesting” as an instrument of influencing on the cultural environment of the city and the perception of its text. As a result, the “interesting” intensifies the nonlinearity and fractality of urban space. On the example of Russian cities development, the article reveals that the formation of a new cultural environment is always connected not only with changing of artistic design solutions or/and aesthetics trends. The authors prove that the need for “interesting” widens the frames of the subject field of aesthetics. The “interesting” is moving to the center of interdisciplinary cultural studies.

Key words: city image, interesting, uniqueness, simulacrum, aesthetic environment, city culture text, territory branding, urban culture, interdisciplinarity, environment aesthetics.

Citation: Astafyeva O.N., Kuzmina N.V. “Interesting” in the Aesthetic Landscape of the City, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 693–707. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-693-707.

References

1. Berezina T.N. *Mnogomernaya psikhika: Vnutrennii mir lichnosti* [Multidimensional Mind: The Inner World of Personality]. Moscow, PER SE Publ., 2012, 319 p.
2. Bogdanov K.A. *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoj deistvitel'nosti* [Everyday Life and Mythology: Studies on the Semiotics of Folklore Reality]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 2001, 437 p.
3. Glazychev V.L. *Gorod bez granits* [City without Borders]. Moscow, “Territoriya Budushchego” Publ., 2011, 400 p.
4. Kagan M.S. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. St. Petersburg, TOO TK “Petropolis” Publ., 1996, 414 p.
5. Likhachov D.S. *Ecology of Culture, Pamyatniki Otechestva* [Monuments of the Fatherland], 1980,

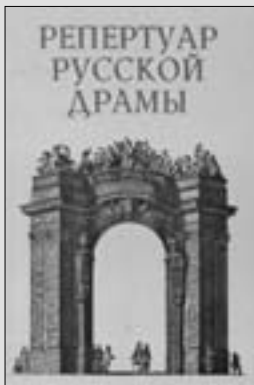
- no. 2. Available at: <http://hram-puchkovo.me-ga.ru/articles/98> (accessed 26.10.2018) (in Russ.).
6. Nikolaeva E.V. *Fraktaly gorodskoi kul'tury: monografiya* [Fractals of Urban Culture: monograph]. St. Petersburg, Strata Publ., 2014, 260 p.
 7. Podoroga V.A. *Metafizika landshafta: Kommunikativnye strategii v filosofskoi kul'ture XIX–XX vekov* [Metaphysics of Landscape: Communicative Strategies in the Philosophical Culture of the 19th–20th Centuries]. Moscow, Kanon+ Publ., 2013, 552 p.
 8. Tkhostov A.Sh. *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of Corporeality]. Moscow, Smysl Publ., 2002, 287 p.
 9. Arbib M. *Metaforicheskii mozg* [The Metaphorical Brain]. Moscow, URSS Publ., 2004, 295 p.
 10. Ariès Ph. *Vremya istorii* [The Time of History]. Moscow, OGI Publ., 2011, 304 p.
 11. Bergson H. *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative Evolution]. Moscow, Terra-Knizhnyi Klub Publ., Kanon-press-Ts Publ., 2001, 384 p.
 12. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow, Respublika Publ., Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 2006, 268 p.
 13. Yates F. *Iskusstvo pamyati* [The Art of Memory]. St. Petersburg, Fond Podderzhki Nauki i Obrazovaniya "Universitetskaya Kniga" Publ., 1997, 479 p.
 14. Lacan J. *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhologii*: dokl. na Rim. kong., chitan. v In-te psikhologii Rim. un-ta 26 i 27 sent. 1953 g. [The Function and Field of Speech and Language in Psychoanalysis: Rome Congress paper, read at the Institute of Psychology of the University of Rome on the 26th and 27th of September, 1953]. Moscow, Gnozis Publ., 1995, 100 p.
 15. Lowen A. *Fizicheskaya dinamika struktury kharakterera* [Physical Dynamics of Character Structure]. Moscow, Kompaniya Pani Publ., 1996, 329 p.
 16. Nancy J.-L. *Dekonstruktsiya monoteizma* [Deconstruction of Monotheism]. Moscow, Ippolitova Publ., 2004, 39 p.
 17. Fenichel O. *Psikhoanaliticheskaya teoriya nevrozov* [The Psychoanalytic Theory of Neurosis]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004, 845 p.
 18. Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [History of Madness in the Classical Age]. Moscow, AST Publ., 2010, 698 p.
 19. Jaspers K. *Dukhovnaya situatsiya vremeni* [The Spiritual Situation of the Time]. Moscow, AST Publ., 2013, 285 p.
 20. Akhiezer A.S. *Sotsial'no-kul'turnye problemy razvitiya Rossii: filosofskii aspekt* [Social and Cultural Problems of Russia's Development: Philosophical Aspect]. Moscow, INION Publ., 1992, 82 p.
 21. Baranov A.V. *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie krupnogo goroda* [Social and Demographic Development of a Large City]. Moscow, Finansy i Statistika Publ., 1981, 191 p.
 22. Kogan L.B. Pour une politique urbaine en Russie, *Diogenè*, 2001, no. 194, April–June.
 23. Orlova E.A. *Effektivnye sotsiokul'turnye programmy i proekty* [Effective Socio-Cultural Programs and Projects]. Moscow, Tsentr Sotsial'nogo Prognozirovaniya i Marketinga Publ., 2015, 342 p.
 24. Yanitsky O.N. *Urbanizatsiya, gorod, chelovek: (Kniga burzhuznoi sotsiologii)* [Urbanization, City, Person: (A Book of Bourgeois Sociology)]. Moscow, Znanie Publ., 1974, 63 p.
 25. Berezin M.P. Space—Perception—Behavior. Studies of Architecture in the Works of Foreign Theorists, *Stroitel'stvo i arkhitektura Leningrada* [Construction and Architecture of Leningrad]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1975, no. 7, pp. 39–42 (in Russ.).
 26. Gutnov A.E. *Goroda i lyudi: st., vystupleniya, dokl., interv'yu* [Cities and People: articles, presentations, reports, interviews]. Moscow, MP "Lad'ya" Publ., 1993, 317 p.
 27. Kaganov G.Z. *Peterburg v kontekste barokko* [St. Petersburg in the Context of Baroque]. St. Petersburg, 2001, 207 p.
 28. Makhrovskaya A.V. *Rekonstruktsiya starykh zhil'nykh raionov krupnykh gorodov: Na prim. Leningrada* [Reconstruction of Old Residential Areas of Large Cities: By the Example of Leningrad]. Leningrad, Stroizdat Publ., 1986, 351 p.
 29. Platonov G.D. *Sotsial'no-demograficheskie osnovy projektirovaniya goroda i zhilishcha: ucheb. posobie dlya studentov arkhitek. fak.* [The Socio-Demographic Basis of Urban and Housing Design: textbook for students of architectural faculties]. Leningrad, 1979, 58 p.
 30. *Effektivnost' zhiloi sredy v usloviyakh gorodskogo obraza zhizni ("Leningrad-2000"): materialy nauchno-teoreticheskogo soveshchaniya (31 maya — 3 iyunya 1976 g.)* [The Effectiveness of Living Environment in the Conditions of Urban Lifestyle ("Leningrad-2000"): Proceedings of the Scientific and Theoretical Meeting (May 31 — June 3, 1976)]. Leningrad, 1978, 240 p.
 31. Blinkin M.Ya. *Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya: istoriya voprosa, mezhdunarodnyi opyt, bazovye*

- institutsii* [Road Safety: Background, International Experience, Basic Institutions]. Moscow, Vysshaya Shkola Ekonomiki Publ., 2013, 238 p.
32. Novikov A.V. *Sotsial'nyi kontrol' v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [Social Control in the Conditions of Russian Society Transformation]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 397 p.
 33. Tarkhov S.A. *Prostranstvennyye zakonomernosti evolyutsii transportnykh setei* [Spatial Patterns of Transport Networks Evolution], doct. geogr. sci. diss. Moscow, 2002, 244 p.
 34. Vershinina I.A. "Smart" Cities: Prospects for the Emergence and Development in Russia, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2016, vol. 22, no. 2, pp. 163–175 (in Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-2-163-175.
 35. Ganin O.B., Ganin I.O. "Smart City": Prospects and Trends, *ARS Administrandi*, 2014, no. 1, pp. 124–135 (in Russ.).
 36. Glebova I.S., Yasnitskaya Ya.S. Possibilities of "Smart City" Concept Implementing: Russia's Cities Practice, *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2014, no. 1–3 (42), pp. 232–235 (in Russ.).
 37. Danakin N.S. Smart City as a Principle of Strategic Development, *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika* [City Management: Theory and Practice], 2013, no. 2 (9), pp. 10–13 (in Russ.).
 38. Mizrakhi M.V. Smart City: Concept Development. The Initiative of Communities in City Progress, *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya"* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Taurida National University. Series "Philosophy. Culturology. Political Science. Sociology"], vol. 24 (65), 2013, no. 3, pp. 216–219 (in Russ.).
 39. Samoilova E.O., Shaev Yu.M. Art Space of a Smart City: Development Prospects, *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 12 (86), part 4, pp. 150–153 (in Russ.).
 40. Shlykova O.V. Dynamics of Multimedia Culture: The Changing World in the Changing Socio-Cultural Space, *Samoopredelenie Rossii v mirovom kul'turnom prostranstve: iskusstvo, religiya, politika: Kollektivnaya monografiya* [Self-Determination of Russia in the World Cultural Space: Art, Religion, Politics: Collective Monograph]. Moscow, Moskovskii Gosudarstvennyi Institut Kul'tury Publ., 2018, pp. 125–140 (in Russ.).
 41. Golosovker Ya.E. *Izbrannoe. Logika mifa* [Selected Works. The Logic of Myth]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 2010, 496 p.
 42. Epshtein M.N. *Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk* [Space Bar: On the Future of the Humanities]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2004, 862 p.
 43. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2015, 447 p.
 44. Negus K., Pickering M. *Kreativnost'. Kommunikatsiya i kul'turnye tsennosti* [Creativity, Communication and Cultural Value]. Kharkov, Gumanitarnyi Tsentr Publ., 2011, 299 p.
 45. Rozin V.M. *Rol' sotsial'nogo programmirovaniya i tekhnologizatsii v proektirovanii i modernizatsii gorodov* [The Role of Social Programming and Technologization in Designing and Modernization of Cities]. Moscow, URSS Publ., LENAND Publ., 2017, 194 p.
 46. Astafyeva O.N. Dialogicality of the City's Cultural Environment: Cultural Heritage as the Basis of its Integrity, *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya: XVIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 17–19 maya 2018 g.* [The Contours of the Future in the Context of the World's Cultural Development: The 18th International Likhachov Scientific Conference, May 17–19, 2018]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2018, pp. 385–386 (in Russ.).
 47. Kuleshova M.E., Streletsky V.N. Formation and Evolution of Cultural Landscape: collected articles devoted to the 80th anniversary of Yu.A. Vedenin and the 25th anniversary of the D.S. Likhachov Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, *V fokuse naslediya* [In the Focus of Heritage]. Moscow, 2017, pp. 313–329 (in Russ.).
 48. Vedenin Yu.A. *Geografiya naslediya. Territorial'nye podkhody k izucheniyu i sokhraneniyu naslediya* [Geography of Heritage. Territorial Approaches to the Study and Preservation of Heritage]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2018, 470 p.
 49. Antsiferov N.P. *Puti izucheniya goroda kak sotsial'nogo organizma: Opyt kompleksnogo podkhozha*

- da [Ways of Studying the City as a Social Organism: Integrated Approach Experience]. Leningrad, Seyatel' Publ., 1926, 150 p.
50. Baudrillard J. *Soblazn* [Seduction]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000, 329 p.
51. Berger P., Luckmann Th. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995, 322 p.
52. Astafyeva O.N., Belyakova I.G., Sudakova N.E. Theoretical Studies of Mass Culture as a Self-Developing System in the Context of the Tasks of Russia's Cultural Policy, *Eurasian Journal of Analytical Chemistry: Special Issues 2017: Interdisciplinary Perspective on Sciences*, 2017, vol. 12, no. 7b, pp. 1475–1481. DOI: 10.12973/ejac.2017.00275a.
53. Nikolaeva E.V. The Art Object and Its Communicative Spaces, *Kul'turologicheskii zhurnal* [Journal of Cultural Research], 2013, no. 1 (11). Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/190.html&j_id=13 (accessed 31.10.2018) (in Russ.).
54. Rashkovsky E.B. *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow, Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2017, 318 p. (in Russ.).
55. Gornova G.V. *Fenomen goroda v dukhovnom mire cheloveka: monografiya* [The Phenomenon of City in the Spiritual World of Human: monograph]. Omsk, OmGTU Publ., 2005, 147 p.
56. Berdyayev N.A. *Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Existential Dialectics of the Divine and the Human]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2011, 639 p.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИСКУССТВ (РГБИ)

представляет издания

Репертуар русской драмы, 1734–1920 : библиографический указатель / Рос. гос. б-ка искусств, С.-Петербург. гос. Театр. б-ка ; сост.: А.В. Акименко, Л.Н. Губич, А.А. Колганова, Ю.Г. Слизун, Е.К. Соколинский ; библиогр. ред. Г.В. Бахарева.
Т. 1 : А–Г. Москва : Артист, Режиссер, Театр, 2015. 912 с.
Т. 2 : Д–Ко. Москва : РГБИ, 2017. 744 с.

Два тома библиографического указателя «Репертуар русской драмы» — самого масштабного и полного свода сведений об отечественных и переведенных на русский язык драматических произведениях, изданных на территории Российской империи и Советской России с 1734 по 1920 г.

В библиографическом указателе представлены сведения об отдельных изданиях пьес и о пьесах, опубликованных в сборниках, многотомных, продолжающихся и периодических изданиях.

В два тома «Репертуара...» вошли 12 тыс. библиографических описаний драматических произведений (А–Кр) из фондов трех библиотек — РГБИ, РНБ и СПГТБ, являющихся главными фондодержателями драматургии в России. Каждый том состоит из основной части и вспомогательных указателей — «Указателя имен» и «Указателя заглавий». Представленные в издании библиографические записи снабжены сиглами библиотек, к фондам которых относятся.

В «Репертуаре...» приведены данные об источнике, по которому определен автор; о предполагаемом и ошибочном авторстве. Составители выявили все встречающиеся варианты названия пьесы. В совокупности с оригинальным названием (для переводных изданий) эти сведения дают полную картину бытования пьесы.

УДК 008:930.85(38)
 ББК 71.122.32
 DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-6-708-718

Е.А. ПЛЕШКЕВИЧ

ОТНОШЕНИЕ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ К ПИСЬМУ: ТАЙНА ОДНОЙ ЗАГАДКИ

Евгений Александрович Плешкевич,

Государственная публичная научно-техническая
 библиотека
 Сибирского отделения Российской академии наук,
 главный научный сотрудник
 Восход ул., д. 15, Новосибирск, 630200, Россия

доктор педагогических наук
 E-mail: eap1966eap@mail.ru

Реферат. *Статья посвящена проблеме перехода от устной культуры к письменной в Древней Греции. Большинство зарубежных и отечественных исследователей связывают длительность и неустойчивость этого перехода, во-первых, с особенностями организации полисной власти, при которой греческий гражданин должен был реализовать свои права сам, а узкая специализация осуждалась, во-вторых, с антропоморфной спецификой греческой культуры. Представлен анализ использования устной и письменной коммуникаций в ключевых произведениях ряда древнегреческих писателей: Гомер («Илиада», «Одиссея»), Гесиод («Теогония»), Эсхил («Простительницы»), Аристофан*

(«Птицы»), а также в философских произведениях Платона («Федр»).

Установлено, что древнегреческие авторы, несмотря на владение письменностью, ориентируются в своих произведениях на устные коммуникации и на такие формы обеспечения доверия к устным коммуникациям, как личное свидетельство, религиозная клятва, подкрепляя все это верой в возможное религиозное наказание. В итоге древнегреческие авторы письменные коммуникации (в условиях отсутствия специально созданных для этого институциональных форм доверия) либо игнорируют, либо изображают как второстепенные. Таким образом, целью данной статьи является объяснение недоверчивого отношения греков к письму на раннем этапе. Автором предложена оригинальная гипотеза, в контексте которой данный феномен объясняется неспособностью институциональных форм обеспечения доверия, созданных для устных коммуникаций, выполнять свою функцию при переходе к письменным коммуникациям, что «тормозит» процесс перехода. В основе авторской гипотезы лежит положение теории документальной информации. Делается вывод о том, что

окончательный переход к письменным коммуникациям завершился лишь после создания институциональных форм обеспечения доверия к письменным сообщениям в виде архивов и библиотек.

Ключевые слова: история письменности, письменная культура, Древняя Греция, Гомер, Гесиод, греческая цивилизация.

Для цитирования: Плешкевич Е.А. Отношение древних греков к письму: тайна одной загадки // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 708–718. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-708-718.

Одним из проблемных вопросов в истории письменной культуры является недоверие древних греков на раннем этапе своего развития к письменности как средству коммуникации. Греческая цивилизация, как отмечает П. Видаль-Накэ, — это цивилизация устного слова, которое господствовало даже в письменном слове до V в. до н. э. [1, с. 41]. В том или ином аспекте этот феномен постоянно находится в сфере внимания зарубежных [2–5] и отечественных ученых [6–11]. Обобщенные представления западных исследователей можно встретить в работе известного американского историка Дж. Сикингера [5].

В последние годы историки античности, подходя к теме с нескольких разных точек зрения, начали подвергать сомнению традиционные представления о природе грамотности и функциях письма в древности. Появление алфавитной письменности в VIII в. до н. э. больше не рассматривается как революционное развитие, изменившее ход греческой истории. Вместо этого считается, что использование письменности развивалось медленно и имело ограниченное влияние на греческую частную и общественную жизнь [5, р. 229–230]. Российские ученые с той или иной оговоркой в целом разделяют данное утверждение. Так, сравнивая устную речь и письмо, С.С. Аверинцев отметил, что устная «речь подлежит публичному произнесению наизусть, и ее письменный текст — лишь

подсобный набросок, нечто вроде партитуры», причины этого он связывает со специфической греческого мироощущения и гуманизма, тяготевшего «к возможно более наглядному конкретно-осязаемому образу человека»; устное слово, по мнению Аверинцева, «это все еще телесная “самость” человека, написанное слово — нет» [10, с. 14]. И.Е. Суриков акцентирует внимание на простоте греческого алфавитного письма, по сравнению с иероглифическим, он считает, что человек, не страдающий пониженными умственными способностями, легко выучивает алфавит за несколько дней и таким образом может быть «сам себе писцом» [11, с. 189–190]. В итоге, письмо в представлениях греков есть некая рутинная технология, а не дар богов, как думали египтяне. Суриков делает акцент на «полисном принципе», связанном с отказом от узкой специализации, когда гражданин делает все сам, а если он не имеет возможности что-то сделать сам, то привлекает на помощь раба [11, с. 199]. В результате греческий писец, в отличие от своих восточных собратьев, был не столь значим, чтобы на него обращали внимание, более того, он может быть даже рабом. Комментируя данные суждения, скажем, что такая точка зрения возможна, однако она нуждается в более солидных обоснованиях. Исходя из этого целью данной статьи является объяснение данного феномена с учетом современных теоретических представлений о письменных коммуникациях.

Итак, вначале скажем несколько слов об истории появления письменности в Древней Греции. По наблюдению историков, древнегреческое алфавитное письмо предположительно возникло достаточно поздно в XI–VIII вв. до н. э., значительно позднее, чем в целом ряде стран Древнего Востока. Так, древнеегипетская письменность появилась на рубеже IV–III тысячелетий до н. э.; возникновение шумерской письменности датируется серединой III тысячелетия до н. э.; финикийской — около XV в. до н. э. Распространение греческого письма шло достаточно быстро. Если в начале VIII в. до н. э. в Греции, по мнению Ю.В. Андреева, не было никаких следов письменности, то в конце столетия функционировало новое алфавитное письмо, сложилась богатая и мно-

гообразная литература, представление о возможностях которой дают поэмы Гомера и Гесиода [12, с. 123].

Каким образом переход от устной культуры к письменной был представлен в древнегреческой литературе? Этот вопрос звучит особенно актуально, если принять во внимание гипотезу американского историка Б.Б. Пауэлла о том, что изобретение греками алфавитного письма было обусловлено не столько необходимостью решения коммерческих задач (ведение бухгалтерских записей и счетов), сколько принципиально иными целями, а именно записью греческой литературы, в первую очередь гомеровского эпоса [3].

Как известно, «Илиада» посвящена событиям Троянской войны, которые происходили в XII в. до н. э. и были достаточно удалены от Гомера как предполагаемого автора. Учитывая эту хронологическую «удаленность» можно предположить, что древние греки не имели представлений о письме как таковом. Однако это не совсем так. Во-первых, сохранились сведения о писцах критских полисов в архаический период (IX–VIII вв. до н. э.). По наблюдениям историков, в конце архаического периода писец назывался «финикастом», т. е. знатоком алфавитного финикийского письма [13, с. 173]. Вместе с тем, полагает Ю.В. Андреев, моделируя картину жизни «героического века», создатель «Илиады» и «Одиссеи» руководствовался прежде всего своим творческим воображением и художественным вкусом, которое питалось главным образом тем, что давала ему окружающая действительность [12, с. 12]. Отсюда та печать наивной модернизации, осовременивания прошлого, которой отмечено все творчество Гомера. В итоге мы имеем сильно упрощенную и идеализированную, но все же узнаваемую в своих основных очертаниях модель современного поэту греческого общества. Мы полагаем, что удаленность описываемого события не являлась непреодолимым препятствием для введения в ткань поэм сюжетов о письме и, если таковые отсутствуют, то не потому, что Гомер стремился к исторической достоверности.

Итак, в «Илиаде» и «Одиссее» Гомер рисует греческое общество с развитой системой царской и судебной власти, функционирующее в условиях «устного слова». В тексте мы

встречаем два аспекта его описания (текст цитируется по изданиям [14–16]). Во-первых, как коммуникационного акта:

Встал Калхас Фесторид...

<...>

Силой гадания, данной

ему Аполлоном владыкой.

Добрых намерений полный,

взял слово и стал говорить он...

<...>

Слово окончил и сел Фесторид...¹

(Илиада, пер. В. Вересаева)

Это может быть просто слово, либо «крылатое», т. е. громкое:

Также на сына Тидея

набросился царь Агамемнон,

Громко окликнул его

и крылатое вымолвил слово...

(Илиада, пер. В. Вересаева)

В двери вступив, Одиссея

он стал принуждать, чтоб покинул

Дом свой; и бросил ему,

раздраженный, крылатое слово:

«Прочь от дверей, старичишка,

иль за ноги вытащен будешь...

(Одиссея, пер. В. Жуковского)

При этом слово не только говорят, но его и запоминают:

Старому Фениксу так

отвечал Ахиллес быстроногий:

«Феникс, мой дедушка старый,

питомец богов, не нуждаюсь

В этой я чести. И так

почитаем я волею Зевса.

Честь эту возле судов

сохраню я, доколе дыханье

Будет в груди у меня

и могучие движутся ноги.

Слово другое скажу,

и запомни его хорошенько.

(Илиада, пер. В. Вересаева)

¹ Здесь и далее в оформлении стихотворного текста используется нестандартное разбиение на строки в связи с техническими особенностями и ограничениями макета журнала. — Примеч. ред.

Во-вторых, Гомер описывает слово как социальное действие, ведущее к неким последствиям. Вот лишь некоторые примеры:

И Меланиппа вождя
с Ликомедом, Крейоновым сыном.
Вместе они поспешили
царя Агамемнона к сени.
Скоро, как было сказано
слово, исполнено дело...
(Илиада, пер. Н. Гнедича)

Как мы видим, слово в данном случае выступает элементом не только коммуникации, но и неких действий. Каков действенный характер слова? Приведем лишь две цитаты:

Я объясню. Но пойми и меня, —
покланись мне раньше,
Что защитить пожелаешь меня
и рукою, и словом...²
(Илиада, пер. В. Вересаева)

Тщетно, к нему приближаясь,
его удержать мы стремимся
Словом иль силой. О нас, удаляясь,
он и думать не хочет,
Не обращает вниманья,
считает, что между богами
Властью и силою выше
он всех без всякого спора.
(Илиада, пер. В. Вересаева)

Отсюда возникает вопрос, каким образом слово увязывается с действием и каков механизм этого процесса? Мы полагаем, что в его основе лежит социальное управление коммуникационным процессом через разделение высказывания на истинное и ложное. При этом истинное высказывание побуждает к действию, ложное же ведет не только к отказу от действий, но и к наказанию за лже-свидетельство.

Если бы дело такое
внушал мне какой-либо смертный —
Жрец, иль пророк илионский,
или фимиамогадатель,

² Здесь и далее выделение наше. — Е. П.

Ложью почли бы мы то
и с презрением, верно б, отвергли.
(Илиада, пер. Н. Гнедича)

«Инструментами», обеспечивающими идентификацию высказывания, выступали свидетельствование участниками событий или коммуникационного акта или принесение заветительной клятвы.

Руки воздевши, усердно
молился богам Агамемнон:
«Зевс, наш родитель, на Иде царящий,
преславный, великий!
Солнце, — о ты, что по целой
вселенной все видишь и слышишь,
Реки, Земля и подземные боги,
которые страшно
Людям почившим отмщают,
коварно нарушившим клятву!
**Будьте свидетели нам,
охраняйте священные клятвы!**
(Илиада, пер. В. Вересаева)

Также и силу Приама
сюда приведите, чтоб клятвы
Сам он заверил
(его сыновья вероломны и наглы),
Чтобы никто дерзновенно
кронидовых клятв не нарушил.
(Илиада, пер. В. Вересаева)

Считалось, что истинность высказывания и соблюдение клятвы защищается богами. Так, согласно «Теогонии» Гесиода (текст цитируется по изданию [17]), этой функцией «заведовал» целый ряд богов:

И, наиболее горя
несущий мужам земнородным,
Орк, наказующий тех,
кто солжет добровольно при клятве.
Понт же Нерея родил,
ненавистника лжи, правдолюбца...
<...>
Первой тогда нерушимая
Стикс на Олимп поспешила
Вместе с двумя сыновьями,
совету отца повинуйся.
Щедро за это ее
одарил и почтил Громовержец:

Ей предназначил он быть
величайшею клятвой бессмертных...
(Теогония, пер. В. Вересаева)

За нарушение клятвы карались не только люди, но и боги. Гесиод подробно описывает, что ждет клятвopеступника на Олимпе:

Если, свершив той водой
возлияние, ложною клятвой
Кто из богов поклянется,
живущих на снежном Олимпе,
Тот бездыханным лежит
в продолжение целого года.
Не приближается к пище, —
к амвросии с нектаром сладким,
Но без дыханья и речи
лежит на разостланном ложе.
Сон непробудный, тяжелый
и злой, его душу объемлет.
Медленный год протечет, —
и болезнь прекращается эта.
(Теогония, пер. В. Вересаева)

И, наконец, отметим еще один важный аспект, связанный с наличием «певца», хранящего в памяти устные сочинения.

Много народу теснилось вокруг,
восхищаясь прелестным
Тем хороводом. Певец же
божественный пел под формингу...
(Илиада, пер. В. Вересаева)

Пел знаменитый певец,
и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахейан
из Трои возврате...
(Одиссея, пер. В. Жуковского)

Как мы видим, певец награждается эпитетами «божественный» и «знаменитый», что свидетельствует о его важности в греческом обществе.

Резюмируя наши наблюдения, укажем, что устная коммуникационная система, представленная в произведениях Гомера и Геосида, включала в себя две составляющих: во-первых, коммуникационную технологию в виде устной речи; во-вторых, институциональные формы ее социального использования в виде религиозных представлений об ответственности за

нарушение клятвы и ложное свидетельство-вание и профессиональной группы мнемонov или мнамонов, т. е. «чиновников-запоминателей» и сказителей — рапсодов и аэдов [13]. Не сложно увидеть локально-коммуникационный характер данной системы, ориентированной на диалог и личностные взаимоотношения (людей между собой, а также людей и богов).

И все же отсылку к письменности Гомер делает несколько раз. Первый раз — в сюжете, посвященном коринфскому герою Беллерофонту:

Но [Пройт] приказал ему [Беллерофонту]
ехать в Ликию и дал две дощечки,
Много погибельных знаков
внутри начертав смертоносных.
<...>
Стал он расспрашивать гостя [Беллерофонта],
и видеть ему пожелалось
Знаки, которые зять его
Пройт посылает в дощечках.
А получивши от гостя
злодейские зятевы знаки...
(Илиада, пер. В. Вересаева)

Получается, что царь Пройт (Прет) и его тесть (Иобат), к которому был послан Беллерофонт, владели письмом, однако, как видно из контекста, использовали его в «злом деле». Скорее всего, история с «погибельными дощечками» появилась на Древнем Востоке еще до Гомера, который просто пересказал ее, включив в миф про Беллерофонта. Сюжет примерно с такими же губительными письменами есть в «Гамлете». В любом случае дощечки с погибельными знаками изображены Гомером скорее как «колдовское зелье», нежели как подарок богов. Напомним, что по одному из мифов Прометей не только подарил людям огонь, но и научил их письму.

Второй раз отсылка к письменности встречается в сюжете бросания жребия и выбора Теламония (Аякса), который сразится с Гектором:

Бросьте-ка жребий теперь.
Которому выпадет жребий,
Выступит тот ...
<...>
Так произнес он. И каждый,
пометивши собственный жребий,

В шлем его бросил царя
 Агамемнона, сына Атрея.
 Войско же, руки к бессмертным
 богам воздевая, молилось...
 <...>
 ... Встряхнул
 ему данные жребии в шлеме
 Нестор, и вылетел жребий,
 которого все и желали...
 Знака никто не признал,
 отрекался от жребия каждый.
 <...>
 Кто этот жребий пометил
 и в шлем его бросил, — к Аяксу.
 К вестнику руку простер он,
 и вестник, приблизившись, подал.
 Жребий увидевши, знак свой
 узнал Теламоний, в восторге
 Под ноги бросил на землю
 его и вскричал аргивянам:
 «Мой это жребий, друзья!
 (Илиада, пер. В. Вересаева)

Таким образом, Гомер изображает своих героев не способными написать свое имя на жребии и прочесть чужое. И вот в этот древнегреческий мир приходит письменность. Каково было ее восприятие и последующее отражение в литературе? Отметим сразу: произведений, целиком посвященных письменности, нет, мы будем ориентироваться на отдельные сюжеты, из разных древнегреческих произведений.

Начнем наш анализ с тех сюжетов, которые иллюстрируют отношения греческих авторов к письменности в повседневной жизни греков. В комедии «Птицы» Аристофан устами своего героя называет письменные законы «писаниной», а герои, связанные с книгой и письмом, изображаются как комедийные. В другой комедии, «Облака», он изображает «мыслительницу», как гимназию, в которой обучение ведет сам Сократ. Несмотря на научно-образовательный характер «мыслительницы», среди ее учебного реквизита (астрономические и землемерные инструменты, географические карты) книги не фигурируют вовсе. По наблюдениям А.И. Доватура, у Аристофана и его современников место, где занимаются умственной деятельностью, не ассоциируется с представлениями о коллекции книг, о библиотеке [18].

Наиболее предметно отношения греков к письменности содержатся в сюжетах, которые касаются письменности в других странах, например, в трагедии Эсхила «Просительницы», написанной ориентировочно в 470–460 гг. до н. э. По сюжету дочери царя Даная, сопровождаемые им самим, бегут из Египта в Грецию, не желая вступать в брак со своими двоюродными братьями, сыновьями Египта. Спасаясь от преследования Египтиадов, Данаиды ищут убежище в Аргосе, родной земле своей прабабки Ио. Их принимает царь Аргоса Пеласг. Испытывая сострадания к девушкам, он обещает принять их, но предупреждает, что решение в Аргосе принимает не он, а народ, и передает их дело на рассмотрение народного собрания. Граждане Аргоса рассматривают просьбу Данаид и предоставляют им убежище. Какова логика принятия данного решения? Во-первых, за Египтиадами признается право женитьбы (текст цитируется по изданию [19]):

Сынам Египта право дал закон страны
 На вас жениться — кто перечить станет им?
 (Просительницы, пер. С. Анта)

В отличие от них, жители Аргоса обращаются к богам:

К вам я, хранители права, родимые боги, взываю!
 (Просительницы, пер. С. Анта)

И, боги выносят вердикт. Вот как описывает это Данай:

Своим единодушьем сердце старое
 Согрел мне Аргос. Разногласий не было.
 Взметнулись, рассекая воздух с присвистом,
 В одном порыве руки, и решил совет:
 Мы будем жить свободно в этом городе...
 <...>
 Решеньем этим речи мы обязаны
 Царя пеласгов. Он сказал, что городу
 Страшиться надо гнева покровителя
 Молящих Зевса, что, виной запятанный
 Двойною (ведь не просто гости — кровники
 Приюта просят), город попадет в беду.
 Не дожидаясь приглашенья, подняли
 Аргосцы руки после этих доводов.
 С доверьем принял речь витиеватую
 Народ Пеласга. Но решает дело Зевс.
 (Просительницы, пер. С. Анта)

Прибывший из Египта Глашатай пытается забрать Данаид на свой корабль, чтобы вернуть их на родину, однако Пеласг останавливает его, объявляя о принятом решении. При этом он подчеркивает, что оно незыблемо, потому что принято гражданами Аргоса, и противопоставляет его письменным решениям:

Решенье это, пошатнуть нельзя его.
Не высекали мы на плитах каменных,
Не заносили на листы папируса
Своих постановлений. Нет, свободное
Ты ясно слышишь слово: убирайся вон!

(Просительницы, пер. С. Анта)

Таким образом, письменность в трагедии Эсхила рассматривается как инструмент бюрократии и тирании и в определенной степени противопоставляется свободному волеизъявлению. В заключение трагедии Пеласг восклицает:

Здесь я и каждый гражданин. Ведь принято
Решенье это всеми. Силы нет сильней.

(Просительницы, пер. С. Анта)

В чем причины такого, скажем мягко, не простого отношения к письменному слову? Определенный свет на этот вопрос может пролить анализ сюжета из произведения Платона «Федр» [20]. Как известно, в нем Сократ (в его лице выступает сам Платон) беседует с частным собеседником Федром. В ходе беседы Сократ рассказывает историю о египетском боге Тевте (Тоте), который изобрел искусства, включая искусство письма, и показал их египетскому царю Тамусу. Царь спросил Тевта о пользе письма, и тот ответил, что искусство письма сделает египтян более мудрыми и памятьливыми. Однако Тамус возразил, что, по его мнению, письмо будет скорее вредить памяти и способствовать забывчивости, поскольку люди будут полагаться на посторонние душе знаки. Стало быть, письменность — это средство не для памяти, а для припоминания. При этом она дает ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Далее, в ходе дискуссии Платон развивает критику письменного сообщения и формулирует три ключевых недостатка или ограничения.

Во-первых, письменное сочинение не может отвечать на возникающие у читателя вопросы — оно всегда будет отвечать одно и то же. Во-вторых, письменное сообщение вращается повсюду, попадая в руки как тех, кто его понимает, так и тех, кто не имеет никакого отношения к излагаемым в нем предметам, причем оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем — нет. В-третьих, подвергнувшись «нападению», письменное сообщение не способно защититься или помочь себе, поскольку для помощи ему нужен его отец (автор).

Анализируя данные аргументы, не сложно заметить, что они касаются не столько письменного сочинения как такового, сколько его использования, иными словами, институциональности письменных коммуникаций. Очевидно, что в то время, когда жил Платон (429/427—347 гг. до н. э.), развитие писцового дела и книжной торговли постепенно трансформировали информационное пространство: произошло существенное территориальное и хронологическое расширение читательской аудитории. В этих условиях греческие авторы пусть интуитивно, через своих героев, но все же сопоставляли устную и письменную технологии. Несмотря на ограниченность устного слова при передаче информации во времени и пространстве, оно все же имело определенные институциональные инструменты, обеспечивающие доверие к сообщению, тогда как письменные технологии таковых инструментов обеспечения доверия к письму не имели. Отсюда, мы полагаем, и негативная коннотация греческими авторами письменности как технологии и ее, скажем так, показное игнорирование. Косвенным примером является изображение Одиссея хитроумным и безграмотным одновременно.

Изменение данной ситуации мы связываем с созданием специализированных институциональных форм, регламентировавших использование письменной технологии. К институтам письма мы относим библиотеки, архивы и канцелярии. В силу ограниченности объема статьи мы остановимся на библиотеках. В отличие от Древней Греции, на Древнем Востоке библиотеки, зачастую совмещенные с архивом, появились достаточно рано. В качестве иллюстрации укажем две из них: Библиотеку Рамсеса II, основанную при-

мерно 1300 лет до н. э. в г. Фивы, и Библиотека Ашшурбанипала, которая в VII в. до н. э. собиралась в течение 25 лет и насчитывала 25 тыс. глиняных табличек с клинописным текстом. Именно поэтому отношение к письму там принципиально отличалось от того, которое сложилось в Элладе.

Благодаря библиотеке на вопросы читателя начинает отвечать не одно, а несколько письменных произведений. На смену устному диалогу (его приверженцами выступали Сократ и Платон) стал приходиться «пассивный» диалог читателя со многими авторами, число которых постоянно росло. Библиотека взяла на себя и другие функции:

- ◆ библиографическое управление читательскими интересами (читателю предоставлялись произведения, наиболее полно соответствующие его интересам, уровню развития);

- ◆ цензуру, ограничивающую использование отдельных письменных сочинений;

- ◆ литературную критику, которая появилась благодаря библиотекам и заменяла читателю непосредственное общение с автором письменного сочинения.

Известно, что библиотеки и архивы появились в Древней Греции достаточно поздно. Одними из первых стали библиотечные собрания, собранные Еврипидом и Аристотелем. Платон, видимо, за это называл Аристотеля читателем [10, с. 15]. Впоследствии владельцем книг Аристотеля и Теофраста стал ученик последнего — Нелей из Скепсиса, который также считается собирателем школьной библиотеки. Существенно ситуация начинает меняться после создания в III в. до н. э. Александрийской библиотеки. Во времена правления Птолемея III (246/245—222/221 гг. до н. э.) в ней хранилось такое количество книг, которое ни один человек не был в состоянии прочитать [21, с. 225]. Примерно в то же время Каллимах составляет свои знаменитые библиографические таблицы. В конце III — начале II в. до н. э. возникает крупная библиотека в Пергаме, ставшая, по наблюдениям О.Ю. Климова, не только местом хранения книг, но и крупным научным центром [22, с. 183].

Эти новации практически сразу находят отражение в литературе. Так, античный поэт Менандр заявляет, что те, кто умеют читать, видят

вдвое больше [цит. по: 21, с. 222]. Появляются публичные чтения в качестве формы общественного досуга. Сохранились сведения о проведении таких чтений в III в. до н. э. в этолийском городе Ламия в честь поэтессы Аристодамы [23, р. 158]. Как мы видим, отношение к письменности в эпоху эллинизма постепенно начинает меняться в лучшую сторону.

Таким образом, письменная галактика возникла задолго до изобретения печатного станка. Конечно, она была локальной, неустойчивой и порой «теряла» существенные части своего пространства, однако, мы полагаем, что сам «письменно-галактический» феномен был создан библиотеками и службами библиографии. Это позволяет нам сформулировать, на уровне гипотезы, тезис о том, что сложности перехода от устного слова к письменному слову в Древней Греции отчасти были обусловлены отставанием институционализации письменных технологий, что и нашло отражение в древнегреческой литературе, пусть и в своеобразной форме.

Развивая данную гипотезу, отметим, что формирование письменной культуры имеет две стадии: изобретение коммуникационной технологии (устной речи, пиктографии, идеографической и фонетической письменности, печатного дела, электронных технологий и т. д.); институционализацию этой технологии, направленную на обеспечение доверия к ней.

Исходя из этого, а также в контексте документально-информационных представлений о социальных коммуникациях [24; 25], переход от устных коммуникаций к письменным включал в себя три этапа:

- ◆ изобретение технологии письменности;
- ◆ разработка и внедрение технологии относительно дешевого (массового) производства (глиняные таблички, папирус, восковые таблички и т. д.) и распространения письменных произведений (писцовые мастерские и книжные лавки);

- ◆ создание институциональных форм управления письменным пространством в виде библиотечного дела и библиографии.

Рассогласование в Древней Греции второго и третьего этапов данного процесса стало одной из причин «задержки» перехода от уст-

ного слова к письменному слову, что нашло отражение в древнегреческой литературе. Безусловно, данный тезис высказан в качестве гипотезы и нуждается в дальнейшей разработке, однако нам представляется, что его наличие существенно расширяет наши представления о вариативности развития письменности и литературы.

Список источников

1. *Видадь-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / пер. с фр. ; под ред. С. Карпюка. Москва : Ладомир, 2001. 419 с.
2. *Steiner D.* The Tyrant's Writ: Myths and Images of Writing in Ancient Greece. Princeton: Princeton University Press, 1994. 294 p.
3. *Powell B.B.* Why Was the Greek Alphabet Invented? The Epigraphical Evidence // *Classical Antiquity*. 1989. Vol. 8, № 2. P. 321–350.
4. *Thomas R.* Literacy and Orality Ancient Greece. Cambridge, 1992. 201 p.
5. *Sickinger J.* Literacy, Documents, and Archives in the Ancient Athenian Democracy // *The American Archivist*. 1994. Vol. 62, № 2. P. 229–246.
6. *Суриков И.Е.* Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX–VIII вв. до н. э.) // *Мнемон : исследования и публикации по истории античного мира*. 2014. № 14. С. 27–50.
7. *Карпюк С.Г.* Писцы афинской демократии // *Вестник древней истории*. 2009. № 1. С. 161–166.
8. *Строгецкий В.М.* Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе // *Мнемон : исследования и публикации по истории античного мира*. 2003. № 2. С. 135–152.
9. *Семеновкер Б.А.* Эволюция информационной деятельности : в 3-х ч. Москва : Пашков дом, 2009–2013.
10. *Аверинцев С.С.* Типология отношения к книге в культурах Древнего Востока, античности и раннего средневековья // *Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока : сб. ст.* Москва : Наука, 1978. С. 6–27.
11. *Суриков И.Е.* Афинские граждане архаической и классической эпохи как писцы // *Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2013. № 17. С. 181–204.
12. *Андреев Ю.В.* Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. 494 с.
13. *Карпюк С.Г.* Секретари-магистраты и/или писцы-профессионалы в Древней Греции // *Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2013. № 17. С. 171–180.
14. *Гомер.* Илиада / пер. В. Вересаева. Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1949. 551 с.
15. *Гомер.* Илиада / пер. Н.И. Гнедича ; ст. и примеч. А.И. Зайцева ; отв. ред. Я.М. Боровский. Ленинград : Наука, 1990. 576 с. (Серия «Литературные памятники»).
16. *Гомер.* Одиссея / пер. В.А. Жуковского ; ст. и примеч. В.Н. Ярхо ; отв. ред. М.Л. Гаспаров. Москва : Наука, 2000. 544 с. (Серия «Литературные памятники»).
17. *Гесиод.* Теогония / пер. В.В. Вересаева // *Гесиод. Полное собрание текстов*. Москва : Лабиринт, 2001. С. 20–50.
18. *Доватур А.И.* Платон об Аристотеле // *Вопросы античной литературы и классической филологии*. Москва : Наука, 1966. С. 137–145.
19. *Эсхил.* Просительницы // *Эсхил. Трагедии*. Москва : Искусство, 1978. С. 5–46.
20. *Платон.* Федр // *Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид*. Москва : Мысль, 1999. С. 135–191.
21. *Мангуэль А.* История чтения / пер. с англ. М. Юнгера. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. 381 с.
22. *Климов О.Ю.* Пергамская научная школа // *Мнемон : исследования и публикации по истории античного мира*. 2009. № 8. С. 175–198.
23. *Pauly A.* Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Suppl. III. Aachen bis ad Iuglandem, 1918. P. 158.
24. *Плешкевич Е.А.* Документальность как атрибутивное свойство документа // *Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы*. 2013. № 9. С. 1–7.
25. *Плешкевич Е.А.* Документ и документность в пространстве культуры // *Обсерватория культуры*. 2014. № 2. С. 118–123.

The Attitude of Ancient Greeks to Writing: A Mystery's Secret

Evgeny A. Pleshkevich

State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, 15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russia
E-mail: eap1966eap@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the problem of transition from oral to written culture in Ancient Greece. Most foreign and Russian researchers associate the duration and instability of this transition, firstly, with some features of power organization in the city-states, in which Greek citizens had to exercise their rights themselves — narrow specialization was condemned; and, secondly, with the anthropomorphic specificity of Greek culture. The article analyzes the use of oral and written communications in the major works of a number of ancient Greek writers: Homer (“Iliad”, “Odyssey”), Hesiod (“Theogony”), Aeschylus (“The Suppliants”), Aristophanes (“The Birds”), as well as in the philosophical works of Plato (“Phaedrus”).*

The article specifies that ancient Greek authors, despite the possession of writing, rely in their works on oral communications and on such forms of ensuring trust in oral communication as personal testimony, religious oath, reinforcing all this with a belief in potential religious punishment. As a result, the ancient Greek authors (in the absence of specially created institutional forms of trust) either ignore written communications or depict them as secondary. Therefore, this article aims to explain the distrustful attitude of the Greeks to writing at an early stage. The author proposes an original hypothesis, within the context of which this phenomenon is explained by inability of the institutional forms of trust, created for oral communication, to perform their function during the transition to written communications, which “hindered” the transition process. The author’s hypothesis is based on the theory of documentary information. The article concludes that the final transition to written communications was completed only after the creation of institutional forms of ensuring trust in written communications, in the form of archives and libraries.

Key words: history of writing, written culture, Ancient Greece, Homer, Hesiod, Greek civilization.

Citation: Pleshkevich E.A. The Attitude of Ancient Greeks to Writing: A Mystery's Secret, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 708—718. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-708-718.

References

1. Vidal-Naquet P. *Chernyi okhotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [The Black Hunter: Forms of Thought and Forms of Society in the Greek World]. Moscow, Ladomir Publ., 2001, 419 p.
2. Steiner D. *The Tyrant's Writ: Myths and Images of Writing in Ancient Greece*. Princeton, Princeton University Press, 1994, 294 p.
3. Powell B.B. Why Was the Greek Alphabet Invented? The Epigraphical Evidence, *Classical Antiquity*, 1989, vol. 8, no. 2, pp. 321—350.
4. Thomas R. *Literacy and Orality Ancient Greece*. Cambridge, 1992, 201 p.
5. Sickinger J. Literacy, Documents, and Archives in the Ancient Athenian Democracy, *The American Archivist*, 1994, vol. 62, no. 2, pp. 229—246.
6. Surikov I.E. The Archaic Period in Greece as a Historical Epoch: A Modern View. The First Half (9th—8th Centuries B.C.), *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Investigations and Publications on the History of Ancient World], 2014, no. 14, pp. 27—50 (in Russ.).
7. Karpyuk S.G. The Scribes of Athenian Democracy, *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 2009, no. 1, pp. 161—166 (in Russ.).
8. Strogetsky V.M. The Role of Information and the Problem of Communicative Relations in a Classical Polis, *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Investigations and Publications on the History of Ancient World], 2003, no. 2, pp. 135—152 (in Russ.).
9. Semenovker B.A. *Evolyutsiya informatsionnoi deyatel'nosti* [Evolution of Information Activities]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2009—2013.
10. Averintsev S.S. Typology of the Attitude to Books in the Cultures of the Ancient East, Antiquity and Early Middle Ages, *Antichnost' i antichnye traditsii v kul'ture i iskusstve narodov Sovetskogo Vostoka: sb. st.* [Antiquity and Ancient Traditions in the Culture

- and Art of the Peoples of the Soviet East: collected articles]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 6—27 (in Russ.).
11. Surikov I.E. Athenian Citizens of the Archaic and Classical Era as Scribes, *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"], 2013, no. 17, pp. 181—204 (in Russ.).
 12. Andreev Yu.V. *Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii XI—VIII vv. do n. e.* [The Homeric Society: The Basic Tendencies of the Social-Economical and Political Development of Greece in the 11th—8th Centuries BC]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004, 494 p.
 13. Karpyuk S.G. Secretaries-Magistrates and/or Professional Scribes in Ancient Greece, *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"], 2013, no. 17, pp. 171—180 (in Russ.).
 14. Homer. *Iliad*. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1949, 551 p. (in Russ.).
 15. Homer. *Iliad*. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 576 p. (in Russ.).
 16. Homer. *Odyssey*. Moscow, Nauka Publ., 2000, 544 p. (in Russ.).
 17. Hesiod. Theogony, *Gesiod. Polnoe sobranie tekstov* [Hesiod. Complete Texts]. Moscow, Labirint Publ., 2001, pp. 20—50 (in Russ.).
 18. Dovatur A.I. Plato on Aristotle, *Voprosy antichnoi literatury i klassicheskoi filologii* [Studies of Ancient Literature and Classical Philology]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 137—145 (in Russ.).
 19. Aeschylus. The Suppliants, *Eskhil. Tragedii* [Aeschylus. Tragedies]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, pp. 5—46 (in Russ.).
 20. Plato. Phaedrus, *Platon. Fedon, Pir, Fedr, Parmenid* [Plato. Phaedo. Symposium. Phaedrus. Parmenides]. Moscow, Mysl', 1999, pp. 135—191 (in Russ.).
 21. Manguel A. *Istoriya chteniya* [A History of Reading]. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2008, 381 p.
 22. Klimov O.Yu. The Scientific School in Hellenistic Pergamon, *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Investigations and Publications on the History of Ancient World], 2009, no. 8, pp. 175—198 (in Russ.).
 23. Pauly A. *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Suppl. III. Aachen bis ad Iuglandem*, 1918. P. 158.
 24. Pleshkevich E.A. Documentality as an Attribute Property of a Document, *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty* [Scientific and Technical Information. Series 1: Organization and Methodology of Information Work], 2013, no. 9, pp. 1—7 (in Russ.).
 25. Pleshkevich E.A. Documents and Documentality in the Space of Culture, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2014, no. 2, pp. 118—123 (in Russ.).

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИСКУССТВ (РГБИ)

представляет издания

Календарь к Году театра

Российская государственная библиотека искусств 2019. Год театра : календарь. Москва : РГБИ, Р-Мастер, 2018. 24 с.

К 220-летию А.С. Пушкина Российская государственная библиотека искусств издала календарь на 2019 г., объявленный Годом театра. В календаре представлены редкие работы из фондов библиотеки. Это эскизы костюмов известных театральных художников — О.С. Кручининой, В.А. и Р.А. Вольских, П.Д. Баженова, О.Н. Поликарповой — к спектаклям и фильмам по произведениям А.С. Пушкина.

Е.Ю. ЕНДОЛЬЦЕВА

ГРУППА РЕЛЬЕФОВ ИЗ ПОСЕЛКА МРАМБА (РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ): УТОЧНЕНИЕ ДАТИРОВКИ*

Екатерина Юрьевна Ендольцева,

Институт востоковедения Российской академии наук,
отдел сравнительного культуроведения,
старший научный сотрудник
Рождественка ул., д. 12, Москва, 107031, Россия

кандидат искусствоведения
Email: kendoltseva@ivran.ru

Реферат. Исследование посвящено проблеме передатировки группы памятников (резных известняковых плит), найденных в руинах церкви в поселке Мрамба (Республика Абхазия). Автор предлагает рассматривать Мрамбские рельефы в контексте искусства Абхазского царства (VIII—начала XI в.) как единую стилистическую группу. Этим обусловлена актуальность исследования: ранее эти памятники не трактовались как компактная стилистическая общность и датировались разным временем. Вкладом автора в разработку данной темы является уточнение датировки, атрибуция и соотнесение ряда памятников архитектурной пластики Абхазии с искусством периода Абхазского царства (и общевизантийским контекстом). Проанализированы и выявлены их стилистические и иконографические аналогии, что стало возможным только благодаря исследованиям последних 10 лет, когда многие средневековые памятники с территории Абхазии удалось соотнести именно с рассматриваемым периодом ее истории. В первую очередь речь идет о релье-

фах с изображениями зверей из церкви св. Феодора на горе Анакопия и о плите с Сухумской горы с изображением быка и льва у креста. Показано, что Анакопийские резные плиты с зооморфными мотивами можно датировать первой половиной XI в. (прежде всего потому, что рельеф с изображением быка и льва был выполнен одновременно со строительной надписью, в которой упоминается византийский император Константин IX Мономах). Ряд стилистических аналогий с памятниками территориально более отдаленных регионов Византийской империи также указывает на период X—XI веков. Автор приходит к выводу о том, что стилистический и иконографический анализ резных известняковых блоков из церкви в Мрамбе позволяет видеть в них стилистически гомогенную группу, которую, вероятнее всего, можно датировать XI веком.

Ключевые слова: рельеф, архитектурная пластика, зооморфные образы, Мрамба, Анакопия, павлины, лев, бык, крест.

Для цитирования: Ендольцева Е.Ю. Группа рельефов из поселка Мрамба (Республика Абхазия): уточнение датировки // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 719–728. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-719-728.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-00319 «Взаимодействие традиционных и монотеистических религий на Кавказе в памятниках материальной культуры».

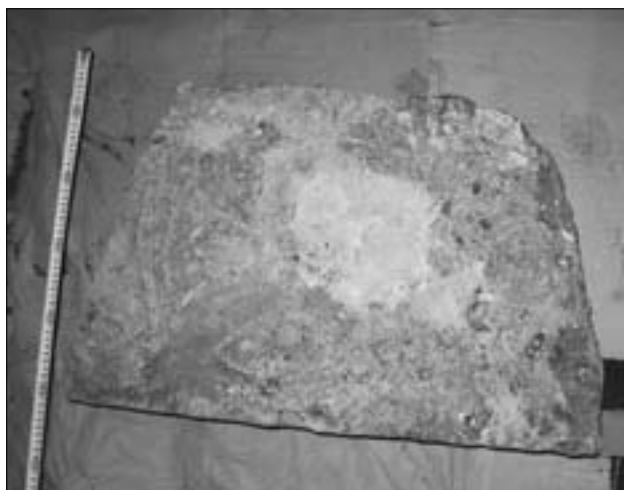

Рис. 1. Плита из собрания хранилища бывшего Государственного Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия. Фотография автора

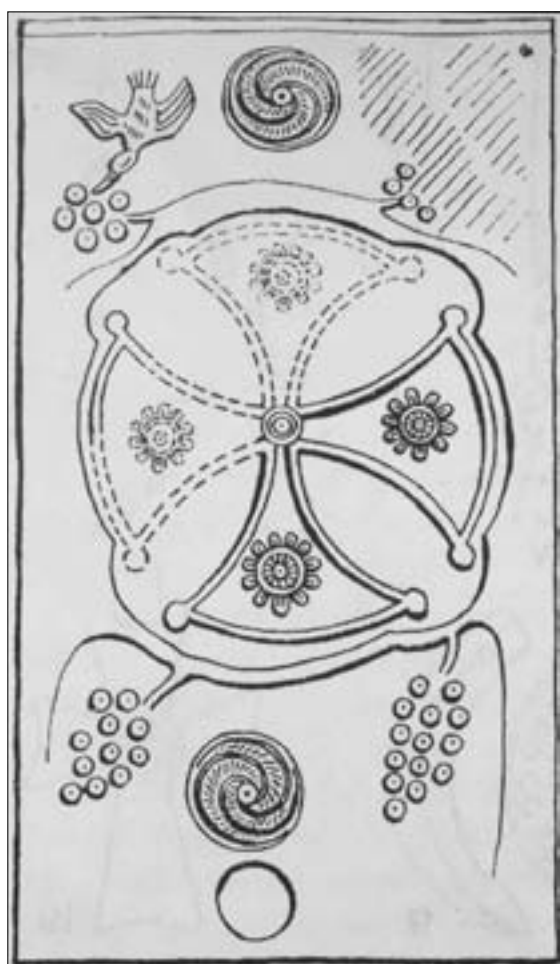

Рис. 2. Прорисовка плиты из собрания хранилища бывшего Государственного Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия [2, с. 103, рис. 40]

Многолетнее научное сотрудничество с археологами из Абхазии, в частности с Г.А. Сангулией¹, позволило автору познакомиться с археологическим материалом хранилища Государственного Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия. Туда долгое время поступали артефакты, обнаруженные в результате раскопок в различных районах Абхазии, которыми руководили археологи, состоявшие в штате Управления. После реконструкции Абхазского государственного музея в 2010–2012 гг. часть его экспонатов была передана в это же хранилище.

В фокусе данного исследования — анализ рельефа, происходящего из поселка Мрамба в окрестностях Цебельдинской долины. Изображение вырезано на известняковой плите (75 × 47 × 17 см) трапециевидной формы (рис. 1). В центре композиции показан равноконечный крест, который можно вписать в условный круг (рис. 2), с расширяющимися к концам перекладинами. На углах перекладин — орнаментальные выпуклые кружки небольшого диаметра. Рукава креста были украшены по центру многолепестковыми розетками цветочного типа (две из них сохранились, оставшиеся две — реконструируются). Крест обрамлен изображением виноградной лозы с гроздьями. Следует заметить, что все изображения очень условны и схематичны. Виноградины показаны небольшими по размеру, они имеют овальную форму и плоскую поверхность. В правом верхнем углу плиты показана подлетающая к кресту птица, которая клюет гроздь винограда. Птица также изображена достаточно схематично: у нее продолговатый клюв, оперение на крыльях передано при помощи длинных параллельных линий, на спинке — коротких косых насечек. Глаз обозначен полукруглым штрихом. Одна из двух вихревых розеток, которые, судя по прорисовкам, опубликованным Л.Г. Хрушковой [1, табл. XIX, 1]

¹ Автор выражает благодарность Г.А. Сангулии, который возглавлял Государственное Управление охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия до включения этого учреждения в 2014 г. в состав Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия Абхазии.

и Ю.Н. Вороновым [2, с. 103, рис. 40], располагались по обе стороны от креста, сохранилась в той же части композиции, что и птица. В своем нынешнем состоянии плита оказалась расколота на несколько фрагментов, утеряны ее левый и правый верхние углы. Поверхность плиты значительно повреждена: верхняя и правая перекладины креста с цветочнообразными розетками внутри практически стерлись, вихревая розетка с левой стороны креста утеряна. Вторая вихревая розетка (с правой стороны креста) сохранилась достаточно хорошо.

ИСТОРИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАМЯТНИКА

Упомянутый артефакт был обнаружен в процессе археологических изысканий 1960–1971 гг. под руководством Ю.Н. Воронова, В.С. Орелкина, А.А. Салтыкова, наряду с несколькими другими резными плитами:

- ♦ плиты с изображением креста похожей формы в круге (рис. 3, см. также [1, табл. XIX, 3]);
- ♦ плиты с четырехлепестковой розеткой в прямоугольном обрамлении (рис. 4, см. также [1, табл. XXII, 1]);
- ♦ плиты с двумя птицами, клюющими виноград (рис. 5, см. также [3, с. 76, рис. 1]).

Находки были сделаны на месте некогда разрушенной и позже восстановленной церкви в поселке Мрамба [2, с. 431]. Упоминание о церкви в Мрамбе впервые появляется в научной литературе в 1923 г. в связи с тем, что «были найдены местным крестьянином несколько могильных плит при “чудесных” обстоятельствах» [4, с. 161]. В.И. Стражев говорит о том, что храм в Мрамбе был восстановлен [4, с. 161] в 1920-х гг. греками-переселенцами [2, с. 431]. В процессе этих восстановительных работ вышеупомянутые рельефы использовались в качестве споллий (лат. *spolia* — фрагмент (декора), вторично использованный в более позднее время без учета своего прежнего назначения. — Е. Е.), поэтому установить их связь со слоем определенной эпохи, к сожалению, не представлялось возможным.

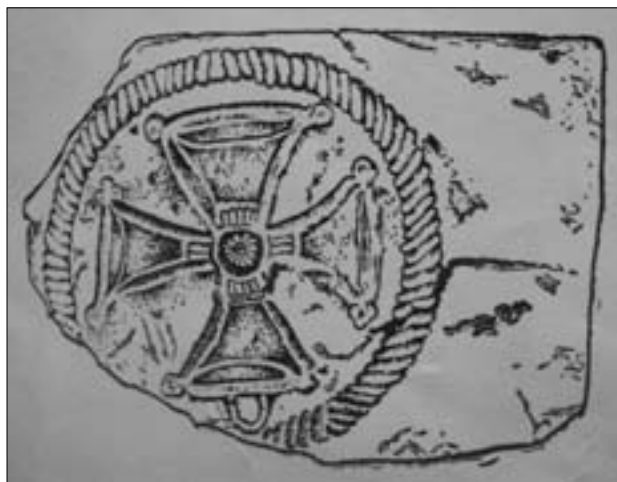

Рис. 3. Крест в круге. Прорисовка плиты [1, табл. XIX, 3]

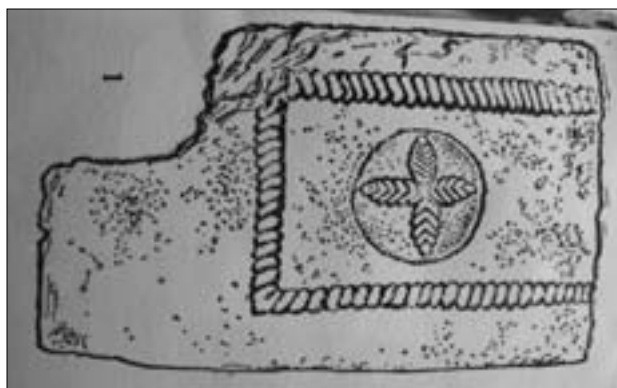

Рис. 4. Четырехлепестковая розетка в прямоугольном обрамлении. Прорисовка плиты [1, табл. XXII, 1]

Рис. 5. Плита с изображением двух птиц. Фотография автора

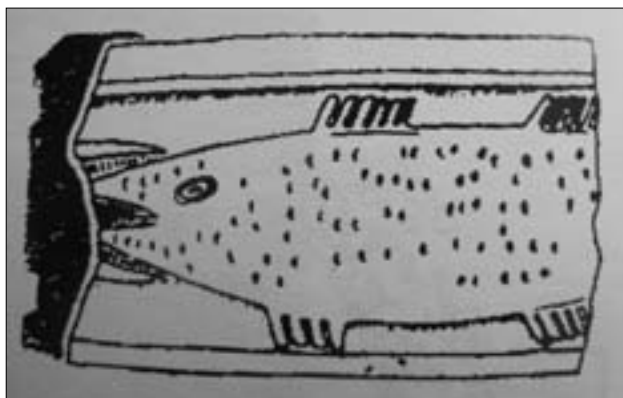

Рис. 6. Прорисовка плиты с изображением рыб [5, с. 33, табл. XXVI, 3]

В ходе раскопок 1981–1982 гг. Цебельдинской археологической экспедицией на этом месте были обнаружены следы раннехристианской однонефной базилики с выступающей апсидой (пятигранной снаружи и подковообразной внутри). Там же и тогда же были найдены рельеф с изображением рыб (рис. 6, см. также [5, с. 33, табл. XXVI, 3]), оконное навершие и антефикс с изображением креста. Именно с этим зданием Ю.Н. Воронов соотносит найденные в 1960–1971 гг. памятники: два рельефа с изображениями крестов; плиту с изображением креста и винограда с птицей; плиту с изображением птиц, а также вновь найденный рельеф с рыбами. В процессе археологических исследований 1981–1982 гг. выяснилось также, что между XI и XIV вв. раннехристианская церковь была восстановлена из руин [2, с. 431].

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Согласно предположению Л.Г. Хрушковой, резные плиты и фрагменты, происходящие из церкви в Мрамбе, были собраны на этом месте позднее и соотнести их можно с двумя или тремя различными храмами [1, с. 32]. Однако в изображениях на этих артефактах прослеживается значительная стилистическая близость. Например, крест на первой плите (с виноградной лозой, вих-

ревой розеткой и птицей) по форме похож на крест в круге со второй плиты. В обоих случаях присутствуют идентичные орнаментальные мотивы: цветочнообразные розетки (в центре перекладин креста — в первом случае и в средокрестии — во втором); выпуклые круги небольшого диаметра (в обоих случаях — на углах расширяющихся от центра перекладин равноконечных крестов). Кроме того, жгут в форме круга, обрамляющий крест на второй плите, выполнен в той же технике, что и четырехлепестковая розетка и ее прямоугольная орнаментальная рамка на третьей плите. В обоих случаях орнамент типа «витой жгут» выполнен короткими диагональными насечками в характерном плоском рельефе.

Оперение двух птиц, пьющих из чаши, изображенных на плите из Абхазского государственного музея (вероятно, павлинов, судя по хохолкам из трех перьев на голове каждой) по технике исполнения напоминает оперение птицы на первой плите с крестом и вихревыми розетками, клюющей виноград. В двух этих случаях мы видим диагональные параллельные насечки на крыльях. Идентичны на обеих плитах трактовки удлиненного клюва и глаз (они показаны симметричными полукруглыми штрихами). И в одном, и в другом случае художественный образ создается за счет простых технических средств (параллельные и симметричные насечки разной длины), характеризующих простой графический стиль.

К тому же, и это также отмечала Л.Г. Хрушкова [1, с. 32], вышеперечисленные рельефы из Мрамбы похожи по стилю и технике исполнения на некоторые рельефы с зооморфными изображениями с горы Анакопия. Например, плита с изображением рыбы с двумя кипарисами из Анакопии (рис. 7, см. также [6, с. 119, илл. 3]) практически идентична изображению рыбы на плите из Мрамбы [7, с. 176, илл. 5]. К сожалению, настоящее местонахождение этой плиты неизвестно, ее можно анализировать лишь по рисунку, опубликованному Ю.Н. Вороновым и О.Х. Бгажба в 1985 г. [5, с. 33, табл. XXVI, 3]. В обоих случаях рыбы имеют по два коротких плавника с каждой стороны тела, их чешуя показана точками, образованными небольшими углублениями на поверхности изображения.

Кроме того, крест на плите из хранилища *Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия* напоминает крест на утерянной плите из Анакопии с быком, львом и надписью (рис. 8, см. также [6, с. 115, илл. 1]), с той лишь разницей, что на плите из Анакопии крест орнаментирован еще более упрощенно и схематично. Вместо цветочнообразных розеток внутри каждой перекладины есть только небольшие высверленные отверстия-точки, декоративные кружки на углах перекладин креста отсутствуют. Вихревые розетки на плите со львом из Анакопии (рис. 9) идентичны тем, что показаны на плите из хранилища *Управления охраны историко-культурного наследия* [6, с. 117, илл. 2]: центр в виде декоративного кружка, три лопасти, украшенные короткими диагональными насечками).

К этим двум группам памятников примыкает и рельеф с Сухумской горы с изображением креста с быком и львом (рис. 10), ныне хранящийся в Абхазском государственном музее [1, табл. XVIII, 2]. На этом рельефе также показан равноконечный крест с перекладинами, расширяющимися от средокрестия. Здесь есть даже, как и на первой (с крестом, птицей и виноградной лозой), и на второй (с крестом в круглом обрамлении типа «витой жгут») плитах из Мрамбы подобие цветочнообразных розеток, размещенных по центру перекладин креста в первом случае и в средокрестии — во втором. Правда, на плите с Сухумской горы «розетки» имеют еще более упрощенную форму и больше походят на четырехлепестковый бутон цветка. Этот мотив помещен на плите с Сухумской горы не на кресте, а на гладком фоне, между крестом и головой льва.

Изображения, сходные с рассмотренными выше по стилю и иконографии, встречаются также на капители, найденной А.А. Миллером в алтаре небольшой, поздней по времени строительства церкви, обнаруженной на территории крепости Цибил² [8, с. 81, рис. 6; 1, табл. XXIII, 1]. На этой ка-

Рис. 7. Плита с изображением рыбы и кипарисов из Анакопии. Фотография автора

Рис. 8. Прорисовка плиты с изображением быка и льва у креста с надписью [6, с. 115, илл. 1]

Рис. 9. Плита из Анакопии с изображением льва и двух вихревых розеток. Фотография автора

² О современном местонахождении памятника сведений нет, он известен только по публикации А.А. Миллера.

Рис. 10. Плита с Сухумской горы с изображением быка и льва у креста [1, табл. XVIII, 2]

пители можно видеть равноконечный крест в круге и букранию (орнаментальная эмблема в виде бычьей головы. — Е. Е.). Оба мотива достаточно широко распространены в средневековой храмовой пластике Северного Причерноморья и Закавказья [9].

ДАТИРОВКА

Одну из версий, касающихся времени исполнения этих стилистически близких изображений, предложила в ряде своих работ Л.Г. Хрушкова. В одной из ранних статей, где анализируется рельеф с изображением павлинов у чаши [3], исследовательница резонно замечает, что этот мотив распространен как в раннехристианском искусстве, так и в средневековом. Однако Л.Г. Хрушкова не считает, что плиты из Мрамбы происходят из одной церкви, не отмечает стилистическую близость изображений на

них, не видит общих черт в технике исполнения.

Рассуждая о возможном времени исполнения рельефа с птицами, исследовательница предлагает говорить о VII–IX вв., ссылаясь на «семантику изображений, особенности исполнения и приведенные аналогии» [3, с. 82]. В более позднем обобщающем труде, посвященном скульптуре раннесредневековой Абхазии, автор склоняется в пользу еще более ранней датировки: VI–VII вв., хотя оговаривается, что «грубость исполнения... затрудняет определение даты» [1, с. 35]. В том же исследовании она замечает, что подобные изображения птиц часто встречаются в средневековом искусстве на протяжении всего периода его существования, а в фольклоре этот мотив присутствует вплоть до наших дней. Действительно, рассматривая технику исполнения птиц на рельефах из Мрамбы и из хранилища *Управления охраны историко-культурного наследия*, а также иконографические особенности этих изображений (упрощенный схематичный рисунок и композиция), мы находим ряд аналогий им в каменной пластике периода Высокого Средневековья: на территории как Византийской империи, так и регионов, находящихся под ее прямым влиянием.

Среди этих аналогий нельзя не упомянуть, например, двух павлинов, высеченных на известняковых плитах (Беотия, 872 г.), из церкви св. Георгия в Фебе [10, pl. XLIII, 3, 4]. Похожим образом выполнены и павлины на плите из Беотии [10, pl. XLIII, 3]. С изображением двух птиц на плите из Мрамбы их сближают хохолки из трех перьев на голове и обозначение оперенья схематичными параллельными насечками. Кроме того, птицы показаны в профиль. Есть также сходство с рельефами из Мрамбы в манере изображения двух птиц на рельефах внешней апсидной стены церкви Скрипу (873–874 гг.) в Беотии [10, pl. XL, 1–3]. Аналогичным образом выполнена и птица на погребальной плите XI в. из Преспы [11, p. 64, pl. XXXVI a]. Она, как и две птицы из Мрамбы, имеет крючковатый удлинённый клюв и лапы с когтями. Крылья, как и в предыдущих случаях, обозначены резкими параллельными линиями. Интересно, что на саркофаге из Софийского собора в Киеве XI в. [11, pl. LVII b] также имеется птица, выполненная в вышеописанной схематично-графической манере. Идентичным

образом представлены птицы на рельефах XI в. с Афинской агоры [11, р. 104, pl. LXXX a]. На капители из церкви Панагия Эпископи (XI в.) на Санторине [12, taf. 54, 305] две птицы композиционно близки к пернатым Мрамбских рельефов.

Л.Г. Хрушкова предлагает датировать плиты с крестами из Мрамбы VI веком. Исследовательница указывает на их иконографические аналогии только раннехристианского времени [1, с. 33], однако недоумевает по поводу присутствия на «раннехристианских изображениях» вихревых розеток. По ее словам, они встречаются в христианской пластике не раньше VIII в. [3, с. 81]. В последней по времени работе Л.Г. Хрушкова, забывая об отмеченных выше противоречиях, относит все рельефы из Мрамбы к VI в., считая их работой местных мастеров [13, р. 86].

Резная капитель, найденная неподалеку от Мрамбы в средневековой церкви крепости Цибил и известная по публикации А.А. Миллера, также датирована Л.Г. Хрушковой VI в. [1, с. 37]. Основанием для датировки послужило то, что в ходе раскопок 1977 г. исследовательница обнаружила под фундаментом храма более раннюю постройку, но этот аргумент не представляется достаточно убедительным. Точно также может быть поставлена под сомнение и гипотеза Ю.Н. Воронова, выработанная в ходе раскопок 1981–1982 гг., когда на месте церкви в Мрамбе была обнаружена более ранняя постройка (предположительно VI в.), с которой ученый связывал рельефы с «раннехристианской символикой». Исследователь сам отмечал, что эта раннехристианская церковь, судя по всему, была восстановлена между XI и XIV вв. [2, с. 431].

Необходимо обратить внимание на то, что ни один из рассмотренных выше мотивов (равноконечные кресты, птиц, рыбу, букранию, виноградную лозу) нельзя считать исключительно раннехристианским. Каждый из них бытовал в искусстве достаточно долгое время, на протяжении различных периодов, от раннехристианского до средневекового [6, с. 101–142].

Другое важное соображение определяется несомненной стилистической близостью между резными плитами из Мрамбы и некоторыми из Анакопийских рельефов. Напомню о ре-

льефах с рыбами, о двух плитах с крестами, о наличниках со львом и быком у креста с надписью и со львом с двумя вихревыми розетками, а также о плите с Сухумской горы с быком и львом у подножия креста. Интересно также определенное сходство в обстоятельствах обнаружения рельефов из Мрамбы и с Анакопийской горы: отсутствие четкого археологического контекста, ведь обе лапидарные коллекции (собрания рельефов. — Е. Е.) были собраны в конце XIX — начале XX в. на месте древних церквей, переживших разные периоды возобновлений.

Недавние исследования Анакопийских рельефов (иконографический и стилистический анализ, исторический и палеографический контекст) показали, что, поскольку надпись на рельефе с быком и львом у креста выполнена одновременно с изображением, а не в разное время, как это предполагалось [1, с. 26–32], то они могут считаться произведениями средневековых мастеров XI в. [6, с. 87–209]. Учитывая отмеченное стилистическое и иконографическое сходство памятников, эта датировка представляется наиболее подходящей и для резных плит из Мрамбы. Данной гипотезе не противоречит ни один из ранее упомянутых фактов. Наоборот, изображения, подобные рассмотренным выше, как уже было показано, достаточно распространены в эпоху Средневековья, особенно в X–XI веках. Наличие под фундаментом церкви из Мрамбы остатков более древнего раннехристианского здания не означает, что анализируемые рельефы украшали именно его: они могли быть изготовлены и при археологически зафиксированном возобновлении этой церкви в XI–XIV веках.

В случае, если предложенная датировка верна, рельефы из Мрамбы, Анакопии и с Сухумской горы составляют особую группу архитектурных украшений внутри такого художественного явления, как искусство Абхазского царства [14]. Об этом неоднократно упоминалось в разных контекстах [15]. «Памятники этой группы, изображения на которых в целом... схематичны и примитивны как по технике исполнения, так и по композиции... стилистически близки памятникам X–XI вв., происходящим из других регионов Византийской империи (Каппадокия, Малая Азия, Гре-

ция), а также с территорий, находившихся в то время под ее непосредственным культурным влиянием (Киевская Русь)» [16, с. 304]. Публикации 2017 г. [17; 18] также подкрепляют выводы автора данной статьи.

Список источников

1. Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X века. Тбилиси : Мецниереба, 1980. 126 с.
2. Воронов Ю.Н. Научные труды : в 7 т. Т. III. Тайна Цебельдинской долины. Древняя Аpsилия. Сухум : Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, 2010, 468 с.
3. Хрушкова Л.Г. Рельефная плита с изображением птиц из Цебельды // Советская археология. 1977. № 1. С. 75–83.
4. Стражев В.И. Руинная Абхазия // Известия Абхазского научного общества. Вып. 1. Сухум, 1925. С. 131–169.
5. Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Исследования средневековых памятников в Цебельде // Археологические открытия 1981–1982 гг. в Абхазии : [сб. ст.]. Тбилиси : Мецниереба, 1985. С. 27–35.
6. Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / отв. ред. и сост. Е.Ю. Ендольцева. Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2011. 272 с. (Серия ArchaeologiaVaria).
7. Ендольцева Е.Ю. Изображение рыбы в фасадной пластике Абхазского царства: символика образа // Проблемы археологии Кавказа : (к 70-летию Ю.Н. Воронова) : сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум : АБИГИ им. Д.И. Гулиа, 2011. С. 170–178.
8. Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 33. Санкт-Петербург : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1909. С. 71–102.
9. Ендольцева Е.Ю. Синкретические образы в архитектурной пластике южного Кавказа в период Средневековья: Бычья голова // Актуальные проблемы теории и истории искусства = Actual problems of theory and history of art : VII Международная конференция, Санкт-Петербург, 11–15 октября 2016 г. : тезисы докладов. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2016. С. 63–64.
10. Grabar A. Sculptures byzantines de Constantinople (IV–X siècle). Paris : Maisonneuve, 1963. 139 p.
11. Grabar A. Sculptures byzantines du Moyen Age. II. (XI–XIV siècle). Paris : A. Et J. Picard, 1976. 166 p.
12. Dennert M. Mittelbyzantinische Kapitelle. Studien zu Typologie und Chronologie. Bonn : Habelt, 1997. 232 S.
13. Khroushkova L. Les monuments chretiens de la cote orientale de la mer Noire. Abkhazie IV–XIV siecles. Turnhout : Brepols Publishers, 2006. 340 p. (Bibliotheque de l'Antiquite Tardive 9).
14. Ендольцева Е.Ю. Особенности формирования художественной культуры Абхазского царства и ее взаимодействие с Византией (на примере архитектурной пластики) // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 9: Национальная культура в транснациональном пространстве / отв. ред. Ю.В. Любимов ; сост. С.В. Прожогина. Москва : ИВ РАН, 2018. С. 37–54.
15. Ендольцева Е.Ю. Некоторые особенности искусства Абхазского царства VIII–XI веков на примере архитектурной пластики [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы теории и истории искусства : тезисы докладов VIII Международной конф., Москва, 2–6 октября 2018 г. / под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. Санкт-Петербург : НП-Принт, 2018. С. 160–163. URL: https://actual-art.spbu.ru/images/2018/AA_thesis2018.pdf (дата обращения: 17.12.2018).
16. Ендольцева Е.Ю. Храм Лашкендар и абхазо-аланские культурные контакты: перспективы исследования // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 3. С. 298–308. DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-3-298-308.
17. Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian sculpture. Tbilisi : Cezanne printing house, 2017. 375 p.
18. Ендольцева Е.Ю. Об одном рельефе из хранилища бывшего Государственного Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия // Археология средневекового храма : материалы Международной науч. конф., посвященной 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича, Херсонес, 25–29 сентября 2017 г. / ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь : ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический»,

2017. C. 21–24.

A Group of Reliefs from the Village of Mramba (Republic of Abkhazia): Refinement of the Dating

Ekaterina Yu. Endoltseva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russia

Email: kendoltseva@ivran.ru

Abstract. *The research is dedicated to the problem of dating refinement for a group of monuments (carved limestone blocks) discovered in church ruins in the village of Mramba (Republic of Abkhazia). The author suggests to consider the reliefs from the Mramba church as a single stylistic group within the context of the art of the Abkhazian Kingdom (8th – 11th centuries). This explains the relevance of the study: previously, these monuments were not treated as a compact stylistic unity and were dated to different times. The author's contribution to development of this topic is the dating refinement, attribution and correlation of a number of architectural monuments of Abkhazia with the art of the period of the Abkhazian Kingdom (and the General Byzantine context). Their stylistic and iconographic parallels are analyzed and revealed, which became possible only due to the researches of the last 10 years when many medieval monuments from the territory of Abkhazia had been correlated with the period under consideration. First of all, the article deals with the reliefs with zoomorphic images from the church of saint Theodor on Anacopia Mountain and the relief with a bull and a lion near the cross on Sukhum Mountain. Recent studies prove that the reliefs from Anacopia Mountain (those with zoomorphic images) may be dated to the 11th century. This conclusion comes from the fact that the bull and lion relief near the cross was made simultaneously with the inscription on it. The inscription on the relief mentions the Byzantine Emperor Constantine IX Monomachos. Numerous stylistic analogies from geographically more remote regions of the Byzantine Empire also refer to the 10th – 11th centuries. Thus, the author concludes that the stylistic and iconographic analysis of the carved limestone blocks from the Mramba church allows to consider them as a stylistically homogenous group that may be dated to the 11th century.*

Key words: relief, architectural decoration, zoomorphic images, Mramba, Anacopia, peacock, lion, bull, cross.

Citation: Endoltseva E.Yu. A Group of Reliefs from the Village of Mramba (Republic of Abkhazia): Refinement of the Dating, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 719–728. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-719-728.

Acknowledgements.

This article is written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-012-00319 “Interaction of Traditional and Monotheistic Religions in the Caucasus in Monuments of Material Culture”.

References

1. Khrushkova L.G. *Skul'ptura rannesrednevekovoi Abkhazii V–X veka* [Sculpture of the Early Medieval Abkhazia of the 5th–10th Century]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1980, 126 p.
2. Voronov Yu.N. *Nauchnye trudy: v 7 t. T. III. Taina Tsebel'dinskoi doliny. Drevnyaya Apsiliya* [Scientific Works: in 7 volumes. Volume III. The Mystery of the Tsebel'da Valley. Ancient Apsilia]. Sukhum, Abkhazskii Institut Gumanitarnykh Issledovaniy ANA Publ., 2010, 468 p.
3. Khrushkova L.G. Relief Slab with the Image of Birds from Tsebel'da, *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1977, no. 1, pp. 75–83 (in Russ.).
4. Strazhev V.I. Abkhazia of Ruins, *Izvestiya Abkhazskogo nauchnogo obshchestva* [News of the Abkhazian Scientific Society], issue 1. Sukhum, 1925, pp. 131–169 (in Russ.).
5. Voronov Yu.N., Bgazhba O.Kh. Studies of Medieval Monuments in Tsebel'da, *Arkheologicheskie otkrytiya 1981–1982 gg. v Abkhazii* [Archaeological Discoveries of 1981–1982 in Abkhazia]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1985, pp. 27–35 (in Russ.).
6. Endoltseva E.Yu. (ed.) *Iskusstvo Abkhazskogo tsarstva VIII–XI vekov. Khristianskie pamyatniki Anakopiiskoi kreposti* [The Art of the Abkhazian Kingdom of the 8th–11th Centuries: Christian Monuments of the Anacopian Fortress]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2011, 272 p.
7. Endoltseva E.Yu. The Image of Fish in the Facade Decoration of the Abkhazian Kingdom: Symbolism of the Image, *Problemy arkheologii Kavkaza: (k 70-letiyu Yu.N. Voronova)*: *sbornik materialov Mezhdunarod-*

- noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu Yu.N. Voronova (10–11 maya 2011 g., g. Sukhum)* [Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Yu.N. Voronov “The Problems of Archeology of the Caucasus” (May 10–11, 2011, Sukhum)]. Sukhum, AbIGI im. D.I. Gulia Publ., 2011, pp. 170–178 (in Russ.).
8. Miller A.A. Explorations on the Black Sea Coast of the Caucasus in 1907, *Izvestiya Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission], issue 33. St. Petersburg, V.F. Kirshbauma Publ., 1909, pp. 71–102 (in Russ.).
 9. Endoltseva E.Yu. Syncretic Images in the Architectural Decoration of the south Caucasus in the Medieval Period: Bull’s Head, *Aktual’nye problemy teorii i istorii iskusstva: VII Mezhdunarodnaya konferentsiya Sankt-Peterburg, 11–15 oktyabrya 2016 g.: tezisy dokladov* [Actual Problems of Theory and History of Art: The 7th International Conference (St. Petersburg, October 11–15, 2016): conference abstracts]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskogo Universiteta Publ., 2016, pp. 63–64 (in Russ.).
 10. Grabar A. *Sculptures Byzantines de Constantinople (IV–X Siècle)*. Paris, Maisonneuve Publ., 1963, 139 p.
 11. Grabar A. *Sculptures Byzantines du Moyen Âge. II. (XI–XIV Siècle)*. Paris, A. et J. Picard Publ., 1976, 166 p.
 12. Dennert M. *Mittelbyzantinische Kapitelle. Studien zu Typologie und Chronologie*. Bonn, Habelt Publ., 1997, 232 p.
 13. Khroushkova L. *Les Monuments Chrétiens de la Côte Orientale de la Mer Noire. Abkhazie IV–XIV Siècles*. Turnhout, Brepols Publishers, 2006, 340 p. (Bibliothèque de l’Antiquité Tardive 9).
 14. Endoltseva E.Yu. Particularities of Formation of the Abkhazian Kingdom’s Artistic Culture and its Contacts with Byzantium (On the Example of Architectural Decoration), *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vyp. 9: Natsional’naya kul’tura v transnatsional’nom prostranstve* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Issue 9: National Culture in Transnational Space]. Moscow, IV RAN Publ., 2018, pp. 37–54 (in Russ.).
 15. Endoltseva E.Yu. Some Particularities of the Abkhazian Kingdom’s Art of the 8th–11th Centuries on the Example of Architectural Decoration, *Aktual’nye problemy teorii i istorii iskusstva: tezisy dokladov VIII Mezhdunarodnoi konf., Moskva, 2–6 oktyabrya 2018 g.* [Actual Problems of Theory and History of Art: Abstracts of the 8th International Conference (Moscow, October 2–6, 2018)]. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2018, pp. 160–163. Available at: https://actual-art.spbu.ru/images/2018/AA_thesis2018.pdf (accessed 17.12.2018) (in Russ.).
 16. Endoltseva E.Yu. The Lashkendar Church and the Alan-Abkhazian Cultural Contacts: Prospects of Studying, *Observatoriya kul’tury* [Observatory of Culture], 2018, vol. 15, no. 3, pp. 298–308 (in Russ.). DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-3-298-308.
 17. Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. *Medieval Georgian Sculpture*. Tbilisi, Cezanne Printing House, 2017, 375 p.
 18. Endoltseva E.Yu. About One Relief from the Storage of the Former State Department for Protection of the Cultural Heritage of the Republic of Abkhazia, *Arkheologiya srednevekovogo khrama: materialy Mezhdunarodnoi nauch. konf., posvyashchennoi 170-letiyu K.K. Kostsyushko-Valyuzhinicha, Khersones, 25–29 sentyabrya 2017 g.* [Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 170th Anniversary of K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich “Archaeology of Medieval Church” (Chersonesus, September 25–29, 2017)]. Sevastopol, FGBUK GIAMZ “Khersones Tavricheskii” Publ., 2017, pp. 21–24 (in Russ.).

Приносим извинения

Редакция сообщает, что при предыдущей публикации статьи Е.Ю. Ендольцевой была допущена опечатка в указании номера проекта. Информацию в примечании на с. 298 (2018. Т. 15, № 3) следует читать следующим образом:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-00319.

Информацию на стр. 307 следует читать следующим образом:

Acknowledgements. This article is written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-012-00319.

Е.С. ТРИФИЛОВА

TERRA INCOGNITA ОТЕЧЕСТВЕННОГО КНИГОВЕДЕНИЯ: К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ СЕВЕР»

Елена Сергеевна Трифилова,

Российская государственная библиотека,
отдел рукописей,
главный архивист
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия
E-mail: estrifilova@gmail.com

Реферат. Понятие «Русский Север» активно используется в СМИ и научной литературе. При этом мало кто задумывается над его значением. В области книговедения неопределенность представления о территории Русского Севера затрудняет отбор материала для исследования книжной культуры данного региона. Анализ практики использования концепта показывает, что проблема возникла еще в XIX в., когда исследователи по-разному определяли территорию Русского Севера. В большинстве случаев они руководствовались выводами исторической науки, относящей к этому региону все земли, когда-либо и как-либо связанные с Новгородской республикой. Стереотип, сформировавшийся почти 200 лет назад, бытует и по сей день. Однако данные, полученные в результате археологических и исторических исследований, проведенных в течение последних 50 лет, ставят под сомнение правомочность существования новгородской парадигмы.

В этнографии, данные которой стали активно использоваться в книговедческих исследованиях во второй половине XX в., также нет единого мнения по поводу территориального состава Русского Севера. Попытки совместить его границы с границами ареалов распространения севернорусских диалектов и комплекса традиционной севернорусской бытовой культуры показали неэффективность метода в современных условиях. Появившиеся на рубеже XX–XXI вв. культурологические теории, с одной стороны, предложили новые аспекты исследования Русского Севера, а с другой – вывели его в область абстракции, фактически лишив географических привязок. Поскольку на сегодняшний день тема о локализации Русского Севера в книговедении остается открытой, цель настоящего исследования – попытаться систематизировать и проанализировать накопленную информацию. В результате поставлены вопросы о необходимости дальнейшего сохранения стереотипа, о правомочности причисления к Русскому Северу территорий, не имеющих к нему отношения с точки зрения географии, или имеющих условное отношение с точки зрения истории, о корректности применения топонимической формы концепта к Северу Европейской части России без учета Севера Сибири. Наконец, некоторая корректировка была предпринята в отношении

авторства термина «Русский Север», которое традиционно приписывается архангельскому гражданскому губернатору А.П. Энгельгардту.

Ключевые слова: Русский Север, книговедение, археография, этнография, Север Европейской части России, А.П. Энгельгардт.

Для цитирования: Трифилова Е.С. Terra incognita отечественного книговедения: к вопросу о применении и локализации концепта «Русский Север» // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 729–739. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-729-739.

Сложно не согласиться с утверждением, что «Русский Север — один из самых изученных и едва ли не самый неизведанный из регионов России» [1, с. 5–6], особенно если учесть активное применение концепта как в СМИ, так и в науке. Но «используя понятие “Русский Север”, исследователи редко задумываются над его возникновением и значением...» [2, с. 6]. Причину этого явления культурологи видят в трансформации, которую претерпело географическое понятие «Русский Север», превратившись в «макрорегиональный топоним... за которым... стоит мощный культурно-ландшафтный регион Русский Север» [3, с. 217]. В таком случае возникает вопрос о целесообразности определения границ «Русского Севера». Безусловно, не будучи локализованным, это понятие открывает простор для теоретизирования. Но как быть исследователям, для которых Русский Север является конкретным, а не абстрактным объектом изучения? Процесс отбора материала неизбежно приведет к вопросу о границах зоны исследования.

Для книговедения эта проблема приобретает особую актуальность в связи с развивающейся тенденцией к изучению региональной книжной культуры, а Русский Север вполне может выступать в качестве объекта исследований на макрорегиональном уровне. Книжные и документные памятники какой территории следует или возможно определить как севернорусские? Что такое «Русский Север» и насколько правомочно в книговедении употребление топонимической формы этого понятия? Рассмотрение

этих вопросов и является целью статьи. В рамках нашего небольшого обзора мы не будем касаться понятия «Поморье», которое часто употребляется наряду с концептом «Русский Север» или отождествляется с ним. Эта тема не менее актуальна и требует отдельного рассмотрения.

Большинство исследователей стараются обходить стороной вопросы локализации, акцентируя внимание на палеографических и текстологических особенностях памятника, несмотря на то, что еще в 1972 г., основоположник библиогеографии Н.Н. Розов говорил о необходимости определения сначала места, а затем времени происхождения памятника. В рамках книговедения проблема локализации «Русского Севера» специально не разрабатывалась, да и сам концепт стал применяться книговедами сравнительно недавно, в конце 1970-х годов. Ранее применялась либо этнографическая форма — «русский Север», либо формы, близкие по смыслу: «Север», «Север Европейской части России», «Российский Север», «Север России», «Северные губернии». Попробуем проанализировать практику применения этого понятия в книговедении, для того чтобы выявить основные тенденции в его трактовке, определить их истоки и, рассмотрев их, предложить вариант локализации.

Понятие «Русский Север» или его аналоги применяется археографами с XIX века. П.М. Строев, предлагая в 1823 г. проект масштабной археографической экспедиции по Европейской России, первый «Северный» этап планировал посвятить изучению книгохранилищ Новгородской, Санкт-Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Вятской и частично Пермской губерний. Первоочередность работы в этом направлении он объяснял большим количеством старообрядцев в данном регионе, которые «...занесли с собою (в дальний Север) великое число всяких рукописей...» [4, с. 68]. Кроме того, эти территории меньше всего пострадали от «...нашествия врагов и сопряженному с тем опустошению и пожарам...» [4, с. 152]. На самом деле, за первый год работы экспедиции были обследованы хранилища на пространстве «от Онежской губы до верхней Пинеги, от Архангельска до Тотьмы, от Тотьмы до пределов зырянских...» [4, с. 196].

Спустя 40 лет археографические работы в северном направлении продолжил А.Е. Вик-

торов. В 1890 г. были опубликованы «Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России», к которым, судя по содержанию, были отнесены Архангельская, Вологодская, Тверская, Олонецкая, Нижегородская и Рязанская губернии. Надо заметить, что в архиве А.Е. Викторова рукописи под таким названием не нашлось. Зато обнаружился черновик, на обложке которого рукой Алексея Егоровича была сделана надпись: «Описи Северн. [«северн.» зачеркнуто] Моност. б–къ» [5, л. 10]. География этой рукописи значительно шире, нежели представлено в издании. В ней собраны описания собраний печатных и рукописных книг, находившихся на территории Тверской, Нижегородской, Воронежской, Владимирской, Рязанской, Московской и других губерний. Из комментариев к «Описям» следует, что в течение 1876 г. А.Е. Викторовым были описаны «... библиотеки: Архангельской семинарии, Антониева-Сийского и Соловецкого монастырей, а также Холмогорского собора и Прилуцкого монастыря» [5, л. 3]. С сообщением об этих собраниях ученый выступил на заседании Археографической комиссии 20 июня 1877 года. Комиссия постановила напечатать их краткие описания в следующем томе. Но этого не произошло.

Описания, поступившие в Археографическую комиссию после смерти А.Е. Викторова вместе с другими его бумагами разбирались и готовились к изданию Д.П. Лебедевым, хранителем рукописей Московского Публичного и Румянцевского Музеев. Скорее всего, именно при публикации по непонятным причинам была нарушена хронология и география археографических поездок. Сложно также сказать, почему перечисленные территории были объединены под именем «Северная Россия», в предисловии к каталогу никаких комментариев по этому поводу нет.

В 1903 г. по поручению Отделения русского языка и словесности Российской Императорской академии наук В.И. Срезневским был предпринят ряд археографических экспедиций в Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую и Пермскую губернии, в ходе которых была собрана коллекция рукописей, составивших «Северное собрание» (вошедшее позднее в состав Основного) Библиотеки Академии

Наук (БАН) [6]. Интересно, что в 1927 г., поступившие в НИОР БАН рукописи из упраздненных общественных организаций и учебных заведений Архангельска (Древлехранилище, Дом книги им. М.В. Ломоносова — ныне Архангельская областная научная библиотека им. Н.А. Добролюбова, Семинария, Миссионерская библиотека), и монастырей Архангельской губернии (Антониево-Сийского, Николо-Корельского, Соловецкого и Красногорского Богородицкого) были объединены в самостоятельное «Архангельское собрание», которое существует параллельно с «Северным».

Серия археографических экспедиций на Север, начатых В.И. Малышевым в 1930-е гг. и продолженная после Великой Отечественной войны, подразумевала обследование территорий по р. Печоре, с целью сбора «...устных преданий о протопопе Аввакуме» [7, с. 247]. В маршрут экспедиции были включены города Архангельск, Нарьян-Мар, Вологда, Киров, Великий Устюг, Сольвычегодск и села Яренск, Ижма, Усть-Цильма, Оксина, Усть-Вымь, которые относятся к современным Архангельской, Вологодской и Кировской областям, Республике Коми и Ненецкому автономному округу.

Открывшееся в Вологде в 1969 г. Северное отделение Археографической комиссии, возглавленное профессором П.А. Колесниковым, объявило приоритетным направлением своей деятельности «...сбор, публикацию и передачу на хранение в архивы... документов по истории Европейского Севера нашей страны...», территория которого была определена в границах «... Архангельской и Вологодской областей и Коми АССР» [8, с. 1]. Но уже в обзоре рукописных памятников в музейных собраниях Европейского Севера в его состав оказалась включена Вятка (Кировская область).

В 1975 г. в монографии М.В. Кукушкиной, впервые в рамках книговедения, нам встретилось понятие «Русский Север» в топонимической форме. В монографии границы исследования не были оговорены автором, так как это было сделано ранее, в статье «Пути создания рукописных собраний в северных монастырях (Соловецком, Антониево-Сийском, Николо-Корельском, Александрово-Свирском) в XVI—XVII вв.» (1972), где главным принципом отбора материала стала его принадлежность

к «...северу или крайнему северу западноевропейской части России, а также... к одной епархии — Архангельской (Соловецкий, Антониево-Сийский, Николо-Корельский) или смежной с ней — Олонецкой (Александров-Свирский)». Иными словами, под «Русским Севером» в данном случае следует понимать территории Архангельской и Олонецкой губерний [9]. Но уже в обзоре рукописных фондов БАН СССР (1988), к северным районам автором были добавлены Вологодская и Кировская области.

В 2000-х гг. популярность концепта стремительно выросла. Появился ряд предложений воспринимать понятие как культурологическую категорию, существующую на стыке географии и гуманитарных наук, в частности этнографии. В 2012 г. профессором факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова Владимиром Николаевичем Калуцковым была разработана теория геоконцептов как новых объектов географических исследований, где под геоконцептом подразумевается «любое значимое для определенно-го человеческого сообщества место, обладающее устойчивым образом». Фундаментальным свойством геоконцепта является его способность к «ретерриторизации» (к смене территориального прикрепления). В рамках этой теории автор выделил особый подвид геоконцептов, названных «экстерриториальными», т. е. не соотносящимися с конкретной территорией. К ним было предложено отнести «Русский Север» [1, с. 27–36].

Сложно сказать, насколько велико оказалось влияние культурологических теорий на книговедение, но общая тенденция была поддержана рядом исследователей. В 2008 г. вышел каталог «Лицевые апокалипсисы Русского Севера», в предисловии к которому авторы определяют состав «Русского Севера» территориями бассейнов рек Северная Двина, Мезень, Пинега, Печора, побережьями Онежского озера и Белого моря [10, с. 5]. Однако в самом каталоге география представленных рукописей значительно отличается. Из 11 только три содержат записи о бытовании на Севере Европейской части России. Остальные памятники были получены в дар или приобретены в букинистических магазинах г. Ленинграда, Горьковской

области и даже в Рудном Алтае. Основания, по которым рукописи были определены как севернорусские, составители каталога не указали.

С 2014 г. вновь наблюдаются изменения в локализации Русского Севера книговедами. Основной зоной обследования археографическими экспедициями Института русской литературы (Пушкинского дома) — ИРЛИ РАН была названа Архангельская область (преимущественно Поморье) и северо-западная часть Кировской области. В данном случае включение Кировской области в состав Русского Севера было обусловлено наличием в ней поселений старообрядцев поморского согласия [11, с. 222].

Итак, на сегодняшний день книговедение вряд ли может продемонстрировать единство мнений о местоположении Русского Севера. Поэтому представление о территориальном составе этого «региона» книговедение предпочитает заимствовать из двух смежных наук, связанных между собой — этнографии и истории. Но дело в том, что в обеих вопрос локализации Русского Севера остается нерешенным по сей день.

Как объект исследования Русский Север привлекал внимание этнографов-любителей еще с конца XVIII века. Территория их интересов была ограничена, как правило, Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниями. В XX в. с началом становления профессиональной этнографии ситуация изменилась. Уже к 1964 г. были проведены масштабные этнографические исследования, в результате которых русский этнос Европейской части России был разделен на три историко-культурные зоны: северную, южную и среднюю. К 1973 г. в этнографии сформировалось представление, о Русском Севере, как «территории, на которой распространен комплекс севернорусской традиционной бытовой культуры, по своей географической конфигурации весьма сходной с зоной севернорусских диалектов», т. е. «максимально объемно: русские местности Карелии и Коми края, Архангельская, Вологодская обл., а также прилегающие к ним районы С.-Петербурга, Новгородской, Тверской, Пермской и Вятской обл.» [12, с. 8].

Но уже в 1986 г. К.В. Чистов озвучил результаты независимых исследований, проведенных учеными-этнографами и этносоциологами:

«...границы расселения отдельных этносов (этнические территории), ареалы отдельных языков, отдельных комплексов или тем более элементов культуры... как правило, не совпадают» [13, с. 3]. В 1992 г. Т.А. Бернштам и К.В. Чистов, отмечали, «что ареальная или локальная дифференциация трех этнографических зон изучена... слабо и неравномерно» [13, с. 4]. Хуже всего поддавались разделению средняя и северная зоны. Поэтому более четкое зональное разграничение при «современном состоянии изучения Русского Севера <...> пока неосуществимо» [14, с. 10]. Положение усугублялось «почти непрерывной миграцией населения, исчезновением старых и формированием новых внутрорегиональных и локальных связей, многообразием этнических компонентов...» и т. д. В 1995 г. сотрудниками отдела этнографии восточнославянских народов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ РАН, создан в 1987 г.), было взято направление на изучение локальных групп, в первую очередь Двино-Важского бассейна «точнее ... по административному делению на 1991 г. территория ареала распределялась между районами Архангельской и Вологодской областей» [13, с. 5]. На сегодняшний день работа продолжается.

То же самое касается и исторической науки, к которой часто апеллируют этнографы, относя к Русскому Северу земли, которые «...с исторической точки зрения не могут быть отделены от севернорусского региона; северо-восточные районы быв. С-Петербургской губернии, а также бывшие Новгородская и Тверская губернии, северная часть Костромской губернии». Эта точка зрения во многом обусловлена стереотипом, который прочно проник в общественное сознание, о «монолитности Севера как заповедника древнерусской — “новгородской” культуры...» [14, с. 4] Почему-то считается, что Великому Новгороду принадлежит исключительная роль в освоении Русского Севера. На этом основании само понятие «Русский Север» транслируется на все территории, когда-либо и в какой-либо форме связанные с вечевой республикой. Как правило, это современные Архангельская, Вологодская, Мурманская, Пермская, Кировская, Новгородская, Псковская, Ленинградская области, Республика Карелия и Ненецкий автономный округ (НАО).

Данные стереотипы сформировались достаточно давно. Истоки их, надо полагать, скрываются в недрах антинорманнского направления отечественной историографии, инициатором которого был М.В. Ломоносов. В 1784 г. архангельский историк, член-корреспондент Академии наук В.В. Крестинин в своем труде, посвященном начальной истории Двинской земли, утверждал, что «владение Великоновгородских Славян над сею землею продолжалось более 600 лет, в языческие и Христианские веки» и закончилось в 1464 г., падением «вольного города», после которого Двинская земля вошла в состав централизованного государства [15, с. 2, 10]. Той же версии придерживался и другой архангельский исследователь XVIII в. Козма Молчанов. При этом ни тот, ни другой не считали двинскую землю частью Новгородской республики и даже гипотетически не пытались уравнивать права колонии и метрополии. Напротив, В.В. Крестинин учел все известные ему из источников попытки двинян выйти из-под власти Великого Новгорода, и охарактеризовал вхождение Двинской земли в состав централизованного государства как в высшей степени прогрессивное явление.

В XIX — начале XX в. в историографии произошло смещение акцентов в сторону идеализации «демократических» начал в политическом и административном устройстве вечевой республики. Эту точку зрения отстаивали историки, в большей или меньшей степени разделявшие идеи славянофильства, народничества и т. п. (И.Д. Беляев, С.Ф. Платонов, в некоторой степени М.М. Богословский, а впоследствии А.М. Гневушев, Н.Ф. Яницкий, М.Н. Покровский, В.Н. Бернадский и др.). Соответственно падение Великого Новгорода рассматривалось ими как катастрофа, в которой погибла не только вечевая республика, а вместе с ней все надежды на возможность демократического развития древнерусского государства в целом, но и, по выражению Н.И. Костомарова, «отдельная северная народность» [16, с. 235]. В советский период эта концепция была подавлена, но уже в 1990-е гг. вновь реанимирована, вероятно, на волне политических событий, в частности, в работе Р.Г. Скрынникова «Трагедия Новгорода».

Несмотря на притягательность и эмоциональность «новгородской парадигмы» с точ-

ки зрения общественного сознания, с научной стороны она имеет ряд серьезных изъянов, наличие которых отмечали В.О. Ключевский, А.И. Никитский, М.К. Любавский, М.М. Богословский, С.Ф. Платонов, Н.И. Костомаров и многие другие. Первая и основная проблема — крайне слабая источниковая база по домосковскому периоду Русского Севера. По выражению С.Ф. Платонова, «...от этих древнейших времен не сохранилось почти никаких документов, ибо время и Москва их истребили» [17, с. 7]. Вторая проблема, является, на наш взгляд, прямым следствием первой. Отсутствие информации по административному, политическому и хозяйственному устройству северного региона в домосковский период было либо замещено сведениями из источников XVI—XVII вв., либо восстановлено на гипотетическом уровне, по аналогии с устройством самого Великого Новгорода. В качестве примера можно привести вывод С.Ф. Платонова о первоначальном заселении «русского Севера славянским племенем... из Великого Новгорода...» несмотря на то что «историческая наука не располагает точными данными о том, когда и как началось это заселение...» [17, с. 16].

Существует и еще одна проблема, причины которой не совсем понятны. Территории, определяемые историками как северные владения Новгородской республики, часто представляются зоной сплошного покрытия. Так, один из самых авторитетных исследователей севера Европейской России профессор М.М. Богословский писал: «Поморскими городами», Поморьем... назывались местности на севере Европейской части России по берегам Белого моря, по Онежскому озеру и рекам Онеге, Северной Двине, Мезени, Печоре и Каме с Вяткою. Весь этот обширный край принадлежал некогда Великому Новгороду» [18, с. 1].

Это представление, существующее по сей день, не совсем соответствует действительности. Историкам XIX в. — начала XX в. было хорошо известно о существовании в двинской земле наряду с новгородскими «боярщинами» так называемых «ростовщин». При этом максимальная концентрация новгородских владений в двинской земле приходилась на дельту Северной Двины. В XX в. археологи подтвердили и уточнили эти данные, зафиксировав в этих

районах наличие поселений сезонного характера. То есть изначально новгородцев привлекали только «...промысловые районы Северного Поморья (южное побережье Белого моря, низовья Северной Двины и прибрежная кромка Канинской и Большеземельской тундр с выходом по этой полосе суши до низовьев р. Обь)» [19, с. 8]. Те районы Двино-Важского бассейна, которые платили в XII в. дань Новгороду, немногочисленны и четко фиксированы в Уставе князя Святослава Ольговича (1137). Активизация Новгородцев на северном направлении, согласно исследованиям В.Н. Бернадского, относится к XIV—XV векам. На это же время приходится обострение конфликта между Великим Новгородом, Ростовом и Москвой, сопровождающееся военными действиями, сведения о которых сохранились в летописях.

Безусловно, документальных свидетельств о Новгородском землевладении на Севере сохранилось больше всего, практически все они опубликованы («Грамоты Великого Новгорода и Пскова») и известны ученым. Сведений о Московском и Ростовском землевладении значительно меньше. Территории Москвы, в частности, зафиксированы в так называемых списках Двинских земель, некоторые пункты которых отмечены как объекты успешных притязаний Великого Новгорода. Во многих случаях неподвластность или формальная подвластность той или иной территории Великому Новгороду имеет лишь косвенные доказательства. Например, знаменитое Сийское Евангелие, написанное, согласно имеющейся в кодексе записи, в Москве в 1339—1340 гг., было дано вкладом в Богородицкий монастырь на Двине, фактически находившемся на территории, подчиненной Великому Новгороду. С.М. Кашатанов и Л.В. Столярова считают, что это — политическая акция, спланированная московским князем Иваном Даниловичем Калитой с целью заручиться поддержкой Двинской земли в условиях обострившихся отношений между Московским и Тверским княжествами [20]. Следует согласиться, что проводить эту акцию можно было только с одобрения «сюзерена» Двинской земли, т. е. Великого Новгорода, или предположить, что «сюзерен» таковым не являлся.

К сожалению, на сегодняшний день историческая наука не располагает данными о коли-

честве и процентном соотношении Новгородского, Ростово-Суздальского и Московского землевладений на Севере. Но хочется заметить, что даже при минимальном соотношении «боярщин», «ростовщин» и московских владений в этом регионе, разговор об исключительной роли Новгорода в «освоении» Русского Севера теряет актуальность.

В связи с этим не менее интересным кажется вопрос о правомочности включения в состав Русского Севера территорий современных Кировской и Пермской областей, расположенных в бассейнах рек Камы и Вятки, не имеющих с точки зрения географии никакого отношения к Северу. Однако в истории территории этих двух областей часто ассоциируются с летописной Пермью Великой. А она, в свою очередь, у ряда исследователей (Ф.И. Страленберг, М.В. Ломоносов, Н.В. Татищев, К.С. Молчанов, Н.М. Карамзин и др.) отождествляется с легендарной Биармией скандинавских саг. «Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская Губернии», — писал Н.М. Карамзин в начале XIX века. На сегодняшний день эту версию вряд ли можно считать обоснованной.

Еще в конце XIX в. исследователи отмечали, что в исторических источниках присутствует «неопределенность и сбивчивость в употреблении слова “Пермь”, то без всяких определений, то с прибавлением “Великая”, “Малая”, “Старая”» [21, с. 6]. Современные исследователи также забывают, что в истории России было две Перми — Пермь Вычегодская и Пермь Великая. По справедливому замечанию П.А. Корчагина, первая летописная Пермь — это Пермь Вычегодская, просвещать которую отправился в 1383 г. [21, с. 21] епископ Стефан Храп, будущий святитель Стефан Пермский. Ее местоположение достаточно подробно описано в Житии подвижника. Автор, Епифаний Премудрый, утверждает, что эту землю «обходят» четыре реки: Вымь, Вычегда, Вятка и Кама. Последняя — «убобходящая и проходящая всю Землю Пермскую сквозь ню...». Тот же, кто хочет попасть в Пермь, должен «шествовать... от града Устюга рекою Вычегдою вверх дондеже внидет в самую Пермь». Среди языческих народов, которые «...обседают живущи в суседех

около ея...» [Перми] названа «...Пермь Великая глаголемая Чюсовая...» (л. 135)¹ (р. Чусовая — один из правых притоков Камы). С XVI—XVII вв., по мнению П.А. Корчагина, топонимы стали постепенно «утрачивать реальную соотнесенность с конкретными российскими административно-территориальными образованиями...». Впоследствии, когда на Урале оформилось деление на уезды, Пермь Великую составили Чердынский, Соликамский и Кайгородский уезды, а Пермь Вычегодская оказалась разделена между Яренским и Усть-Сысольским уездом [21, с. 11].

С точки зрения современной экономики, статистики и географии, Кировская и Пермская области имеют лишь несколько точек соприкосновения с Севером Европейской части России. Согласно спискам Федеральной службы государственной статистики, опубликованным на официальном сайте организации, к районам Крайнего Севера в составе Коми-Пермяцкого округа Пермского края отнесены только три административные единицы: Гайнский, Косинский и Кочёвский районы. Кировская область в эти списки не включена. Безусловно, через эти территории издавна пролегают торговые пути. Но в настоящий момент сложно сказать, насколько правомочно включение транзитных земель в территориальное ядро Русского Севера.

Присоединение Кировской и Пермской областей в состав Русского Севера как районов концентрации старообрядческих общин поморского толка (что часто наблюдается в книговедческой литературе), также не имеет, на наш взгляд, достаточных доводов. Отношение этих общин к территориям вокруг реки Выг номинально. По сути, их объединяет только идея, а ее трактовка и отражение в объектах материальной культуры несет в себе мощный пласт местных традиций и культурных особенностей. Кроме того, Кама и Вятка — далеко не единственные места поселений старообрядцев-помор-

¹ Житие Стефана архиепископа Пермского // Сборник Житий. Перв. пол. XVII в. 269 л. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 247 (Рог.). № 593. Лл. 125–265. Мы приводим цитаты по одному из поздних списков «Жития...», имеющему некоторые расхождения с текстом, опубликованным Г.М. Прохоровым по списку Государственного исторического музея. Синодальное собрание. № 993.

цев. Их общины есть в Поволжье, Прибалтике и далеко за рубежами России.

То же касается и территорий Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. С точки зрения географии эти объекты относятся к северо-западу России. В историческом аспекте города Псков и Великий Новгород, крупные экономические и культурные центры, находившиеся в центре политических событий, при постоянном контакте с Западной Европой, так как оба являлись участниками Ганзейского союза, обладали статусом вечевых республик. Говорить об их духовных и культурных связях с отдаленными северными колониями Великого Новгорода, находившимися от него преимущественно в даннической зависимости, и одновременно являвшимися сырьевой базой и яблоком раздора для трех крупных государственных образований, вряд ли возможно.

Учитывая все эти исторические нюансы, возникает вопрос о дальнейшей необходимости настаивать на «монолитности» Русского Севера в территориальном и культурном отношении с Великим Новгородом, Ростовом или Москвой до 1478 года? По сути, объединяющим фактором для разрозненных в политическом отношении северных земель стало их включение в состав централизованного государства. Благодаря этому событию постепенно определился их территориальный, административный и экономический статус. С этого времени начался многовековой процесс оформления севернорусского типа культуры. Удаленное географическое положение, природные условия, род хозяйственной деятельности жителей, малонаселенность огромной территории, особое социальное положение (значительный процент черносошного, а в дальнейшем государственного крестьянства) и множество иных факторов не могли не отразиться на образе мыслей и объектах материальной культуры, что так «восхищало» профессиональных исследователей и любителей старины в XIX–XX веках. Вполне вероятно, что «наследник» великоновгородских вольностей и традиций, именуемый сегодня «Русский Север» и не имеющий территории, существует только в общественном воображении. В конце концов, если внимательно ознакомиться с историей происхождения само-

го понятия, может оказаться что для его «переосмысления» не так уж много оснований.

Считается, что автором топонима Русский Север является архангельский губернатор Александр Платонович Энгельгардт, опубликовавший в 1897 г. путевые заметки о своей рабочей поездке по Архангельской губернии. «РУССКИЙ СЕВЕР: путевые записки» — заголовок на обложке издания, а текст самой книги начинается словами: «При первом, даже поверхностном, знакомстве с местными условиями и нуждами *русского Севера, составляющего Архангельскую губернию...*» [22, с. 1]. Ни в тексте, ни в заголовке нет ни малейшего намека на топонимическую форму. То же самое касается и издания труда М.М. Богословского «Земское самоуправление на русском Севере», границы которого М.М. Богословский определял в соответствии с «Новгородской парадигмой». Как уже было сказано выше, именно эта точка зрения приобрела большее количество сторонников. Топонимическая форма Русский Север появилась чуть позже, в 1909 г. на обложке и в тексте первого выпуска журнала «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера». Но при этом следует отметить, что в журнале, который выходил с 1909 по 1919 г., помимо статей, посвященных северу Европейской части России, публиковалось значительное количество материалов о Сибири как территории, связанной с Архангельском торговыми отношениями и близкими природными и географическими условиями. И в этом случае под Русским Севером следовало понимать весь Север Европейской части России и Север Сибири. В таком контексте употребление топонимической формы выглядело вполне оправданным, так как речь шла о территориях, освоенных русским этносом и включенных в состав Российской империи, которые сейчас все чаще именуются «Российским севером». В любом случае, под понятиями «Русский Север», «Российский Север», «Север Европейской части России» подразумеваются конкретные территории, обладающие границами, определенными в процессе физико-географического, а затем экономического районирования.

Безусловно, в современных реалиях невозможно проводить исследования, игнорируя опыт смежных отраслей науки. Но и увлече-

ние абстракциями с пренебрежением мелкими, казалось бы несущественными деталями может привести к ошибочным выводам и к заведомому искажению исторической картины, что, собственно, и происходит с «Русским Севером». Воспринимая его как нечто в крайней степени сакральное и символичное, мы забываем, что по справедливому замечанию Ю.В. Линника, «Русский Север — совсем не утопия: это место, которое есть...» [23].

Список источников

1. *Калуцков В.Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения : учебное пособие. Москва : Изд-во Московского ун-та, 2000. 94 с.
2. *Жеребцов И.Л., Журавлев П.С., Шабаетов Ю.П.* «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрОРАН. Вып. 71. Сыктывкар : Изд-во Коми науч. центр УрО РАН, 2012. С. 6–28.
3. *Соловьева А.Н.* «Русский Север»: смысловые горизонты этничности в культурном пространстве // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика : сб. науч. статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. Архангельск, 2011. С. 212–221.
4. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. Санкт-Петербург : Тип. В.С. Балашева, 1878. 668 с.
5. *Викторов А.Е.* Описи монастырских библиотек // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 51. К. 5. Ед. хр. 34.
6. *Дмитриев Л.А., Копанев А.И.* Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. XVII. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. С. 531–544.
7. *Мальшев В.И.* Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. IV. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1940. С. 247–253.
8. Материалы по истории Европейского Севера СССР: Сев. Археогр. сб. Вып. 1. Труды вологодской научной конференции по историографии и источниковедению. Декабрь 1969. Вологда : [б. и.], 1970. 539 с.
9. *Кукушкина М.В.* Пути создания рукописных собраний в северных монастырях (Соловецком, Антониево-Сийском, Николо-Корельском, Александро-Свирском) в XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград : Наука, 1972. Вып. 4. С. 105–120.
10. Лицевые апокалипсисы Русского Севера : рукописи XVII–XIX вв. из фондов Древлехранилища Пушкинского дома. Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского Дома, 2008. 175 с.
11. *Бильдюг А.Б., Бобров А.Г., Васкул А.И., Комелина Н.Г.* Обзор фольклорных и археографических экспедиций Пушкинского Дома 2008–2013 годов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 3. С. 215–224.
12. *Бернштам Т.А.* Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Ленинград : Наука, 1973. С. 5–29.
13. Русский Север: Ареалы и культурные традиции. Санкт-Петербург : Наука, 1992. 270 с.
14. Русский Север: к проблеме локальных групп. Санкт-Петербург : Наука, 1995. 320 с.
15. *Крестинин В.В.* Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1784. 69 с.
16. *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства. Времена удельно-вечегового уклада. Санкт-Петербург : Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1863. Т. 2. 456 с.
17. *Платонов С.Ф.* Прошлое Русского Севера : очерки по истории колонизации Поморья. Берлин : Обелиск, 1924. 107 с.
18. *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Москва : Синодальная типография, 1909. Т. 1. VIII, 322, 105 с.
19. *Овсянников О.В.* Средневековые города Архангельского Севера : Люди. События. Даты. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992. 349 с.
20. *Кашианов С.М., Столярова Л.В.* Еще раз о дате так называемого Сийского евангелия // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1995. Вып. 8. С. 3–48.
21. *Корчагин П.А.* Пермь. «Что в имени...» // Вестник Пермского научного центра. 2013. № 4. С. 4–21.
22. *Энгельгардт А.П.* Русский север : путевые записки. Санкт-Петербург : Изд. А.С. Суворина, 1897. 258 с.

23. Линник Ю.В. Русский Север как духовная ценность : [рецензия на кн.: Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск : Правда Севера ; Екатеринбург : УрО

РАН, 2010. 552 с.] // Открытый текст : электронное периодическое издание. URL: <http://www.opentextnn.ru/space/books/?id=4281> (дата обращения: 17.07.2018).

Terra Incognita of Russian Bibliology: On Application and Localization of the Concept of “Russian North”

Elena S. Trifilova

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia
E-mail: estrifilova@gmail.com

Abstract. *The concept of “Russian North” is actively used in the media and in scientific literature. However, only few people think about its meaning. In the field of bibliology, the uncertainty of the idea of the Russian North territory complicates the selection of material for studying the book culture of this region. Analysis of the practice of using the concept shows that this problem appeared in the 19th century, when researchers differently defined the territory of the Russian North. In most cases, they were directed by the conclusions of historical science, which included in this region all the lands ever and in any way connected with the Novgorod Republic. This stereotype, formed almost 200 years ago, still exists now. However, the data obtained as a result of archeological and historical research carried out over the last 50 years cast doubts on the validity of the Novgorod paradigm.*

In ethnography, methods of which began to be actively used in book studies in the second half of the 20th century, there is also no unified opinion on the territorial structure of the Russian North. Attempts to combine its borders with the areas of distribution of North Russian dialects and the complex of traditional North Russian household culture have shown ineffectiveness of this method in modern world.

On the one hand, new culturological theories that appeared at the cusp of the 20th–21st centuries offered new aspects for studying the Russian North, but on the other hand, they moved it into the field of abstraction, actually depriving it of its geographic boundaries. As long as the issue of the Russian North locali-

zation remains open in bibliology, this study attempts to systemize and analyze the accumulated information. As a result, the article raises questions about the necessity of further preservation of the stereotype; about the eligibility to classify to the Russian North the territories that are not related to it in terms of geography, or have a conditional relation from the point of view of history; about the rightness of application of the toponymic form of the concept in relation to the North European part of Russia, without regard to the North of Siberia. In conclusion, the article makes some correction in relation to the authorship of the term “Russian North”, which is traditionally attributed to the Civil Governor of Arkhangelsk A.P. Engelgardt.

Key words: Russian North, bibliology, archeography, ethnography, North of the European part of Russia, A.P. Engelgardt.

Citation: Trifilova E.S. Terra Incognita of Russian Bibliology: On Application and Localization of the Concept of “Russian North”, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 729–739. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-729-739.

References

1. Kalutskov V.N. *Osnovy etnokul'turnogo landshaftovedeniya: uchebnoe posobie* [Foundations of Ethnocultural Landscape Studies: tutorial]. Moscow, Moskovskogo Universiteta Publ., 2000, 94 p.
2. Zherebtsov I.L., Zhuravlev P.S., Shabaev Yu.P. “Russian North”: Cultural Boundaries and Cultural Meanings, *Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrORAN* [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], issue 71. Syktyvkar, Komi Nauchnyi Tsentr UrO RAN Publ., 2012, pp. 6–28 (in Russ.).
3. Solovyova A.N. “Russian North”: Semantic Horizons of Ethnicity in the Cultural Space, *Geokul'turnoe prostranstvo Evropeiskogo Severa: genezis, struktura, semantika: sb. nauch. statei. Po-*

- morskije chteniya po semiotike kul'tury* [Geocultural Space of European North: Genesis, Structure, Semantics: collected scientific articles. Pomor Readings on Semiotics of Culture], issue 5. Arkhangelsk, 2011, pp. 212–221 (in Russ.).
4. Barsukov N.P. *Zhizn' i trudy P.M. Stroeva* [P.M. Stroev's Life and Works]. St. Petersburg, V.S. Balasheva Publ., 1878, 668 p.
 5. Viktorov A.E. Inventories of Monastic Libraries, *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (OR RGB)* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 51, aids 5, item 34 (in Russ.).
 6. Dmitriev L.A., Kopanev A.I. Archaeographic Expedition in the Belomorsky, Kemsy and Loukhsky Districts of the Karelian ASSR in the Summer of 1959, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (TODRL)* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. XVII. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1961, pp. 531–544 (in Russ.).
 7. Malyshev V.I. Information on Collections of Manuscripts and Early Printed Books in Some Cities of the Northern Regions, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (TODRL)* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. IV. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1940, pp. 247–253 (in Russ.).
 8. *Materials on the History of the USSR European North: Northern Archaeographical Collection. Issue 1. Proceedings of the Vologda Scientific Conference on Historiography and Source Studies. December 1969.* Vologda, 1970, 539 p. (in Russ.).
 9. Kukushkina M.V. The Ways of Creation of Manuscript Collections in Northern Monasteries (Solovetsky, Antonievo-Siisky, Nikolo-Korelsky, Aleksandro-Svirsky) in the 16th Century, *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, issue 4, pp. 105–120 (in Russ.).
 10. *Illuminated Apocalypses of the Russian North: Manuscripts of the 17th–19th Centuries from the Archive of the Pushkin House.* St. Petersburg, Pushkinskogo Doma Publ., 2008, 175 p. (in Russ.).
 11. Bilyug A.B., Bobrov A.G., Vaskul A.I., Komelina N.G. Overview of the Folklore and Archeographic Expeditions of the Pushkin House in 2008–2013, *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities], 2014, no. 3, pp. 215–224 (in Russ.).
 12. Bernshtam T.A. The Role of the Upper Volga Colonization in the Russian North Development (9th–15th Centuries), *Fol'klor i etnografiya Russkogo Severa* [Folklore and Ethnography of the Russian North]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 5–29 (in Russ.).
 13. *Russian North: Habitats and Cultural Traditions.* St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, 270 p. (in Russ.).
 14. *Russian North: On the Problem of Local Groups.* St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, 320 p. (in Russ.).
 15. Krestinin V.V. *Istoricheskie nachatki o dvinskom narode drevnikh, srednikh, novykh i noveishikh vremen* [Historical Beginnings of the Dvina People of Ancient, Middle, New and Modern Times]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk Publ., 1784, 69 p.
 16. Kostomarov N.I. *Severnorusskie narodopravstva. Vremena udel'no-vechevogo uklada* [North Russian Popular Sovereignties. The Period of Domain-Veche System]. St. Petersburg, D.E. Kozhanchikova Publ., 1863, vol. 2, 456 p.
 17. Platonov S.F. *Proshloe Russkogo Severa: ocherki po istorii kolonizatsii Pomor'ya* [The Past of the Russian North: Essays on the History of Pomorye Colonization]. Berlin, Obelisk Publ., 1924, 107 p.
 18. Bogoslovsky M.M. *Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v.* [Zemstvo Self-Government in the Russian North in the 17th Century]. Moscow, Sinodal'naya Publ., 1909, vol. 1, VIII, 322, 105 p.
 19. Ovsyannikov O.V. *Srednevekovye goroda Arkhangel'skogo Severa: Lyudi. Sobytiya. Daty* [Medieval Cities of the Arkhangelsk North: People. Events. Dates]. Arkhangelsk, Severo-Zapadnoe Publ., 1992, 349 p.
 20. Kashtanov S.M., Stolyarova L.V. Once Again on the Date of the So-Called Siiskoe Gospel, *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya* [Messages of the Rostov Museum]. Rostov, 1995, issue 8, pp. 3–48 (in Russ.).
 21. Korchagin P.A. Perm. “What does the Name Mean...”, *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Perm Scientific Center], 2013, no. 4, pp. 4–21 (in Russ.).
 22. Engelgardt A.P. *Russkii sever: putevye zapiski* [Russian North: Travel Notes]. St. Petersburg, A.S. Suvorina Publ., 1897, 258 p.
 23. Linnik Yu.V. Russian North as a Spiritual Value, *Otkrytyi tekst: elektronnoe periodicheskoe izdanie* [Open Text: Electronic Periodical Publication]. Available at: <http://www.opentextnn.ru/space/books/?id=4281> (accessed 17.07.2018) (in Russ.).

УДК 316.35
ББК 60.542.22-3
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-6-740-753

А.В. КОМАРОВА

СУБКУЛЬТУРА МУЖСКИХ СОЮЗОВ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Анна Владимировна Комарова,

АО «Альфа-Банк»,
руководитель направления
Каланчевская ул., д. 27, Москва, 107078, Россия

кандидат философских наук
E-mail: Janeiro25@yandex.ru

Реферат. В настоящее время в социокультурном пространстве существует множество сообществ и субкультурных движений, привлекающих для молодых людей и направленных на молодежь. Субкультурное разнообразие, составляющее целостность культуры общества, выступает пространством формирования идентификационных моделей и альтернативой культурной унификации, которая все больше охватывает мир.

Разнообразие — источник социального развития и в условиях кардинальных культурно-ци-

вильзационных изменений, с одной стороны, требует научного осмысления для обоснования инструментов его поддержки. С другой стороны — разработки практических рекомендаций и системы мер для эффективного взаимодействия государства с субкультурными сообществами.

Немаловажную роль и активное развитие в жизни общества и в субкультурной среде получили мужские союзы. Исторически представляя собой фундаментальный социокультурный элемент общественного развития, в XXI в. они заняли социальную нишу и стали играть существенную роль в обществе.

Актуальность изучения роли мужских союзов в современном обществе обусловлена следующими факторами: 1) институт мужских союзов древних племен с их обрядами инициации получил новую форму и содержание и существует до сих пор, 2) опыт изучения роли мужских союзов показывает, что они включены в сложную систему социальных и духовных связей и внесли

ощутимый вклад в формирование определенных структур общества, став в свое время прообразом современных вооруженных сил, 3) мужские союзы, обладая в настоящее время большой сетью межличностных замкнутых связей, в том числе и на международном уровне, и устоявшейся коллективной идентичностью, оказывали и оказывают влияние на функционирование общественной системы и ее культурное и духовное содержание.

Целью настоящего исследования является описание субкультуры мужских союзов, представленных мотоклубами, а также определение методологических проблем, связанных с изучением мотосубкультуры как социокультурной составляющей общества.

Новизна статьи заключается в обобщении закономерностей жизнедеятельности современных мужских союзов как традиционных социокультурных институтов. Появление такого феномена делает важной проблему изучения возможных перспектив развития мужских союзов, их роли и места в обществе, а также взаимодействия с ними.

Ключевые слова: коллективная идентичность, мотоклуб, мужской союз, образ жизни, общество, социальные стереотипы, субкультура, эволюция.

Для цитирования: Комарова А.В. Субкультура мужских союзов как социокультурный институт в современных обществах // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 740–753. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-740-753.

Субкультурная проблематика в российских, в том числе советских, и зарубежных научных исследованиях всегда находится в центре внимания и является предметом изучения многих научных направлений — социологии, культурологии, психологии, философии, педагогики, истории и др. Но поскольку субкультура как феномен является сложным объектом и включает в себе важные социальные проблемы, то чаще всего для ее изучения приходится использовать методы различных дисциплин или мультидисциплинарность [1]. Широкое

распространение термин «субкультура» получил во второй половине XX в. с появлением большого количества разнообразных молодежных движений и объединений. Субкультура в современной науке рассматривается как общество социализации и идентификации молодых людей, обладающее собственной системой ценностей; определенными потребностями и склонностями; языком и манерами поведения, одеждой и другими внешними атрибутами и т. п. Кроме того, российский исследователь субкультур В.А. Луков, изучая современное состояние молодежных субкультур, отмечает, что субкультуры — это и поиск новых форм коллективности, зная которые яснее станет характер организованных структур в российском молодежном движении, их специфика, генезис и возможное влияние на стили жизни в ближайшие десятилетия [2].

Следует отметить, что в основе современных субкультур, как и ранее, чаще всего лежит определенная картина мира, осмысление либо переосмысление тех или иных ценностей и образа жизни, принятых в конкретном социуме. Чаще всего они связаны с такими составляющими системы ценностей, как коммуникативная — возможность удовлетворить определенную потребность (общественную либо личную); идентификационная — найти единомышленников; аксиологическая — ориентация на идеалы «героя» или «эталон для подражания».

Важно понимать, что понятие субкультуры включает в себя не только молодежные неформальные движения, но и профессиональные, национальные и другие структуры и объединения. Молодежные субкультуры являются только одной из многих составляющих разнообразного и сложного явления субкультуры в обществе.

Целью статьи является описание субкультуры современных мужских союзов, представленных мотоклубами, а также обозначение методологических проблем, которые возникают в настоящее время при исследовании мотосубкультуры как социокультурного института современного общества.

Интерес исследователей к субкультуре мужских союзов наметился в начале XX века.

Первым из европейских ученых, который обратил внимание на подобные союзы, был Г. Шурц — «Возрастные классы и мужские союзы» [цит. по: 3, с. 26]. Позже появилось «Гомеровское царство» Г. Финзлера¹ [цит. по: 3, с. 27], «Фемида» Дж. Гаррисона² [цит. по: 3, с. 28] и др. В последующие годы вышли работы антропологов и историков, посвященные конкретным типам мужских союзов и их роли в общественном развитии: примитивные союзы различных племен, спартанцы, викинги, рыцари, тайные союзы, дружины и т. п. В отечественной исторической антропологии отметим труды А.Я. Гуревича о мужских союзах Средневековья и Ю.В. Андреева о мужских союзах в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). В современных работах также рассматриваются конкретные типы мужских союзов, выделенные по разным основаниям — этнокультурным, духовно-религиозным, социальным. Так, традиционные мужские союзы Меланезии изучены А.И. Азаровым [4]; тайные сообщества — Т.В. Андреевой [5], Т.П. Хозеровой [6], А.А. Масловым [7]; викинги — И.Б. Губановым [8], Г.С. Лебедевым [9]; мужские союзы скифов и киммерийцев — А.И. Иванчиком [10]; мужские союзы горцев Кавказа — Ю.Ю. Карповым [11]; мужские сообщества донских казаков — М.А. Рыбловой [12].

Таким образом, состояние современной научной разработанности субкультуры мужских союзов позволяет заключить, что эта тема является предметом различных исследований, авторы которых выявляют сущность и трансформацию мужских союзов, особенности их мироотношения, в том числе культурные и религиозные; практики взаимодействия с обществом. Отметим доминирование работ, посвященных исчезнувшим мужским союзам, в то время как вопрос о существовании мужских союзов в современном обществе упускается из вида практически полностью. Предлагаемая статья представляет собой систематизацию представлений о мужских союзах в современ-

ном обществе, представленных мотоклубами. Основные усилия направлены на философско-культурологическое осмысление субкультуры мужских союзов.

МОТОКЛУБЫ: ОТ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ К МУЖСКОМУ СОЮЗУ

Субкультура мужских союзов в настоящее время продолжает свое существование и развивается в виде мотоклубов, появившихся ранее в среде неформальных молодежных объединений.

Байкеры или рокеры как субкультура всегда упоминались в исследованиях среди молодежных субкультур в качестве примера, но попыток осмыслить их появление, существование и развитие не было. Непосредственно в России мотоциклетное движение чаще всего относили к спортивным или музыкальным субкультурам. Вопрос о мотоклубах как современном типе мужского союза не разработан и никогда не ставился, поэтому, рассматривая байкеров как молодежную субкультуру, исследователи не пытались проследить их эволюцию в качестве нового типа мужского союза и социокультурного элемента, влияющего на общественную среду и молодых людей, хотя материал позволяет сделать это³.

В настоящее время субкультура мотоклубов — это сложная система, отвечающая характерным свойствам — коллективной идентичности с взаимосвязанностью и взаимозависимостью всех членов клубов и целостности. В клубах выстраивается жесткая социальная иерархичность и дисциплина, которые базируются на этических принципах ответственности и формируют своего рода духовное родство членов клуба и особый тип корпоративной культуры внутри клуба со своей миссией и идеалами. Следует отметить, что открытие новых отделений — это также иерархическая система, но уже на уровне клу-

¹ Г. Финзлер первый среди исследователей классической древности ввел в употребление термин «мужской союз».

² Г. Финзлер и Дж. Гаррисон показали, что мужские союзы не ограничиваются территорией Спарты и Крита.

³ Первая классификация мотодвижения, и в частности мотоклубов, была произведена в начале XX в. в США.

Мотопробег. Открытие мотосезона в Москве.
Источник: Агентство городских новостей «Москва»

бов. Раньше между клубами шло прямое противостояние, вплоть до убийств, сейчас оно сохранилось, но приобрело более цивилизованные черты⁴. Так, во всем мире, кроме России, на территории, где существует другой старый и крупный мотоклуб, невозможно открыть новый клуб либо отделение другого без согласования с более крупным клубом.

Российское мотоциклетное движение (в западной терминологии байкерское движение — байкеры⁵) зародилось в молодежной среде

⁴ Законы, негласные правила, подкуп официальных лиц, облеченных властью, публичная публикация информации о клубе и т. п.

⁵ Первые мотоклубы появились в США во второй четверти XX в., получив широкое распространение в 1960-х гг., а затем распространились за пределы Атлантики почти в неизменном виде, чаще всего это были отделения (чаптеры) американских мотоклубов. Явление получило название «американский стиль жизни байкеров».

СССР в 1980-х гг. и существует по сей день, выйдя за пределы молодежной субкультуры и сохранив в себе бунтарский дух, направленный уже не на разрушение, а на созидание. С момента возникновения первого мотоклуба в СССР прошло уже около тридцати лет, что позволяет достаточно объективно и адекватно оценить происходившее за это время и проанализировать родившийся тогда феномен. Его отличительной чертой являются, на наш взгляд, три фактора:

- ◆ материальный — наличие средства передвижения — мотоцикла;
- ◆ философский, духовный — приверженность особому мировоззрению, идеалам и системе ценностей;
- ◆ социальный и культурантропологический — одновременная принадлежность к мотосубкультуре и исторически сложившимся общественным институтам — мужским союзам.

Для раскрытия сущности современных мужских союзов обратимся к историко-культурным и социальным предпосылкам их возникновения.

Институт мужских союзов уходит своей историей во времена формирования человеческого общества, а его расцвет пришелся на эпоху Средневековья — появление рыцарских орденов. Типы мужских сообществ изменялись внешне в зависимости от смены общественного строя, но внутренняя их суть оставалась неизменной — объединение мужчин с целью и/ или во имя чего-либо.

В архаическом обществе изначально в общине существовало деление на две группы: мужчин и женщин с детьми. Связано данное размежевание большей частью с разделением социальных обязанностей внутри сообщества. С переходом к парной семье происходит выделение третьей группы — юношей-холостяков, прошедших обряд инициации. В дальнейшем именно благодаря третьей группе появляются «мужские дома» — прообразы святилищ. Существовало и дробление внутри мужских групп, в основе которого находится троичское деление: несовершеннолетние, совершеннолетние, но не женатые, взрослые семейные [3, с. 47–63].

Эволюция так называемых возрастных классов мужских союзов, их усложнение и смена типов общественного развития привели к созданию в будущем различных типов тайных союзов, каст воинов-профессионалов, военно-монашеских орденов, клубных объединений, которые стали существенно влиять на общественное и государственное развитие. Так, у племен Западной и Центральной Африки, Северной Америки мужские союзы получили свое развитие, став так называемыми тайными союзами, начиная со школьной скамьи.

В Европе, на Руси, в Средиземноморье на мужских союзах лежали, в первую очередь, военные обязанности, функции охраны порядка и судов, в мирное время — хозяйственные работы. Наследие тех времен — это викинги, рыцарские ордена у народов Европы [13, с. 120], дружины князя на Руси [14; 15], спартанцы в Средиземноморье [3, с. 108]. Эти мужские союзы заложили основу создания профессиональных армий [14].

Кроме внешней коллективной идентичности (символика и атрибутика) мужские союзы опираются и на духовную составляющую. Об этом говорит, например, тот факт, что и у язычников, и у христиан существовала символика, наделенная высшими религиозными смыслами (изображения животных, богов, Бога, знамена либо хоругви), которая всегда находилась рядом и охранялась особым образом. Позже в Европе был заложен духовный смысл в само значение «рыцарский орден» и порой он приравнивался к духовному или монашескому ордену [16, с. 144]. Последние «служили ударными войсками Католической церкви в Крестовых походах, а также стали первыми западными войсками с дисциплиной и командным офицерским составом со времен Древнего Рима» [17, с. 8].

О праведной сути всех типов мужских союзов независимо от вероисповедания свидетельствует, например, ритуал поклонения богам либо посещение церкви, погребение и поминовение усопших членов по строгому чину. В профессиональных армиях, на флоте создан отдельный институт капелланов [18].

Порождением техногенного общества и новым типом мужского союза стали мотоциклетные клубы. Так в свое время с появлением особой породы коней, специальных доспехов и оружия рыцари пришли на смену традиционной пешей дружине [13, с. 19]. Из самого названия следует, что сообщество неразрывно связано с мотоциклом и его появлением в мире. Мотоцикл стал фундаментом сначала мотоциклетной субкультуры, а потом и мужского союза.

Следует отметить, что все существующие крупные мотоклубы в момент своего создания искали своих «предков» в истории, на которых они сегодня опираются в жизни и подражают им. Зачастую это отражается в названии мотоклуба. Чаще всего ими становятся всадники, викинги, богатыри, рыцари. Опираясь на ранее существовавшие типы мужских союзов, мотоклубы заявляют о себе как об их продолжателях. Происходит так называемое «обоснование легитимности своего существования, в том числе и через укоренение в пространстве прошлого, обретение собственной истории и памяти» [19, с. 5].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОНИМАНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ ЧЛЕНА МОТОКЛУБА КАК МУЖСКОГО СОЮЗА

Формирование личностного и группового образа жизни мотоклубов, их ценностей и норм, стереотипов поведения происходило в 1950–1960-х гг. в США под воздействием медиа, в основном кинематографа. Романтизация имиджа мотоциклиста с «настоящим» символом свободы — мотоциклом привлекла в их ряды большое количество людей. В дальнейшем под влиянием изменений в социокультурной среде и ценностных ориентиров мотоклубов было развито и уточнено понятие образа жизни неklubного мотоциклиста и члена мотоклуба/мотоклубов и такие его составляющие, как «деятельность», «идентичность», «ценностные ориентации», «общение» «интересы», «символика» и т. п.

В целом влияние американского образа жизни на способы существования мотоциклистов из других стран сохранилось. По-прежнему ценностные ориентации строятся на категориях «свобода», «бунт», «братство», «романтика», «дорога». Изменилась только их смысловая наполняемость для каждого отдельного мотоциклиста и мотоклуба. В зону интересов входит в первую очередь мотоцикл, встречи с мотоциклистами, мотоциклетные мероприятия и клубные события, если речь идет о членах клуба. Образ жизни клубных мотоциклистов в данном случае — это та действительность, которая подразумевает не только единение с дорогой, мотоциклом и братьями в свободное от других дел время, участие в жизни мотоклуба — это и есть сама их жизнь и работа. Своим существованием они воплощают философию человека, свободно-

го от пут цивилизации и, вместе с тем отвечающего за себя, свои действия и клуб, способного выступить с другими единым фронтом в защиту клуба. Во взаимодействии с обществом член мотоклуба выступает не только как индивид, но и как носитель традиций и ценностей конкретного мотоклуба.

Следует отметить, что благодаря кинематографу и «сенсациям» в СМИ в межкультурной коммуникации между мотоклубами и обществом на уровне атрибутов возникли стереотипы. К ним можно отнести татуировки, свастики, черепа, длинные волосы, мотоциклы Harley-Davidson, косухи, банданы и флаг Конфедерации (красное полотнище, перечеркнутое наискосок двумя синими лентами с белыми звездами, появилось после Гражданской войны в США).

Существование данных стереотипов зачастую служит препятствием в межкультурных диалогах и в понимании роли мотоклубов как мужских союзов современности. Очевидно, что мышление стереотипами — это мышление, ограниченное тесным пространством чужой мысли, при котором утрачиваются связи и разрушается целостное истолкование

Жилет полного члена клуба (member) «Ночные Волки» с тремя нашивками.
Источник: официальный сайт мотоклуба

Символы мотоклуба — «цвета». Изображаются на флаге клуба и жилете члена клуба в виде отдельных нашивок. Существует три нашивки на жилете сзади: верхняя — название клуба, нижняя — местонахождение отделения и формация клуба, по центру — эмблема клуба. Каждая отдельная нашивка присваивается в зависимости от ранга члена клуба.

мира [20]. Поэтому, ориентируясь на стереотипы, многие формируют ошибочное представление о мотоклубах и мотомире в целом. Кроме того, стереотипные представления влияют на психологию, поведение людей и препятствуют коммуникации как внутри мотосообщества, так и вовне. Отказ от навязанных стереотипов и выход за рамки узкой социокультурной среды — это одни из способов выстраивания межкультурных контактов и эффективного взаимодействия в будущем.

В исследовании происхождения и истоков субкультуры мотоклубов как мужских союзов, а также формирования субкультуры мотоклубов в субкультуру мужских союзов были применены философско-антропологический и культурно-исторический методы.

Структурно-функциональный метод был применен для анализа феномена мужских союзов как института гражданского общества. Результатом стало понимание, что мотоклубы как тип современного мужского союза, являясь социокультурным институтом, выработали не только внутреннюю классификацию (MG (Moto Gang / мотобанда); MC (Moto Club / мотоклуб); MCC (Motor Cycles Club); MFC (Moto Fanats Club); RC (Riders Club); CMC (Club of Motor Cyclists); HDC (марка мотоцикла Harley-Davidson); OC (Owners Club); Brotherhood («братство») и др.), но опираются в своей деятельности на общепризнанные социальные категории. В первую очередь это «социальный статус», «лидерство», «личность», «коллективная идентичность», «социальное поведение», «межличностные отношения».

Символы мотоклуба называются «цвета», они изображаются на флаге клуба и жилете каждого члена в виде отдельных нашивок. Жилет у члена мотоклуба — это своеобразная форма, как у военных. Существует три нашивки, которые носят члены клуба на своем жилете сзади, они являются официальными знаками отличия клуба. Верхняя нашивка — название клуба. Нижняя нашивка — местонахождение отделения и формация клуба. Эмблема клуба по центру между двумя нашивками. Каждая отдельная нашивка присваивается по мере «выслуги лет» и в зависимости от ранга члена клуба: hangaround — нижняя нашивка и формация клуба; prospect — нижняя и верхняя нашивки; member — три на-

шивки. Эмблема клуба появляется при создании мотоклуба и несет в себе смысловую нагрузку, кроме того, закрепляются и цвета оформления эмблемы и символики клуба.

В контексте данного исследования в теоретической части использовались показатели, полученные из конкретных ситуаций и наблюдений. Из практической деятельности мужских союзов выявлялись эмпирические факты (источники, раскрывающие историю развития и современное положение мужских союзов; различные мероприятия и гражданские акции мотоклубов в России и других странах; фиксация хронологии событий и т. п.), что позволило проследить эволюцию духовно-нравственных оснований и гражданственности современных мужских союзов в России и определить влияние их деятельности на жизнь общества, особенно молодого поколения.

Систематизация данных о сущности современных мужских союзов в России и анализ их религиозно-нравственных оснований и гражданских ценностей позволяют рассматривать деятельность мужских союзов и производимое от нее влияние не только с точки зрения «продукта» субкультуры, но и как важного составного элемента социального и духовного бытия. В свою очередь, для непосредственных участников деятельности ее значимость определяется религиозными и аксиологическими ориентирами, которые могут иметь как конструктивную, так и деструктивную направленность. В масштабе общества деятельность мужских союзов предстает формой социальной самоорганизации, основанной на духовном единстве и коллективной идентичности, оказывающей посредством гражданских акций (спортивных, благотворительных, патриотических и т. п.) существенное влияние на представителей различных возрастных и социальных групп, не ограничиваясь только «территорией» мужского союза. Активная гражданская позиция и апелляция к ценностям патриотизма, солидарности и коллективной идентичности является ответом на экспансию массовой культуры и потребительский образ жизни современного общества, а также — реакцией на глобализационные процессы [21].

В России в настоящее время тип современного мужского союза представляет собой

первый на территории СССР и России мото-клуб «Ночные Волки». МС заявил о себе официально как о мото клубе России в 1989 году. В 1990-х гг. клуб стал проводить мотопробеги и мероприятия, которые позволили ему стать узнаваемым и расширить свою территорию. В конце 1990-х гг. появились первые отделения в Москве и за ее пределами. На сегодняшний день — это международный мото клуб, имеющий более 100 отделений в России и за рубежом (Белоруссия, Украина, Латвия, Македония, Сербия, Черногория, Болгария, Румыния, Австралия, Филиппины и др.) и большое количество поддерживающих мото клубов. Относительно их численности в источниках нет никаких сведений. По неподтвержденным данным из СМИ, мото клуб «Ночные Волки» насчитывает до 10 тыс. членов⁶. Постоянный рост численности мото клубов говорит о том, что они являются носителями устоявшихся ценностей и структур и нужно изучать их подробнее.

Следует отметить, что в настоящее время мото клубы как современный вид мужского союза создали свое мировоззрение, а образ жизни мото клубов позволяет говорить об американском и русском пути развития и существования мото клубов в мире, которые значительно влияют на процесс идентификации человека с обществом, традициями и культурой, на формирование духовных потребностей и поведение в обществе, в частности, молодых людей [22; 23].

Так, для американских клубов и их отделений в мире мировоззрение «вне закона» стало основой жизни. Сама деятельность по другую сторону закона породила название «преступное мотоциклетное братство»/«преступное братство на колесах», которое применяется к членам американских мото клубов и сегодня во всем мире. Около крупных клубов стали появляться кукольные-марионеточные, которые порой не знают, чем занимается головной клуб. Сюда же можно отнести support (поддерживающие) МС, являющиеся отдельным мото клубом, но носящие знаки отличия клуба, который они поддерживают [24, р. 75, 133].

⁶ Для сравнения, крупнейший в США и мире американский мото клуб Hells Angels насчитывает 35 тыс. членов по всему миру.

Не имея возможности детально описать сущность и формирование обоих путей развития в рамках данной статьи, остановимся и вкратце обозначим основные этапы развития русского пути у современного мужского союза.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ МОТОКЛУБА «НОЧНЫЕ ВОЛКИ»

Мото клуб «Ночные Волки», восприняв западную мото культуру в экстремальное время для российского общества (в том числе и в духовном плане), адаптировал ее к отечественной среде, сделав фундаментальным богатое наследие своей страны. Мото клуб как новый тип мужского союза, характерный для XXI в., отражает векторные настроения в социуме, обладает собственным имиджем и влияет на процессы, происходящие в жизни общества не только в стране, но и в мире [25, с. 73]. Отсутствие специальных научных теоретических разработок, посвященных этому социокультурному явлению, во многом определило обращение к теме исследования.

В настоящее время МС «Ночные Волки» относится к субкультурам, которые выступают антиподом гедонистическим нравственным ценностям и размыванию идентичности, а главное и основное отличие представителей данного мото клуба — это их образ жизни [26].

Несомненно, в первые годы существования российского МС «Ночные Волки» нельзя было не заметить его похожесть по атрибутике на американские мото клубы, чего не отрицают и сами русские мотоциклисты. Со временем с развитием духовной составляющей все эти атрибуты большей частью исчезли.

За десятилетия, прошедшие с момента учреждения, МС «Ночные Волки» ушли от классическо-кинематографической позиции байкеров как бунтарей и разрушителей, в которой они противостоят обществу. Сегодня время пустого протеста прошло, клуб включился в поток событий. На примере становления МС в полноценный мужской союз можно

Мотопаломники в Рождество-Богородичном Санаксарском монастыре (Республика Мордовия)

проследить созидающую силу бунта. Жажда свободы как составляющая бунта по-прежнему является для них цепью единения в полноценное крепкое мужское братство. Однако свобода заключается не в принципе «делаем что хотим» и реализации его на практике, а в свободе духа от пут цивилизации, защите внутреннего мира от соблазнов мира внешнего с обязательной ответственностью друг за друга, совершении ценностно-нравственных поступков.

К концу 1990-х гг. наметилась религиозная составляющая, появилась связь с духовной жизнью и обращение к традиционным нравственным ценностям. Кроме формирования внешней стороны российской мотокультуры, МС «Ночные Волки» сыграл существенную роль в формировании идеологии и идентификации мотодвижения на основе русских традиций. По мере развития клуба и взросления его членов происходило внутреннее преобразование. Так, если философия движения в начале пути строилась на любви к быстрой езде, свободе и проведению времени вместе со своими собратьями, то к началу 2000-х гг. близкие по духу мотоциклисты стали собираться под один штандарт — «НОЧНЫЕ ВОЛКИ» РОССИЯ». С этого момента происходит переоценка ценностей в клубе, основой мировоззрения становятся не просто нравственные ценности, а и религиозные. Существование в крепком муж-

ском братстве, которое рождается в пути, испытывая и закаляя, отсеивая и крепче объединяя, дает силы для служения этой идее. Сегодня членов клуба объединяет не просто любовь к свободе, но дружба и ответственность за свои поступки друг перед другом.

Помимо этого, существует у членов МС «Ночные Волки» и ответственность всего мотоклуба за царящие в нем нравственные отношения при взаимодействии как с отдельными социальными институтами, так и обществом в целом.

В настоящее время «Ночные Волки», представляя собой влиятельный мужской союз, стали социокультурным институтом и создали

целое явление «русские мотоциклисты», которое по-прежнему не подстраивается под переменчивое время, хранит в себе дух непокорного народа, необходимый для выживания нации в эпоху глобализации и наступления на христианские ценности. Как сказал в одном интервью Александр Хирург (лидер МС «Ночные Волки»), «сейчас особенно важно осознавать, что нам необходимо сохранить страну, и себя сохранить как нацию. <...> Мы — в России, а вся Россия испокон веков стояла на православии. Убери у нас православие — и не будет России» [27].

В своей деятельности участники мотоклуба ориентируются на «соратничество» с Русской православной церковью и акцентируют свое внимание на вопросах воспитания гражданственности у подрастающего поколения.

В «соратничестве» к основным и наиболее востребованным направлениям можно отнести: 1) популяризация хорошего практического миссионерского опыта разных епархий (крестные ходы, сотрудничество со школами и библиотеками, выезды для непосредственной встречи с населением); 2) участие в социальной и благотворительной деятельности и работа с группами социального риска; 3) выполнение интернет-миссии (создание тематических сайтов, чатов, форумов, присутствие в социальных сетях); 4) работа среди

подростающего поколения; 5) участие в акциях, направленных на сохранение традиционных ценностей и ознакомление с наследием России через православные святыни и святых, храмы и монастыри; 6) участие в общественной деятельности на различных площадках и проведение разнообразных совместных мероприятий.

Субкультура мужских союзов, идентифицирующая себя как православное сообщество, имея в своих рядах большое количество молодых людей и обладая потенциалом более открытого взаимодействия с молодежью, способствует появлению совершенно новых каналов и вариантов «сотрудничества» между церковью и молодежью.

В настоящее время к таким каналам можно отнести мотопаломничество [28]. Мотопаломничество — это своего рода реставрация конного паломнического ремесла прошлого. В ходе поездок мотоциклисты посещают русские святыни, проводят экскурсии, встречаются со школьниками, студентами, тем самым привлекая внимание к православию и служа популяризации русской культуры, истории и православия.

ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ МУЖСКИХ СОЮЗОВ

Новые вызовы XXI в. требуют прежде всего изменения стратегии, связанной с осмыслением социокультурных перемен и сохранением в этих условиях традиционных ценностей и норм, формирующих коллективную идентичность нации, а также внедрения новых институтов, реализующих на практике формирование гражданской ответственности и гражданского общества.

Для реализации воспитательного процесса в сфере гражданской ответственности в настоящее время могут быть использованы инициативы и опыт МС «Ночные Волки» в формировании базовых характеристик гражданской ответственности, таких как патриотизм, социальная активность, законопослушность, коллективная солидарность и др. МС «Ночные Волки» как потомок мужских союзов и как представитель российского общественного движения выступает в настоящее

время за гражданственность не только в своей среде, но и в обществе в целом. Привлекает к своим гражданским инициативам различные слои населения, общественные институты и институты власти. В среде русских мотоклубов явно прослеживаются тенденции к внедрению и развитию смысловых ориентиров и выстраиванию процесса передачи культурного опыта предыдущих поколений.

Способы внедрения этих инициатив и варианты сотрудничества на разных уровнях общественных и государственных отношений могут быть самыми разными. Так, очевидна недооценка в сфере наук о социуме и культуре потенциала культурных практик, используемых в мотосреде, в том числе мотопробегов — одного из видов целенаправленного ознакомления современного общества с культурно-исторической реальностью, с системой ценностей предыдущих поколений и культурным опытом участников мотоклубов как основой коллективной идентичности. Прямо прослеживается и потребность в современных формах образовательно-культурных практик, побуждающих молодое поколение изучать и исследовать окружающий мир в реальности, в развитии моделей социокультурных коммуникаций, создающих преемственность традиционных отношений и придающих процессам взаимодействия разных слоев общества гражданскую направленность.

С практической точки зрения необходимо всесторонне проанализировать социальные стереотипы и нейтрализовать острые проявления негативизма, нетерпимости во взаимоотношениях и поведении людей с мотосредой. Требуется противодействие манипулятивному использованию стереотипов о мотоклубах и мотоциклистах в общественной практике, особенно с учетом того, что число мотоциклистов — потенциальных членов мотоклуба растет. Так, на начало 2017 г. в Москве количество мототранспортных средств, зарегистрированных в ГИБДД ГУ МВД России, составило 91 тыс. 668 ед., что на 6,65% больше по сравнению с 2016 годом [29].

Кроме того, взгляд на общество через призму мотоклубов как мужских союзов, их деятельность, развитие и символику демонстрирует не только усложнение взаимодействия

внутри общества, но и отражает кризисные явления, особенно в его духовной сфере. Мотоклубы, представляя собой определенный срез современного общества и отражатель процессов, происходящих в нем, могут служить эмпирической основой для изучения происходящего в духовной жизни общества, страны, мира.

Список источников

1. Волкова Н.А., Катаева О.В., Ходанович М.А. Междисциплинарность в гуманитарном познании // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 1. С. 32–38. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-1-32-38.
2. Луков В.А. Молодежные субкультуры в современной России // Гуманитарное знание в XXI веке: В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под общ. ред. В.А. Лукова. Москва : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 478–505.
3. Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). Санкт-Петербург : Алетейя, 2004. 336 с.
4. Азаров А.И. Традиционные мужские союзы Меланезии конца XIX — середины XX в.: к вопросу о роли мужских домов, ранговых и тайных союзов в меланезийских обществах периода формирования раннеклассовых отношений: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Ленинград, 1985. 265 с.
5. Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2010. 1101 с.
6. Хозерова Т.П. Тайные общества как социально-исторический феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Нижний Новгород, 2005. 28 с.
7. Маслов А.А. Тайные общества в политической культуре Китая XX в. (конец 20-х — 80-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Москва, 1992. 372 с.
8. Губанов И.Б. Этническая культура Скандинавии эпохи викингов : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Санкт-Петербург, 2003. 237 с.
9. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. Ленинград, 1985. 286 с.
10. Иванчик А.И. Киммерейцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени (Степные народы Евразии, II) [Электронный ресурс] // Academia : сайт. URL: <http://www.academia.edu/11316735> (дата обращения: 12.09.2018).
11. Карпов Ю.Ю. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа, XIX — начало XX в.: дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07. Санкт-Петербург, 1999. 391 с.
12. Рыблова М.А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI — первой трети XIX в. : дис. ... д-ра ист. наук : 24.00.01. Волгоград, 2009. 491 с.
13. Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. Москва : Вече, 2017. 320 с.
14. Галямичев А.Н., Михайлин В.Ю. Государственная власть и традиции воинских мужских союзов в славянском мире (к постановке проблемы) // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 234–242.
15. Лисюченко И.В. Эволюция двух видов мужских союзов у восточнославянских племен // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 38. 2009. № 41 (179). С. 23–28.
16. Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. 768 с.
17. Сьюард Д. Монахи войны. История военномонашеских орденов от возникновения до XVIII века / пер. с англ. Т.М. Шуликовой. Москва : Центрполиграф, 2016. 319 с.
18. Беляков А.П. История флотского духовенства и его роль в воспитании военных моряков дореволюционной России [Электронный ресурс] // ДелоРус — портал для деловых людей России и Зарубежья. URL: <http://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=2292> (дата обращения: 13.08.2018).
19. Шуб М.Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 4–11. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-1-4-11.
20. Козлова О.Д., Киндеркнехт А.С. Феномен клипового мышления: между стереотипом и ризомой [Электронный ресурс] // Вопросы философии : сайт. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1874&Itemid=52 (дата обращения 05.10.2018).

21. Astafyeva O.N. Instability of cultural identity in the modern world and its projections in creative industries // 4-th International multidisciplinary scientific conference on social sciences & arts SGEM-2017. Book 2. Sofia : Bulgariy, 2017. P. 25–32. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/22/S06.004.
22. Астафьева О.Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории : научный альманах. 2011. Т. 5. Москва: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2011. С. 223–241.
23. Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории : научный альманах. 2010. Т. 4. С. 255–281.
24. Barker T. Biker gangs and organized crime. USA : LexisNexisGroup, 2007. 189 p.
25. Комарова А.В. Молодежные и общественные организации как универсальный социокультурный институт развития культуры гражданского участия // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития : сборник материалов и статей III Культурного форума регионов России. Москва : ИП Лядов, 2017. С. 70–73.
26. Орлова Э.А. Понятие «образ жизни» в контексте изучения социокультурной микродинамики // Обсерватория культуры. 2011. № 2. С. 28–36.
27. «Клубное пространство». Интервью с Хирургом: «...Рано или поздно мы создадим российский мотоцикл!» // Мотоклуб «Ночные Волки» : сайт. URL: <http://nightwolves.ru/nw/smi/1677/> (дата обращения: 05.10.2018).
28. Мотопаломничество «Русский Путь» : [информационное сообщение о мотопаломничестве по маршруту: Саратов – Дивеево – Городец – Сергиев Посад – Коломна – Куликово Поле, 15–21 сент. 2014] // Русская дорога : [сайт о мотопробегах мотоклуба «Ночные Волки»]. URL: <http://rusdoroga.su/russian-way/> (дата обращения: 05.10.2018).
29. Количество зарегистрированных в столице мотоциклов увеличилось на 6,7% в 2016 г. — до 91,7 тыс. единиц [Электронный ресурс]// Агентство городских новостей «Москва». 2017. 8 февр. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/2635466> (дата обращения: 05.10.2018).

The Subculture of Male Unions as a Socio-Cultural Institution in Modern Societies

Anna V. Komarova

AO “ALFA-BANK”, 27, Kalanchevskaya Str., Moscow, 107078, Russia

E-mail: Janeiro25@yandex.ru

Abstract. *At the present time, in the socio-cultural space, there are many communities and subcultural movements attractive to young people and aimed at young people. Subcultural diversity, which constitutes the integrity of society’s culture, acts as a space for the formation of identification models and an alternative to cultural unification, which is increasingly embracing the world.*

Diversity is a source of social development and, under the conditions of cardinal cultural and civilizational changes, requires scientific understanding to justify the instruments of its support, on the one hand. On

the other hand, it needs the development of practical recommendations and a system of measures for effective interaction of the state with subcultural communities.

Male unions have an important role and active development in the life of society and in the subcultural environment. Historically representing a fundamental socio-cultural element of social development, they occupied a social niche and began to play an essential role in society in the 21st century.

It is relevant to study the role of male unions in modern society because of the following factors: 1) the institution of male unions of ancient tribes, with their initiation rites, has acquired a new form and content and still exists, 2) the experience of studying the role of male unions demonstrates that they are included in a complex system of social and spiritual ties and have made a significant contribution to the formation of certain structures of society, once becoming a prototype of the modern armed forces, 3) currently possessing a large network of interpersonal closed ties,

including those at the international level, and a well-established collective identity, male unions influence the functioning of the social system and its cultural and spiritual content.

The article aims to describe the subculture of male unions represented by motorcycle clubs, as well as to determine the methodological problems associated with the study of motorcycle subculture as a socio-cultural component of society.

The novelty of the article is in the generalization of life regularities of modern male unions as traditional socio-cultural institutions. The emergence of such a phenomenon makes it important to study the possible prospects for male unions' development, their role and place in society, and interaction with them.

Key words: collective identity, motorcycle club, male union, behavior, society, social stereotypes, subculture, evolution.

Citation: Komarova A.V. The Subculture of Male Unions as a Socio-Cultural Institution in Modern Societies, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 740–753. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-740-753.

References

1. Volkova N.A., Kataeva O.V., Khodanovich M.A. Interdisciplinarity in the Humanitarian Knowledge, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2018, vol. 15, no. 1, pp. 32–38 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-1-32-38.
2. Lukov V.A. Youth Subcultures in Modern Russia, *Gumanitarnoe znanie v XXI veke: V chest' 70-letiya Igorya Mikhailovicha Il'inskogo* [Humanitarian Knowledge in the 21st Century: To the 70th Anniversary of Igor Mikhailovich Ilyinsky]. Moscow, Natsional'nogo Instituta Biznesa Publ., 2006, pp. 478–505 (in Russ.).
3. Andreev Yu.V. *Muzhskie soyuzy v doriiskikh gorodakh-gosudarstvakh (Sparta i Krit)* [Male Unions in Dorian the City-States (Sparta and Crete)]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2004, 336 p.
4. Azarov A.I. *Traditsionnye muzhskie soyuzy Melanezii kontsa XIX – serediny XX v.: k voprosu o roli muzhskikh domov, rangovykh i tainykh soyzov v melaneziiskikh obshchestvakh perioda formirovaniya ranneklassovykh otnoshenii* [Traditional Male Unions of Melanesia of the Late 19th – Mid 20th Centuries: On the Role of Male Houses, Rank and Secret Unions in Melanesian Societies during the Formation of Early Class Relations], Cand. hist. sci. diss.: 07.00.07. Leningrad, 1985, 265 p.
5. Andreeva T.V. *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie* [Secret Societies in Russia in the First Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion], Doct. hist. sci. diss.: 07.00.02. St. Petersburg, 2010, 1101 p.
6. Khozerova T.P. *Tainye obshchestva kak sotsial'no-istoricheskii fenomen* [Secret Societies as a Socio-Historical Phenomenon], Cand. philos. sci. diss. abstr.: 09.00.11. Nizhny Novgorod, 2005, 28 p.
7. Maslov A.A. *Tainye obshchestva v politicheskoi kul'ture Kitaya XX v. (konets 20-kh – 80-e gg.)* [Secret Societies in the Political Culture of China of the 20th Century (The Late 20s – 80s)], Cand. hist. sci. diss.: 07.00.03. Moscow, 1992, 372 p.
8. Gubanov I.B. *Etnicheskaya kul'tura Skandinavii epokhi vikingov* [Ethnic Culture of Scandinavia of the Viking Age], Cand. hist. sci. diss.: 07.00.07. St. Petersburg, 2003, 237 p.
9. Lebedev G.S. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope* [The Viking Age in Northern Europe], Doct. hist. sci. diss.: 07.00.03. Leningrad, 1985, 286 p.
10. Ivanchik A.I. Cimmerians and Scythians. Cultural-Historical and Chronological Problems of Archeology of the East European Steppes and Caucasus of the Pre- and Early Scythian Period (The Steppe Peoples of Eurasia, II), *Academia: website*. Available at: <http://www.academia.edu/11316735> (accessed 12.09.2018) (in Russ.).
11. Karpov Yu.Yu. *Muzhskie soyuzy v sotsiokul'turnoi traditsii gortsev Kavkaza, XIX – nachalo XX v.* [Male Unions in the Socio-Cultural Tradition of the Caucasus Highlanders in the 19th – Beginning of the 20th Century], Doct. hist. sci. diss.: 07.00.07. St. Petersburg, 1999, 391 p.
12. Ryblova M.A. *Muzhskie soobshchestva donskikh kazakov kak sotsiokul'turnyi fenomen XVI – pervoi treti XIX v.* [Male Communities of Don Cossacks as a Socio-Cultural Phenomenon of the 16th – First Third of the 19th Century], Doct. hist. sci. diss.: 24.00.01. Volgograd, 2009, 491 p.
13. Fetisov A.A., Shchavelev A.S. *Vikingi. Mezhdue Skandinaviei i Rus'yu* [The Vikings. Between Scandinavia and Russia]. Moscow, Veche Publ., 2017, 320 p.
14. Galyamichev A.N., Mikhailin V.Yu. State Power and Traditions of Military Men's Unions in the Slavic World (To the Problem Formulation), *Logos*, 2003, no. 4–5 (39), pp. 234–242 (in Russ.).

15. Lisyuchenko I.V. Evolution of the Two Types of Male Unions in East Slavic Tribes, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Vyp. 38* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. History. Issue 38], 2009, no. 41 (179), pp. 23–28 (in Russ.).
16. Huizinga J. *Osen' Srednevekov'ya* [The Autumn of the Middle Ages]. St. Petersburg, Ivana Limbakha Publ., 2016, 768 p.
17. Seward D. *The Monks of War: The Military Religious Orders*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016, 319 p. (in Russ.).
18. Belyakov A.P. The History of the Navy Clergy and its Role in the Education of Military Sailors of Pre-Revolutionary Russia, *DeloRus – portal dlya delovykh lyudei Rossii i Zarubezh'ya* [DeloRus – A Portal for Business People in Russia and Abroad]. Available at: <http://www.delorus.com/mediabrary/detail.php?ID=2292> (accessed 13.08.2018) (in Russ.).
19. Shub M.L. Social, Collective, and Cultural Memory: A New Approach to the Definition of the Semantic Borders of Concepts, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no. 1, pp. 4–11 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-1-4-11.
20. Kozlova O.D., Kinderknekht A.S. The Phenomenon of Clip Thinking: Between Stereotype and Rhizome, *Voprosy filosofii: sait* [Russian Studies in Philosophy: website]. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1874&Itemid=52 (accessed 05.10.2018) (in Russ.).
21. Astafyeva O.N. Instability of Cultural Identity in the Modern World and its Projections in Creative Industries, *4-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM-2017. Book 2*. Sofia, Bolgariya Publ., 2017, pp. 25–32. DOI: 10.5593/sgem-social2017/22/S06.004.
22. Astafyeva O.N. Collective Identity in the Conditions of Global Changes: Dynamics of the Sustainable and Acceleration of the Emerging, *Voprosy sotsial'noi teorii: nauchnyi al'manakh* [Issues of Social Theory: scientific almanac], 2011, vol. 5. Moscow, Nezavisimogo Instituta Grazhdanskogo Obshchestva Publ., 2011, pp. 223–241 (in Russ.).
23. Astafyeva O.N. Restructuring and Demarcation of Collective Identities in the Context of Globalization: The Future of National and Cultural Identity, *Voprosy sotsial'noi teorii: nauchnyi al'manakh* [Issues of Social Theory: scientific almanac], 2010, vol. 4, pp. 255–281 (in Russ.).
24. Barker T. *Biker Gangs and Organized Crime*. USA, LexisNexisGroup Publ., 2007, 189 p.
25. Komarova A.V. Youth and Public Organizations as a Universal Socio-Cultural Institution for the Development of a Culture of Civic Participation, *Obrazovanie i kul'tura: potentsial vzaimodeistviya i resursy NKO v sotsiokul'turnom razvitiy regionov Rossii. Teoriya i praktika sotsiokul'turnogo razvitiya: sbornik materialov i statei III Kul'turnogo foruma regionov Rossii* [Education and Culture: The Potential for Interaction and the Resources of Non-Commercial Organizations in the Socio-Cultural Development of Russian Regions. The Theory and Practice of Socio-Cultural Development: Collected Materials and Articles of the 3rd Cultural Forum of Russian Regions]. Moscow, IP Lyadov Publ., 2017, pp. 70–73 (in Russ.).
26. Orlova E.A. The Concept of “Lifestyle” in the Context of Studying Socio-Cultural Microdynamics, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2011, no. 2, pp. 28–36 (in Russ.).
27. “Club Space”. An Interview with the Surgeon: “... Sooner or Later We Will Create a Russian Motorcycle!”, *Motoklub “Nochnye Volki”: sait* [“Night Wolves” Motorcycle Club: website]. Available at: <http://nightwolves.ru/nw/smi/1677/> (accessed 05.10.2018) (in Russ.).
28. Motorcycle Pilgrimage “Russian Way”, *Russkaya doroga* [Russian Road]. Available at: <http://rusdoroga.ru/russian-way/> (accessed 05.10.2018) (in Russ.).
29. The Number of Motorcycles Registered in the Capital Increased by 6.7% in 2016 – up to 91,7 Thousand Units, *Agentstvo gorodskikh novostei “Moskva”* [City News Agency “Moscow”], 2017, February 8. Available at: <https://www.mskagency.ru/materials/2635466> (accessed 05.10.2018) (in Russ.).

УДК 069(091)(470.41)
ББК 79.13(2Тат)61
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-6-754-763

Н.В. ГЕРАСИМОВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЙНОГО ФОНДА И МУЗЕЕВ ТАТАРСКОЙ АССР В 1920-е ГОДЫ*

Наталья Владимировна Герасимова,
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
отдел изобразительного и декоративно-прикладного
искусства,
научный сотрудник
Карла Маркса ул., д. 12, Казань, 420111, Россия
E-mail: natal-040183@mail.ru

Реферат. Настоящая статья рассматривает один из аспектов политики советского государства первого этапа его существования, направленной на сохранение культурных ценностей и формирование музейных художественных коллекций в Татарской АССР (ТАССР, до мая 1920 г. — Казанской губернии). Освещается малоизученный вопрос об особенностях проведения данной политики в ТАССР, где в 1920-х гг. была создана целая сеть музеев, и практически

в каждом из них организован художественный отдел. Обращение к данной теме связано как с малочисленностью комплексных исследований в данной области, так и с актуальностью научной работы музеев по исследованию собственных коллекций в рамках создания Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации. Кроме того, перед вновь открывающимися музеями (государственными и частными) стоят задачи формирования собственных фондов. В статье впервые вводится в научный оборот ряд источников, на основании которых анализируются основные направления этой деятельности, а также сами художественные коллекции, сложившиеся в музейных собраниях. Уточняются представления о ме-

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-14-16022 «Роль государственной политики в формировании художественных коллекций музеев Татарстана в 1920-е гг.».

ханизме реализации одного из аспектов государственной культурной политики в ТАССР: взаимодействие с Государственным музейным фондом (ГМФ). Его осуществлял Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы, сотрудники которого (П.М. Дульский и П.Е. Корнилов) занимались не только организацией передачи в музеи художественных произведений, но и их отбором. Установлено, что благодаря деятельности ГМФ наиболее полной и ценной стала художественная коллекция Центрального музея ТАССР, интересную коллекцию удалось сформировать в Козьмодемьянском уездном музее, до 1920 г. входившем в состав Казанской губернии. Данное исследование показывает, что ГМФ являлся важным и эффективным механизмом реализации государственной политики в области культуры: его деятельность способствовала созданию в провинциальных музеях коллекций, сформированных по научным принципам и нацеленных на представление истории развития изобразительного искусства.

Ключевые слова: музейное строительство, собирательская деятельность, национализация, государственные закупки произведений искусства, Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы, Народный комиссариат просвещения ТАССР.

Для цитирования: Герасимова Н.В. Взаимодействие Государственного музейного фонда и музеев Татарской АССР в 1920-е годы // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 754–763. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-754-763.

Сегодня, в связи с открытием новых музеев, созданием Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации и проблемами формирования коллекций провинциальных музеев, все более актуальным становится изучение исторического прошлого музейного дела. Особенно интересен период 1920-х гг., ставший важнейшим этапом музейного строительства Советского государства: именно тогда выработывалась новая государственная поли-

тика в области музейного дела, закладывались основы музейной работы и определялись приоритетные направления формирования коллекций. Особого внимания заслуживает изучение роли Государственного музейного фонда (ГМФ) в формировании коллекций провинциальных музеев.

В статьях российских ученых освещались разные аспекты этой темы, в частности, история формирования конкретных музейных собраний. Так, Н.В. Углева анализирует поступления в Государственный музей мебели [1]. Вопрос о музейном строительстве в ТАССР не являлся предметом комплексного изучения исследователей, однако различные его аспекты затронуты в трудах П.М. Дульского [2], Г.А. Могильниковой [3], О.Л. Улемновой [4]. Кроме того, был составлен каталог выставки, организованной из даров ГМФ 1927 года, который П.М. Дульский дополнил достаточно подробной вступительной статьей, раскрывающей процесс комплектования дара и экспонирования произведений [5].

Впервые данная проблема была заявлена автором в статье «Художественные коллекции музеев Татарстана в 1920-е годы: цели, особенности процессов формирования и достигнутые результаты» [6], в настоящей же статье мы подробнее рассмотрим этот вопрос и раскроем вклад Государственного музейного фонда в формирование художественных коллекций музеев ТАССР (до мая 1920 г. — Казанской губернии).

СИСТЕМА ОХРАНЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Государственный музейный фонд (ГМФ) начал формироваться в 1918 г. на основе коллекций дореволюционных музеев, а также национализированных предметов, вывозившихся из дворцов, усадеб, квартир, церквей, монастырей и других учреждений, с целью хранения, инвентаризации и дальнейшего перераспределения между музеями страны. ГМФ явился одной из составных частей новой государственной системы охраны культурного

наследия Советской России, оформлявшейся в 1917–1918 годах. Основу данной системы определили несколько сменяющих и дополняющих друг друга учреждений, созданных в Москве и Петрограде. Одними из первых появились художественно-исторические комиссии, учрежденные в период лета-осени 1917 г. в Петрограде и Москве для охраны ценностей бывших дворцовых управлений, ранее находившихся в ведении Министерства императорского двора. Затем работа шла в рамках Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, созданной в ноябре 1917 года. Коллегия занималась национализацией предметов музейного значения, а затем, согласно постановлению № 371 Народного Комиссариата Просвещения РСФСР (Наркомпроса РСФСР) «Об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев» [7], разрабатывала общий план музейного строительства в соответствии с деятельностью Наркомпроса, руководила всей деятельностью культурно-исторических музеев в Москве и Петрограде непосредственно, а на местах — через губернские подотделы, издавала постановления по всем вопросам музейного дела. В мае 1918 г. в системе Наркомпроса был создан отдел охраны, учета и регистрации памятников искусства и старины, реорганизованный в 1921 г. в Главное управление по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (Главмузей), а затем — в Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) [8]. По сведениям С.И. Гореловой, после создания Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, которым заведовала Н.И. Троцкая, начал активно формироваться ГМФ, состоящий из двух секций: художественной и этнографической [8, с. 207].

Возглавляли и организовывали работу подотделов ГМФ В.И. Ерыкалов (в Петрограде) и И.Э. Грабарь (в Москве). Собранные произведения искусства отправлялись в фондовые хранилища, располагавшиеся в Петрограде: в Зимнем дворце, Кронверке, дворцах Бобринских, Шувалова, Строганова, Юсупова, особняках Мятлевых, Олив, Боткина; а также в Москве: в зданиях Английского клу-

ба и Строгановского училища, домах Зубалова, Морозова [7, с. 206]. В итоге к 1923 г. в фонде находилось около 200 тыс. предметов, приблизительно по 100 тыс. в Москве и Петрограде [8, с. 215]. Коллекции центральных и местных музеев страны пополнялись произведениями именно из этих хранилищ.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЙНОГО ФОНДА В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЕВ Г. КАЗАНИ

Казанская губерния стала регионом, в музеи которого поступило значительное количество экспонатов из Государственного музейного фонда. В губернии еще в августе 1919 г. был создан Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы (с 1 сентября 1923 г. переименованный в Музейную комиссию). Отдел формировался из специалистов различных гуманитарных наук и первоначально состоял из заведующего (профессор Б.Ф. Адлер, этнограф) и четверых членов: двух профессоров К.В. Харламповича (археолог) и А.М. Мирнова (искусствовед); художника В.П. Соколова и искусствоведа, специалиста по архитектуре П.М. Дульского [9]. В феврале 1922 г. место заведующего занял архитектор В.В. Егерев, что было связано с отъездом Б.Ф. Адлера за границу. Позже появились ученый секретарь (искусствовед П.Е. Корнилов) и хранитель имущественного фонда (В.Г. Геркен), этнограф Н.И. Воробьев, археолог В.Ф. Смолин и историк К.С. Губайдуллин. Работа последних, правда, была непродолжительной, и к 1926 г. основными сотрудниками остались лишь В.В. Егерев и П.Е. Корнилов, но имелись еще разъездные инструкторы — М.И. Лопаткин, В.В. Перцов, П.А. Радимов [10].

Деятельное участие в формировании этой структуры принял заместитель заведующего Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР

И.Э. Грабарь, который уже в 1919 г. привез в дар Казанскому губернскому музею¹ от Всероссийской коллегии по делам музеев «целый транспорт картин и гравюр» [2, с. 42–43]. Это поступление, приуроченное к 25-летию музея, отмечавшегося 18 апреля 1920 г., явилось одним из самых значительных. В него входили 9 икон новгородского письма, составлявшие Деисусный чин, а также живописные произведения: «Март» В.К. Бялыницкого-Бирули (1914); «Чебоксары» Ф.В. Васильева (?); «Зимний мотив» С.Ю. Жуковского (1901?); «Пейзаж. Этюд» неизвестного художника (предположительно П.А. Нилуса. — *Н. Г.*); «Пристань на Волге» П.И. Петровичева (1903?); «Голова казака. Этюд» И.Е. Репина (1910); «Розы» К.А. Коровина, (1916) и 15 офортов В.Д. Фалилеева [2, с. 42–43]. Как отмечал П.М. Дульский, благодаря этому дару в музейном собрании удалось представить деятельность «Союза русских художников» [2, с. 43], ранее в нем не отраженную. В том же году в музей из ГМФ поступила представительная коллекция западноевропейской гравюры из собраний Румянцевского музея и Эрмитажа: работы А. Бока, Хесселя, Стефано дела Беллы, А. Дюрера и М. Раймонди, — всего более 30 работ [11, с. 13–18].

Следует отметить, что значительная часть поступлений из ГМФ была приурочена к упомянутому юбилею музея. Так, следующая передача художественных ценностей из московского отделения Государственного музейного фонда состоялась в апреле 1920 г. [6, с. 54]. На этот раз Центральному музею Татарской АССР (ЦМТР) были переданы 25 произведений художников и скульпторов, преимущественно входивших в авангардные объединения «Бубновый валет» и «Ослиный хвост», представляющих развитие в искусстве абстракционизма, супрематизма и имажинизма. Среди них: «Портрет» М.Ф. Ларионова; «Еврей» и «Пей-

заж» Н.С. Гончаровой; «Портрет» А.В. Грищенко; «Натюрморт» А.А. Осмеркина; «Светопись» О.В. Розановой; «Леда и лебедь» С.Т. Коненкова; «Леда» А.М. Гюрджана и другие работы. Интересно, что в документе об отобранных для передачи произведениях [12] стоит подпись заведующего музейным бюро А.М. Родченко, который получил образование в Казанской художественной школе и, вероятно, был неплохо знаком с музейным собранием, а потому проводил передачу исходя из действительных потребностей музея.

Подобное поступление экспонатов осуществлялось и в соответствии с концепцией «Музеев живописной культуры», утвержденной 7 февраля 1919 г. Отделом изобразительных искусств Наркомпроса РСФСР (возглавляемого Д.Д. Штеренбергом). Согласно ей, в стране необходимо было открыть музеи, по словам В.В. Кандинского, раскрывающие «историческое развитие живописи с точки зрения превращения материала ... в чисто живописное явление. Музей необходим для масс, которые до сих пор ни в одной стране не имели собрания, могущего открыть им путь в ту область живописи, без которой полное понимание искусства немислимо» [13, с. 19].

В это же время состоялась еще одна интересная передача художественных произведений, до революции находившихся в собрании московского купца, уроженца г. Чистополь Казанской губернии — Е.Д. Мясникова. Переехав в Москву, Мясников увлекся современным искусством и начал собирать коллекцию, мечтая открыть в родном городе художественную галерею [14, с. 75]. Видимо сотрудники Всероссийской коллегии по делам музеев это учли: дар предназначался не только ЦМТР, но и краеведческому музею города Чистополя, что отражено в акте передачи произведений из хранилища ГМФ представителю казанского подотдела по делам музеев А.Н. Тришевскому [15]. При этом в Казань направлялось лишь 10 полотен, в Чистополь же — 62. Благодаря коллекции Е.Д. Мясникова музейные фонды пополнились произведениями художников объединений «Голубая роза» (П.С. Уткина, В.И. Денисова); «Бубновый валет» (И.И. Машкова, П.П. Кончаловского); импрессионистов (И.Э. Грабаря и Н.В. Мещерина); символистов (К.Ф. Богаев-

¹ Музей был основан в 1894 г., и на протяжении своей истории назывался по-разному: Городской научно-промышленный музей (1919); Казанский губернский музей (1919–1920); Центральный музей Татарской АССР (ЦМТР, 1920–1944); Государственный музей Татарской АССР (1944–1981); Государственный объединенный музей ТАССР, с 1990 — ТССР (1981–1992); Государственный объединенный музей Республики Татарстан (1992–2001); Национальный музей Республики Татарстан (с марта 2001).

ского), а также авангардистов (Н.В. Синезубова, А.В. Шевченко) и других авторов. Данный факт красноречиво свидетельствует о том, что политика национализации во многом была нацелена на спасение частных художественных собраний от гибели в сложное революционное время и первые годы советской власти.

Следующий дар (30 картин) был сформирован из хранившегося в Третьяковской галерее собрания С.А. Бахрушина, откуда в казанский музей были переданы работы К.А. Коровина, А.Н. Бенуа, А.Я. Головина, Л.С. Бакста и др. [16], пополнивших коллекцию произведений художников «Мира искусства», формирующуюся в музее с 1919 г. благодаря ГМФ.

В общей сложности в Казанский губернский музей в честь его 25-летия из хранилищ ГМФ было передано более 130 работ художников разных направлений и стилей (от иконописи до авангарда), созданных в широкий исторический период — от Древней Руси до 1900-х годов. Особое внимание при этом уделялось художественным объединениям рубежа XIX—XX вв. и начала XX столетия: «Миру искусства», «Союзу русских художников», «Голубой розе», «Бубновому валету».

Оценку этим дарам как важнейшим поступлениям в музей и ценнейшей части его коллекции дают Г.А. Могильникова [3, с. 12] и О.Л. Улемнова, подчеркнувшая, что именно они послужили пропаганде в Казани авангардных течений искусства и имели «далеко идущие цели создания в Казани <...> Музея художественной культуры» [17, с. 12]. Такие музеи планировалось открыть в крупных городах страны. Все присланные работы были продемонстрированы на масштабной «Первой государственной выставке искусства и науки в Казани», организованной для красноармейцев и рабочих города в 1920 г. [18].

К концу 1920-х гг., после распределения частных национализированных коллекций начинается перераспределение фондов столичных музеев в региональные музейные собрания [6, с. 54]. На этом этапе в Центральный музей Татарской Республики (ЦМТР) летом 1927 г. поступило 39 произведений, ранее находившихся в собраниях Третьяковской галереи, Цветковской галереи, Румянцевского музея, Музея новой западной живописи, Строгановского училища и Оружейной палаты [19].

Следует отметить тщательную подготовку этой передачи, проводившуюся почти год: из сотрудников Наркомпроса РСФСР была сформирована специальная методологическая комиссия, изучившая каталоги музейного собрания с целью выяснения действительных нужд музея. В комиссию вошли Б.П. Денике, А.М. Эфрос и другие специалисты. Б.П. Денике был хорошо знаком с музейной коллекцией, поскольку в 1920 г. работал в художественном отделе ЦМТР, а А.М. Эфрос успел ознакомиться с ней во время своего приезда в Казань в 1926 г. на Музейную конференцию.

Затем в Москву был командирован сотрудник Казанского подотдела по делам музеев и хранитель художественного отдела ЦМТР П.М. Дульский для ознакомления с отобранными в Москве материалами и корректировки окончательного списка картин [5, с. 3–4]. Как отмечает П.М. Дульский, комиссия при составлении списка ставила целью ликвидацию пробелов в собрании художественного отдела музея, и «как раз, с этой стороны особенно заметным недочетом ... являлся период передвижничества», поэтому комиссия старалась по возможности «предоставить музею образцы живописи этой эпохи» [5, с. 4]. Музейное собрание дополнили картины И.А. Айвазовского, А.П. Боголюбова, Ф.А. Васильева, И.И. Левитана, И.М. Пряшникова, В.Д. Поленова и другие работы. Кроме того, в продолжение линии по формированию коллекции произведений искусства рубежа XIX—XX вв., были переданы работы художников объединений «Мир искусства» и «Союза русских художников» — М.В. Нестерова, В.А. Серова, С.Ю. Жуковского.

В феврале 1930 г. художественные произведения по линии Государственного музейного фонда поступили в ЦМТР последний раз. Это были 16 картин художников конца XIX — начала XX столетий А.И. Аничкова, И.И. Бродского, Н.И. Кульбина, Н.Д. Милиоти, В.А. Серова, И.Е. Репина и др. из фондов Русского музея [20]. На этот раз организатором этой передачи выступил ученый секретарь казанского подотдела по делам музеев Татарского народного комиссариата просвещения и хранитель отдела древнерусского искусства ЦМТР П.Е. Корнилов, впоследствии переехавший в Ленинград и ставший научным сотрудником Русского музея.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЙНОГО ФОНДА В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КАНТОННЫХ МУЗЕЕВ ТАССР

Усилия казанского Отдела по делам музеев способствовали тому, что уже в конце 1919 — начале 1920 г. в уездных городах Казанской губернии — Козьмодемьянске, Цивильске, Елабуге, Краснококшайске, Чебоксарах, Тетюшах открывались музеи, в составе которых формировались художественные отделы. С упразднением Казанской губернии и основанием Татарской Республики музеи, находившиеся в западной части губернии, были изъяты из ведения Казанского музейного отдела, перед которым встал задача по созданию сети новых музеев в кантонных² городах ТАССР — Спасске, Свияжске, Лаишеве, Мензелинске и Бугульме [21, с. 144]. Художественные коллекции перечисленных музеев формировались в первую очередь из ресурсов созданного в 1919 г. Казанского губернского музейного фонда, комплектовавшегося художественными произведениями из национализированных в Казанской губернии помещичьих усадеб, реквизированными из частных квартир, церквей, монастырей, образовательных, научных и других учреждений и даже из ячеек Казанского отделения Государственного банка. Известно при этом несколько попыток пополнить фонды кантонных музеев произведениями из Государственного музейного фонда.

Одна из них была связана с упомянутым выше даром ГМФ чистопольскому краеведческому музею 60 художественных произведений из коллекции Е.Д. Мясникова. Вероятно, обеспечить в Чистопольском музее безопасность коллекции такого уровня представлялось невозможным, поэтому члены Казанско-

го отдела по делам музеев приняли решение оставить ее в Казани и передать все произведения в фонды ЦМТР, что соответствовало положениям декрета СНК РСФСР от 05.10.1918 «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений».

Лишь в один кантонный музей — Козьмодемьянский³ удалось передать произведения из ГМФ, что, видимо, было связано с дружескими отношениями его основателя А.В. Григорьева с членами Казанского музейного отдела, и заведующим музейным бюро Наркомпроса А.М. Родченко, с которым они вместе учились в Казанской художественной школе. Следует отметить, что эти работы отправили в Козьмодемьянск 22 мая 1920 г.: через два дня после провозглашения ТАССР и отделения от нее Козьмодемьянского уезда. Благодаря этому дару, организация которого без сомнения проходила при участии Казанского отдела по делам музеев, Козьмодемьянск получил 40 графических работ художников «Мира искусства» и новейших авангардных течений: М.А. Врубеля, С.В. Малютина, А.В. Шевченко, А.М. Родченко, В.Ф. Степановой, В.Д. Фалилеева, Н.В. Синезубова, В.В. Кандинского [22].

Сотрудники Казанского отдела по делам музеев и в дальнейшем предпринимали попытки взаимодействия с ГМФ [6, с. 56]. Об этом свидетельствует сохранившийся в Государственном архиве Республики Татарстан⁴ запрос в Музейный отдел Главнауки РСФСР от 24.12.1927 г. на выделение из ГМФ экспонатов для коллекций кантонных музеев республики — Тетюшского, Свияжского, Елабужского, Чистопольского. При этом в запросе отмечалось, что «желательно получить: картины русских школ, гравюры, фарфор, хрусталь и проч.» [23]. От-

³ Ныне — Козьмодемьянский художественно-исторический музей им. А. В. Григорьева. Основан в 1919 г. как краеведческий музей с художественным отделом; в 1920 г. музею присвоено имя А.В. Григорьева.

⁴ Национальный архив Республики Татарстан ведет свою историю от губернского архива, преобразованного в 1920 г. (в связи с образованием Татарской АССР) в Татцентрархив с подчинением Наркомпросу ТАССР. Он назывался также Центральным государственным архивом Татарской АССР (1941), Центральным государственным архивом Республики Татарстан (1992).

² Кантон — административно-территориальная единица в составе Татарской АССР, существовавшая в 1920–1930 годах.

вета на этот запрос не удалось найти в архивах, как и соответствующих произведений — в музейных фондах, что, по всей видимости, связано с реорганизацией Музейного отдела Главнауки.

Таким образом, на протяжении 1919–1930 гг. из Государственного музейного фонда в Центральный музей ТАССР поступило более 180 художественных произведений, которые полностью изменили эту музейную коллекцию. Они дополнили хранившееся в музее художественное собрание А.Ф. Лихачева (преимущественно представлявшее западноевропейское искусство и отдельные произведения русского), а также переданное городу Казанским отделом по делам музеев собрание О.С. Александровой-Гейнс (русское искусство XIX в.), состав которых определялся художественным вкусом и пристрастиями бывших владельцев. В итоге была сформирована художественная коллекция, отражающая все этапы развития искусства (с древности до новейших течений начала XX в.).

Следует отметить, что в 1919 — начале 1920-х гг., в музеи в первую очередь передавались произведения современного искусства с акцентом на авангардные направления. Это было связано с превалированием в Отделе ИЗО Наркомпроса РСФСР художников-авангардистов, выработавших и реализовавших идею создания музеев живописной культуры, призванных убедительно представить закономерность рождения авангардного искусства. В конце 1920-х гг. концепция изменилась — в связи с борьбой с «левыми течениями» в искусстве основным направлением пополнения коллекций стало творчество художников-реалистов. Тем не менее сохранился научный принцип формирования музейных коллекций, согласно которому они должны отражать процесс исторического развития искусства. В результате реализации этой политики в ТАССР наиболее цельной стала художественная коллекция Центрального музея Татарской Республики, в полной мере отразившая историю развития, в первую очередь, отечественного изобразительного искусства.

Формирование художественных коллекций прочих казанских и районных музеев Татарстана было достаточно спорадическим и,

за несколькими исключениями, не вышло на уровень, к которому изначально стремились организаторы советского музейного строительства. Данная государственная политика, эффективным инструментом реализации которой стал Государственный музейный фонд, безусловно, носила прогрессивный характер и способствовала как сохранению культурных ценностей, так и приобщению к художественной культуре широких народных масс в самых отдаленных уголках страны.

Список источников

1. Углева Н.В. Государственный Музей мебели // Обсерватория культуры. 2015. № 4. С. 64–69. DOI: 10.25281/2072-3156-2015-0-4-64-69.
2. Дульский П.М. Новые приобретения художественного отдела Казанского Губернского музея // Казанский музейный вестник 1920. № 1–2. С. 35–46.
3. Могильникова Г.А. История формирования коллекции русской живописи Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан // Русское искусство XVII — начала XX века. Живопись : каталог. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. Казань : Kazan-Казань, 2005. С. 9–15.
4. Улемнова О.Л. Татарстан республикасы дәүләт сынлы сәнгать музее тупланмасында илебезнең 1910–1920 еллар авангард сәнгате // Фәнни Татарстан. 2017. № 3. Б. 150–156. Татар. яз.
5. Выставка картин, выделенных Государственным музейным фондом Москвы Центральному музею ТАССР / [сост. А.А. Девишев] ; вступительный текст: П. Дульский. Казань : Полиграфшкола им. А.В. Луначарского, 1927. С. 3–6.
6. Герасимова Н.В. Художественные коллекции музеев Татарстана в 1920-е годы: цели, особенности процессов формирования и достигнутые результаты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. Ч. 4. С. 52–56.
7. Постановление Народного Комиссариата Просвещения об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев : Статья № 371 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управ-

- ление делами Совнаркома СССР. Москва, 1943. С. 553–554. URL. : <http://istmat.info/node/38309> (дата обращения: 20.05.2018).
8. Горелова С.И. Музейный фонд в первые годы советской власти (1917 – 1925) // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация : сб. статей. Москва : Искусство, 1990. [Вып.] 13. С. 203–216.
 9. Объяснительная записка к смете, предоставленной Казанским губернским подотделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Казанской губернии // Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРПК НБЛ КФУ). Д. 2540. Л. 217.
 10. Протокол 25 совместного заседания коллегии Казанского подотдела и Совета общества археологии, истории и этнографии 11 августа 1920 г. // Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 271. Оп. 1. Д. 162. Л. 62.
 11. Вербина О.Г. К истории формирования коллекции графики Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан в 1920-е годы // Первые Казанские искусствоведческие чтения : материалы науч.-практ. конф. (Казань, 10–12 сентября 2009 г.). Казань : Мир дизайна, 2011. С. 10–18.
 12. Список картин и скульптур, отобранных из Государственного Художественного Фонда Отдела изобразительных искусств Наркомпроса для пополнения Музея в г. Казани // Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 2021. Оп. 1, Д. 14. Л. 8–9.
 13. Кандинский В.В. Музей живописной культуры // Художественная жизнь. 1920. № 2. С. 18–20.
 14. М.Х. Хроника // Казанский музейный вестник № 3–4. 1920. С. 72–75.
 15. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 2021. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2.
 16. Список картин из собрания б. С.А. Бахрушина, переданных из помещения Государственной Третьяковской галереи, по постановлению Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, в Казанский музей // Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 2021. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–4.
 17. АРХУМАС : [Казанские архитектурно-художественные мастерские] : Казанский авангард 20-х, Гос. музей изобразительных искусств Респ. Татарстан, г. Казань, Галерея «Арт-Диваж», г. Москва, 28 апреля – 6 июня 2005 / [И.И. Галеев и др.]. Москва : Галерея «Арт-Диваж» : Скорпион, 2005. С. 7–18.
 18. Первая государственная выставка искусств и науки в Казани : каталог. Казань : Первая гос. тип. 1920. 92 с.
 19. Акт № 667 // Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 2021. Оп. 1, Д. 78. Л. 43–44.
 20. Акт [от 14 февраля 1930 г.] // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 2021. Оп. 1. Д. 114. Л. 162.
 21. М.Х. Хроника // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 143–145.
 22. Список рисунков и гравюр № 22, отданных из Государственного художественного фонда Отдела изобразительных искусств Наркомпроса для пополнения музея в гор. Козьмодемьянске // Документальный фонд МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс».
 23. [Запрос] В Музейный отдел Главнауки РСФСР // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 3682. Оп. 1. Д. 1185. Л. 79.

The Interaction of the State Museum Fund and Museums of the Tatar ASSR in the 1920s

Natalia V. Gerasimova

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of

Tatarstan, 12, Karla Marksa Str., Kazan, 420111, Russia
E-mail: natal-040183@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to one of the Soviet State's policy directions at the first stage of its existence, aimed at the preservation of cultural values and the formation of museum art collections.*

The poorly studied question about the features of this policy implementation is revealed on the example of the TASSR (Kazan Province – before May 1920), where in the 1920s a whole network of museums was created; almost in each of them, an art department was organized. The appeal to this topic is relevant in connection with the opening of a large number of public and private museums, which face similar challenges, as well as the active scientific activities of museums to study their own collections, in the framework of creation of the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation. For the first time, the article introduces into scientific circulation a number of sources, on the basis of which the main directions of this activity, as well as the museums' art collections themselves, are analyzed. In the TASSR, the interaction with the State Museum Fund (SMF) was carried out by the Department for Museums and Protection of Monuments of Art, Antiquities and Nature, employees of which (P.M. Dul'sky and P.E. Kornilov) were engaged not only in organization of the artworks' transferring to museums, but also in their selection. The article states that, thanks to the SMF, the Central Museum of the TASSR had the most complete and valuable art collection, and an interesting collection was formed in the Kozmodemyansky District Museum, which was part of the Kazan Province until 1920. This study shows that the SMF was an important and effective mechanism for the implementation of state policy in the field of culture: its activities contributed to the creation of provincial museums' collections, based on scientific principles and aimed at presenting the history of fine arts development.

Key words: museum construction, collecting activities, nationalization, government procurement of works of art, Department for Museums and Protection of Monuments of Art, Antiquities and Nature, People's Commissariat for Education of the TASSR.

Citation: Gerasimova N.V. The Interaction of the State Museum Fund and Museums of the Tatar ASSR in the 1920s, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 6, pp. 754–763. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-754-763.

Acknowledgements.

The study is carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research

and the government of the Republic of Tatarstan, within the framework of scientific project No. 17-14-16022.

References

1. Ugleva N.V. The State Museum of Furniture, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2015, no. 4, pp. 64–69 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2015-0-4-64-69.
2. Dul'sky P.M. New Acquisitions of the Art Department of the Kazan Provincial Museum, *Kazan'skii muzeinyi vestnik* [Kazan Museum Bulletin], no. 1–2, 1920, pp. 35–46 (in Russ.).
3. Mogilnikova G.A. The History of Formation of the Collection of Russian Painting of the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan, *Russkoe iskusstvo XVII – nachala XX veka. Zhivopis': Katalog. Gosudarstvennyi muzei izobrazitel'nykh iskusstv Respubliki Tatarstan* [Russian Art of the 17th – Early 20th Century. Painting: Catalogue. State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan]. Kazan, Kazan-Kazan' Publ., 2005, pp. 9–15 (in Russ.).
4. Ulemnova O.L. Domestic Avant-Garde Art of the 1910–1920s in the Collection of the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan, *Scientific Tatarstan*, 2017, no. 3, pp. 150–156 (in Tatar).
5. Dul'sky P.M. *Vystavka kartin, vydelennykh Gosudarstvennym muzeinym fondom Moskvy Tsentral'nomu muzeyu TASSR* [Exhibition of Paintings Allocated by the State Museum Fund of Moscow to the Central Museum of the TASSR]. Kazan, Poligrafshkola im. A.V. Lunacharskogo Publ., 1927, pp. 3–6.
6. Gerasimova N.V. Art Collections of Museums of Tatarstan in the 1920s: Objectives, Features of Formation Processes, and the Results Achieved, *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 12, part 4, pp. 52–56 (in Russ.).
7. Resolution of the People's Commissariat of Education. On Unification of the Activities of Art and Cultural-Historical Museums: Article № 371, *Sobranie zakononii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1919 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [Collection of Laws and Orders of the Government for 1919. Administration of the Council of People's Commissars of the USSR]. Moskva, 1943, pp. 553–554. Avail-

- lable at: <http://istmat.info/node/38309> (accessed 20.05.2018) (in Russ.).
8. Gorelova S.I. The Museum Fund in the First Years of Soviet Power (1917 – 1925), *Khudozhestvennoe nasledie: khranenie, issledovanie, restavratsiya: sb. statei* [Artistic Heritage: Storage, Research, Restoration: collected articles]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990, issue 13, pp. 203–216 (in Russ.).
 9. Explanatory Note to the Estimate Provided by the Kazan Provincial Sub-Department for Museums and Protection of Monuments of Art and Antiquities in the Kazan Province, *Otdel rukopisei i redkikh knig nauchnoi biblioteki im. N.I. Lobachevskogo Kazanskogo federal'nogo universiteta (ORRK NBL KFU)* [Department of Manuscripts and Rare Books of the N.I. Lobachevsky Scientific Library of the Kazan Federal University], fol. 2540, p. 217 (in Russ.).
 10. Minutes of the 25th Joint Meeting of the Board of the Kazan Sub-Department and the Council of the Society of Archeology, History and Ethnography of August 11, 1920, *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan (GART)* [State Archive of the Republic of Tatarstan], coll. 271, aids 1, fol. 162, p. 62 (in Russ.).
 11. Verbina O.G. On the History of Formation of the Graphics Collection of the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan in the 1920s, *Pervye Kazanskije iskusstvovedcheskie chteniya: materialy nauch.-prakt. konf. (Kazan', 10–12 sentyabrya 2009 g.)* [Proceedings of the Sci.-Prac. Conf. “First Kazan Art History Readings” (Kazan, September 10–12, 2009)]. Kazan, Mir Dizaina Publ., 2011, pp. 10–18 (in Russ.).
 12. The List of Paintings and Sculptures Selected from the State Art Fund of the Department of Fine Arts of the People’s Commissariat of Education to Replenish the Museum in Kazan, *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan (GART)* [State Archive of the Republic of Tatarstan], coll. 2021, aids 1, fol. 14, pp. 8–9 (in Russ.).
 13. Kandinsky V.V. Museum of Painting Culture, *Khudozhestvennaya zhizn'* [Artistic Life], 1920, no. 2, pp. 18–20 (in Russ.).
 14. M.Kh. Chronicles, *Kazanskii muzeinyi vestnik* [Kazan Museum Bulletin], no. 3–4, 1920, pp. 72–75 (in Russ.).
 15. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan (GART)* [State Archive of the Republic of Tatarstan], coll. 2021, aids 1, fol. 14, pp. 1–2.
 16. The List of Paintings from S.A. Bakhrushin’s Collection Transferred from the Premises of the State Tretyakov Gallery, by Order of the Department of Museums and Protection of Monuments of Art and Antiquities of the People’s Commissariat of Education, to the Kazan Museum, *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan], coll. 2021, aids 1, fol. 14, pp. 3–4 (in Russ.).
 17. ARKhUMAS: *Kazanskii avangard 20-kh, Gos. muzei izobrazitel'nykh iskusstv Resp. Tatarstan, g. Kazan', Galereya “Art-Divazh”, g. Moskva, 28 aprelya – 6 iyunya 2005* [Kazan Architectural-Artistic Workshop: The Kazan Avant-Garde of the 1920s, the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan, Kazan, Gallery “Art-Divage”, Moscow, April 28 – June 6, 2005]. Moscow, Galereya “Art-Divazh” Publ., Skorpion Publ., 2005, pp. 7–18.
 18. *Pervaya gosudarstvennaya vystavka iskusstv i nauki v Kazani* [The First State Exhibition of Arts and Science in Kazan]. Kazan, Pervaya Gosudarstvennaya Tipografiya Publ., 1920, 92 p.
 19. Act № 667, *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan], coll. 2021, aids 1, fol. 78, pp. 43–44 (in Russ.).
 20. Act, *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan], coll. 2021, aids 1, fol. 114, p. 162 (in Russ.).
 21. M.Kh. Chronicles, *Kazanskii muzeinyi vestnik* [Kazan Museum Bulletin], 1921, no. 1–2, pp. 143–145 (in Russ.).
 22. List of Drawings and Engravings № 22, Given from the State Art Fund of the Department of Fine Arts of the People’s Commissariat of Education to Replenish the Museum in Kozmodemyansk, *Dokumental'nyi fond MU “Koz'modem'yanskii kul'turno-istoricheskii muzeinyi kompleks”* [Documentary Fund of the Municipal Institution “Kozmodemyansky Cultural and Historical Museum Complex”] (in Russ.).
 23. To the Museum Department of the Chief Science of the RSFSR, *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan], coll. 3682, aids 1, fol. 1185, p. 79 (in Russ.).

УКАЗАТЕЛИ МАТЕРИАЛОВ,

ОПУБЛИКОВАННЫХ В 1—6 НОМЕРАХ ЖУРНАЛА
«ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ» ЗА 2018 ГОД

Содержание по разделам

● КОНТЕКСТ

1. *Алексеев-Апраксин А.М., Богданова Р.Ю.* Кластерный подход в отечественной урбанистике. — 4, 413–421.
2. *Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В.* Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития. — 5, 516–531.
3. *Каширина О.В.* Практическая философия управления коммуникацией в контексте культуры времени. — 1, 13–20.
4. *Левицкий В.С.* Логика истории Запада: три эпохи. — 3, 260–270.
5. *Оганезов А.Э.* Современные направления развития визуальной антропологии. — 2, 141–147.
6. *Ройфе А.Б.* Векторная концепция истории М.С. Кагана в контексте мировой и отечественной историографии. — 4, 388–401.
7. *Савицкая Т.Е.* Сдвиг парадигм: библиотеки в контексте цифровых гуманитарных наук (зарубежный опыт). — 5, 532–541.
8. *Судакова Н.Е.* Инклюзия как ценностное ядро философии гуманизма. — 1, 21–31.
9. *Тимошук Е.А.* Наследие Рудольфа Отто в феноменологии культуры. — 1, 4–12.
10. Традиционная культура и современное образование: проблемы, традиции, инновации. — 3, 271.
11. *Фортулатова В.А., Валеева Е.В.* Архетипизация как идеология и технология образовательного процесса. — 6, 644–657.
12. *Шведова И.В.* Этнокультурная идентичность как реальность социального самопонимания. — 2, 148–153.
13. *Шеманов А.Ю.* Политика в отношении Другого: между функционализмом и структурализмом. — 2, 132–140.
14. *Ярославцева Е.И.* Наука как игра естественного интеллекта. — 4, 402–412.

● КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

15. *Алабдалла Н.* Формирование речевой культуры арабского театра в контексте языковой ситуации. — 4, 436–443.
16. *Андреева И.В.* Документная сущность музейного предмета: культурологический подход. — 1, 39–47.
17. *Аскарлова В.Я., Синецкий С.Б., Цукерман В.С.* Стимулы чтения в системе социокультурной регуляции читательской деятельности. — 5, 542–555.
18. *Волкова Н.А., Катаева О.В., Ходанович М.А.* Междисциплинарность в гуманитарном познании. — 1, 32–38.
19. *Горбунова А.В.* Электронные издания по культуре и искусству в библиотеках России (по материалам всероссийских смотров-конкурсов). — 6, 658–667.
20. *Злотникова Т.С., Летина Н.Н.* Российский дискурс массовой культуры в фокусе социокультурного исследования. — 4, 422–435.
21. *Куклинская М.Я.* Опера и «режиссерский» театр XXI века. — 3, 272–281.
22. *Онуфриенко Г.Ф.* Добровольцы-кибернавигаторы в библиотеке. — 3, 282–288.
23. *Строева О.В.* Гиперреалистическое тело в современной культуре. — 2, 154–160.
24. Творческий потенциал России: региональные проекты развития культурной среды. — 3, 289.
25. *Чудинова В.П.* Чтение и литературные предпочтения школьников поколения Z: социокультурный контекст. — 6, 668–681.
26. *Шуб М.Л.* Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска). — 2, 161–169.

● В ПРОСТРАНСТВЕ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

27. *Астафьева О.Н., Кузьмина Н.В.* «Интересное» в эстетическом ландшафте города. — 6, 693–707.
28. *Бу И.* Система микрографики и визуальная практика «новой волны»: к определению принципов современного дизайна. — 3, 290–297.

29. *Карцева Е.А.* Медиакоммуникации в движении искусства и художников. — 2, 170—177.
30. *Кириллова Н.Б.* Гуманистические принципы Чингиза Айтматова в экранной интерпретации: диалог культур. — 5, 556—565.
31. *Оганезов А.Э.* Междисциплинарность и совместное кинопроизводство в антропологическом кино. — 6, 682—692.
32. *Сапожникова Ю.Л.* Человек в антиутопическом мире: подходы У. Голдинга и К. Маккарти. — 5, 566—575.
33. *Ушкарев А.А.* Аудитория художественного музея: аргументы потребительского выбора. — 4, 444—459.
34. *Ушкарев А.А.* Культурный капитал как драйвер потребления искусства. — 2, 178—187.
35. *Фиденко Ю.Л.* Песенный литургический гимн и пути развития жанра в современной практике Римско-католической церкви. — 2, 188—193.
36. *Шогенова Л.А.* Особенности социальной коммуникации и этикета в китайской культуре: традиционные основы и современность. — 4, 460—467.
- **НАСЛЕДИЕ**
37. *Дегтярев В.В.* Готическое возрождение и возможность «выживания» готики. — 5, 576—583.
38. *Ендольцева Е.Ю.* Группа рельефов из поселка Мрамба (Республика Абхазия): уточнение датировки. — 6, 719—728.
39. *Ендольцева Е.Ю.* Храм Лашкендар и абхазо-аланские культурные контакты: перспективы исследования. — 3, 298—308.
40. *Иванова С.В.* Иконография Воскресения: к вопросу о времени возникновения и древних памятниках. — 1, 48—57.
41. *Киселева Н.А.* Филокартическая коллекция псковского профессора Ю.М. Мухина. — 3, 321—329.
42. *Максимова Г.А.* Судьба главного иконостаса церкви Трех Святителей у Красных ворот. — 2, 194—205.
43. Научное цитирование: РИНЦ, Web of Science, Scopus. — 4, 479.
44. *Панкина Е.В.* Музыкальная иконография частных покоев *studiolo* и *grotta* Изабеллы д'Эсте. — 4, 468—478.
45. *Плешкевич Е.А.* Отношение древних греков к письму: тайна одной загадки. — 6, 708—718.
46. *Трифилова Е.С.* Terra incognita отечественного книговедения: к вопросу о применении и локализации концепта «Русский Север». — 6, 729—739.
47. *Устюгова А.В.* Древнерусские иконографические памятники XV в. как источник сведений о смычковых инструментах. — 1, 58—65.
48. *Яйленко Е.В.* «Портал» в прошлое: приемы изобразительной передачи пространства в венецианской миниатюре эпохи Возрождения. — 3, 309—320.
- **ИМЕНА. ПОРТРЕТЫ**
49. *Бабичева М.Е.* Эволюция творчества В.Б. Свена: от очерков и рассказов до большой эпической формы. — 3, 330—339.
50. *Берестовская Д.С.* Философско-этические интенции героического в раннем творчестве Л.Н. Толстого. — 5, 592—598.
51. *Воронина Н.Е.* Контекст творческой судьбы Марии Кнебель: учителя и ученики. — 3, 340—349.
52. *Завьялова А.Е.* Гравюры по рисункам Адольфа Менцеля в творчестве Александра Бенуа. — 1, 74—81.
53. *Завьялова А.Е.* Произведения А.С. Пушкина в графике М.В. Добужинского. — 5, 584—591.
54. *Капица В.Ф.* Портрет Германна в «Пиковой даме» А.С. Пушкина в визуальной репрезентации художником. — 2, 214—221.
55. *Красиков В.И.* Пушкин как «ведатель жизни»: основные профили в амальгаме пушкинских философских предпочтений. — 2, 206—213.
56. *Ломоносов А.В.* Эпистолярный контрапункт в полемических произведениях В.В. Розанова (по материалам отдела рукописей Российской государственной библиотеки). — 4, 480—489.
57. *Остроумова Т.О.* Журнал «Новый мир» А.Т. Твардовского в мемуарах. — 5, 599—607.
58. *Павлинов П.С.* Творчество Е.Е. Лансере в Грузинской демократической республике (1920—1921 гг.). — 2, 222—229.

59. *Суховейко Р.Я.* Музыкальная коллекция графа Михаила Клеофаса Огинского из собрания Российского государственного архива древних актов в Москве. — 1, 66–73.
60. *Сыченкова Л.А.* Синтетический метод в историко-культурных исследованиях И.И. Иоффе 1930–1940-х годов. — 1, 82–89.

● КАФЕДРА

61. *Бакина О.В.* Дополнительное образование как основной ресурс развития сферы культуры. — 2, 230–237.
62. *Гнатик Е.Н.* Роль информационных технологий в культурном пространстве высшего образования: миф и реальность. — 4, 490–501.
63. *Комарова А.В.* Субкультура мужских союзов как социокультурный институт в современных обществах. — 6, 740–753.
64. Научное цитирование: РИНЦ, Web of Science, Scopus. — 1, 97.
65. *Шабшаевич Е.М.* Стимулирующий фактор или искусственный отбор: стипендии в Московской консерватории до 1917 года. — 1, 90–96.

● ORBIS LITTERARUM

66. *Анисимова Т.В.* Неизвестная запись Ореста Настурела в «Поучениях огласительных» Феодора Студита. — 3, 350–357.
67. *Дуликов В.З.* Монография об истоках книжной культуры [Рец. на кн. Ю.Н. Столярова «Истоки книжной культуры». Челябинск: ЧГИК, 2017]. — 2, 245–249.
68. *Зайцев В.С.* Для кого писал А.П. Чехов? Истинное и ложное в актуализации классики. — 4, 502–511.
69. *Ларикова Ю.А.* Литературный миф о Факундо Кирогге в культурной картине мира аргентинцев. — 2, 238–244.
70. Научное цитирование: РИНЦ, Web of Science, Scopus. — 5, 621.
71. *Остроумова Т.О.* Мемуары и записные книжки как источник для исследования творчества А.В. Вампилова. — 1, 98–105.
72. *Попова О.Д.* Читательский интерес семинаристов в период общественного подъема во второй половине XIX — начале XX века. — 5, 608–620.

73. *Столяров Ю.Н.* Книга о происхождении якутов и их традиционной культуры [Рец. на кн. А.И. Гоголева «Происхождение народа саха и его традиционной культуры». Якутск, 2018]. — 3, 358–363.

● СВЯЗЬ ВРЕМЕН

74. *Аббасова Г.Э.* Неизвестные страницы творческой командировки Петра Староносова и Николая Котова на Памир в 1932 году. — 5, 632–639.
75. *Белозор А.Ф.* Малый исторический город как объект культурного наследия. — 5, 622–631.
76. *Герасимова Н.В.* Взаимодействие Государственного музейного фонда и музеев Татарской АССР в 1920-е годы. — 6, 754–763.
77. *Дегтярев В.В.* Архитектор Огастес Уэлби Нортмор Пьюджин и категории «историзма». — 3, 364–373.
78. *Долгова Е.А.* Власть, ЦЕКУБУ и творческая интеллигенция в социально-экономических обстоятельствах 1920-х гг.: позиции, статусы, декорации. — 1, 119–127.
79. *Ли Ц.* Становление и развитие национального вида музыкальной драмы чуйчуй-цян в области Дали провинции Юньнань. — 1, 106–111.
80. *Ломоносов А.В.* В.В. Розанов о «последних временах» России в конце Первой мировой войны. — 2, 250–255.
81. *Марголина Д.С.* Об актуализации памятников промышленной архитектуры XIX–XX веков. — 3, 374–383.
82. *Плеханова А.С.* Влияние религиозного фактора на благотворительность и меценатство во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях (вторая половина XIX — начало XX в.). — 1, 112–118.

● К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

83. Требования к информации и статьям, предоставляемым для публикации в журнале «Обсерватория культуры». — 1, 128; 2, 256; 3, 384; 4, 512; 5, 640; 6, 768.
84. Указатели материалов, опубликованных в 1–6 номерах журнала «Обсерватория культуры» за 2018 год [составитель Ю.Н. Баранчук]. — 6, 764.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ, СОСТАВИТЕЛЕЙ

Аббасова Г.Э. 74
Алабдалла Н. 15
Алексеев-Апраксин А.М. 1
Андреева И.В. 16
Анисимова Т.В. 66
Аскарлова В.Я. 17
Астафьева О.Н. 2, 27
Бабичева М.Е. 49
Бакина О.В. 61
Баранчук Ю.Н. 84
Белозор А.Ф. 75
Берестовская Д.С. 50
Богданова Р.Ю. 1
Бу И. 28
Валеева Е.В. 11
Волкова Н.А. 18
Воронина Н.Е. 51
Герасимова Н.В. 76
Гнатик Е.Н. 62
Горбунова А.В. 19
Дегтярев В.В. 37, 77
Долгова Е.А. 78
Дуликов В.З. 67
Ендольцева Е.Ю. 38, 39
Завьялова А.Е. 52, 53
Зайцев В.С. 68
Злотникова Т.С. 20

Иванова С.В. 40
Капица В.Ф. 54
Карцева Е.А. 29
Катаева О.В. 18
Каширина О.В. 3
Кириллова Н.Б. 30
Киселева Н.А. 41
Комарова А.В. 63
Красиков В.И. 55
Кузьмина Н.В. 27
Куклинская М.Я. 21
Ларикова Ю.А. 69
Левицкий В.С. 4
Летина Н.Н. 20
Ли Ц. 79
Ломоносов А.В. 56, 80
Максимова Г.А. 42
Марголина Д.С. 81
Никонорова Е.В. 2
Оганезов А.Э. 5, 31
Онуфриенко Г.Ф. 22
Остроумова Т.О. 57, 71
Павлинов П.С. 58
Панкина Е.В. 44
Плеханова А.С. 82
Плешкевич Е.А. 45
Попова О.Д. 72

Ройфе А.Б. 6
Савицкая Т.Е. 7
Сапожникова Ю.Л. 32
Синецкий С.Б. 17
Столяров Ю.Н. 73
Строева О.В. 23
Судакова Н.Е. 8
Суховейко Р.Я. 59
Сыченкова Л.А. 60
Тимошук Е.А. 9
Трифилова Е.С. 46
Устюгова А.В. 47
Ушкарев А.А. 33, 34
Фиденко Ю.Л. 35
Фортунова В.А. 11
Ходанович М.А. 18
Цукерман В.С. 17
Чудинова В.П. 25
Шабшаевич Е.М. 65
Шведова И.В. 12
Шеманов А.Ю. 13
Шлыкова О.В. 2
Шогенова Л.А. 36
Шуб М.Л. 26
Яйленко Е.В. 48
Ярославцева Е.И. 14

*Указатели подготовил Ю.Н. Баранчук,
главный специалист отдела периодических изданий
Российской государственной библиотеки*

ТРЕБОВАНИЯ К ИНФОРМАЦИИ И СТАТЬЯМ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

Редакция принимает только оригинальные, не опубликованные ранее научные статьи и иные материалы научного характера по культуре и искусству в соответствии с тематикой основных разделов. Текст статьи направляется через систему электронной редакции на сайте <http://observatoria.rsl.ru> в формате Microsoft Word.

Весь текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 12 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Объем статьи – от 18 до 30 тысяч знаков с пробелами (без учета реферата, ключевых слов, примечаний, списка источников).

СТРУКТУРА ТЕКСТА:

Сведения об авторе/авторах – имя, отчество, фамилия, место работы (в именительном падеже), подразделение, должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты, почтовый адрес организации – размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности.

Индексы УДК и ББК (по Средним таблицам), раскрывающие тематическое содержание статьи.

Название статьи.

Реферат – краткое изложение статьи по следующей структуре: актуальность проблематики и новизна решения, главные содержательные аспекты. Объем – 200–250 слов. Размещается после названия статьи.

Ключевые слова по содержанию статьи (8–10 слов) размещаются после реферата.

Основной текст статьи желательно разбить на подразделы (с подзаголовками).

Список источников (не менее 20 наименований) оформляется в соответствии с принятым стандартом (ГОСТ Р 7.0.5–2008), выносится в конец статьи. Источники даются в порядке упоминания в статье. Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница]. При оформлении списка источников автоматическая нумерация текстового редактора не используется.

Примечания нумеруются арабскими цифрами, оформляются как автоматические сноски в конце страницы. Если работа выполнена в рамках гранта РФНФ (или другой организации), эта информация приводится в виде первого примечания к названию статьи.

Подписанные подписи оформляются по схеме: название/номер иллюстрации – пояснения к ней (что/кто изображен, где; для изображений обложек книг и их содержимого – библиографическое описание; и т. п.). Имена файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы предоставляются в электронной форме отдельными файлами через систему электронной редакции как дополнительные материалы в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 400 dpi, не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в Microsoft Word, а также их ксерокопий.

Материалы на английском языке – информация об авторе/авторах (в том числе официальное название учреждения на английском языке), название статьи, реферат, ключевые слова (в том же объеме и порядке, как в русском тексте) – в отдельном файле Microsoft Word через систему электронной редакции как дополнительные материалы. Журнал также публикует список источников на английском языке в целях обеспечения отслеживания цитируемости в международных базах данных. Рекомендации по подготовке раздела References опубликованы на сайте журнала.

Предоставляя свои статьи в журнал, авторы гарантируют, что они обладают исключительными правами на передаваемый для публикации материал, который является их оригинальным, нигде ранее не публиковавшимся произведением. Правовые вопросы, связанные с публикацией в журнале, включая обязательства сторон (автора и издателя), регулируются на основе Публичной оферты и подписанного автором Акцепта.

Полная версия Требований опубликована на сайте журнала: <http://observatoria.rsl.ru/>

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных требований, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

МОСКВА

Издательство «Согласие»

2019 г. — 846 с.

ISBN 978-5-907038-18-9

Приобрести
Энциклопедию
«Прикладная
культурология»

по издательской цене
можно в издательстве
«Согласие» в Москве.

Цена 1 экземпляра —
1 500 руб.

Для преподавателей
и студентов — скидки
30 и 40% соответственно.

Возможна курьерская
и почтовая доставка
(в указанную цену
не входит)

Контакты для связи

Телефон:

+7 916 629 99 63

Электронная почта:

so-glasie2014@yandex.ru

НОВАЯ КНИГА

ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Сост. и науч. редактор

д.филос.н., проф. И.М. БЫХОВСКАЯ

Энциклопедия включает более 150 статей, в которых представлены основные направления и базовые параметры одной из составляющих культурологического знания — прикладной культурологии, а также осуществлен краткий экскурс в историю ее становления в отечественной науке. Авторами раскрываются возможности прикладной культурологии для анализа и решения актуальных социальных проблем через выявление культурных факторов, смыслов, культурных компонентов в структуре самых разных социальных практик и областей. Статьи сгруппированы в 5 тематических разделов (с алфавитным принципом внутри каждого):

- I. Теоретико-методологические контексты развития прикладных культурологических исследований*
- II. Инструментарий прикладной культурологии*
- III. Культурологические концепты, значимые для практико-ориентированного анализа*
- IV. Социокультурное пространство: предметные поля прикладной культурологии*
- V. Социальные практики в культурологическом измерении*

Издание, сочетающее информационно-справочный и проблемно-исследовательский подходы, предназначено для всех, кто интересуется вопросами практического использования богатого арсенала культурологии, — исследователей, экспертов, преподавателей и студентов, специалистов, не безразличных к осмыслению своей профессиональной деятельности в контексте культуры.

ИМЕНА

КНИЖНЫЙ КЛУБ

ЧТЕНИЕ - РОСКОШЬ, ДОСТУПНАЯ ВСЕМ!

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ЛЕНИНА

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
САД

ПАМЯТНИК
Ф.М. ДОСТОВСКОМУ

МАНЕЖ

КУТАФЬЯ БАШНЯ
ВХОД В МУЗЕЙ
МОСКОВСКОГО
КРЕМЛЯ

ВХОД В МАГАЗИН

ИМЕНА

ВОЗДВИЖЕНКА, Д. 1

ЧАСЫ РАБОТЫ

МАГАЗИНА

(10:00 – 22:00)

8 495 792 21 85

ПЕТРОВЕРИГСКИЙ ПЕРЕУЛОК, Д. 4,
СТРОЕНИЕ 4 (ФИЛИАЛ)

ИСКУССТВО

В НОВОМ ФОРМАТЕ

iPad
ВЕРСИЯ ЖУРНАЛА

ИСКУССТВО
ИЗДАЕТСЯ С 1811 ГОДА
НЕВИДИ
МЫЕ
ГОРОДА
ИТАЛИИ

ЧАСТЬ II

СКАЧИВАЙТЕ
НОВЫЙ НОМЕР

Available on the
App Store

УПРАВЛЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Дополнительное
профессиональное образование специалистов
библиотечно-информационной деятельности

РГБ

Профессиональная переподготовка

Повышение квалификации

Очная
форма обучения

Очно-заочная
форма обучения
с использованием
дистанционных
технологий

ЛЕНИНКА
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

www.leninkabooks.rsl.ru

сувенирная продукция РГБ

УЧЕБНЫЙ
ЦЕНТР

www.edu.rsl.ru

учебная литература

литература по искусству

подарочные издания

репринтные издания

художественная литература

МЕЖБИБЛИОТЕЧНЫЙ
АБОНЕМЕНТ

www.udo.rsl.ru

Предоставление экземпляров
из отечественных и зарубежных библиотек

Информационно-библиографические
услуги

ПОЛИГРАФИЯ
КОПИРОВАНИЕ, ОЦИФРОВКА

www.udo.rsl.ru

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖУРНАЛА «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

Журнал «Обсерватория культуры» адресован исследователям, преподавателям и учащимся в сфере культурологии, искусствоведения и философии, а также широкой читательской аудитории.

Журнал в печатной форме распространяется через подписные агентства, его можно приобрести на крупных книжных выставках-ярмарках, в рамках некоторых культурологических конференций, а также в редакции.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА

Приобрести отдельные номера журнала можно в розничном магазине Российской государственной библиотеки по адресу:

Воздвиженка ул., д. 3/5, 1 подъезд.

Не только приобрести отдельные номера, но и оформить договор подписки можно в редакции по адресу:

Воздвиженка ул., д. 1

(вход со стороны ул. Моховая, от поста охраны позвонить).

тел.: +7 (499) 557-04-70, доб. 11-75

e-mail: bvdgovor@rsl.ru

ПОДПИСНЫЕ АГЕНТСТВА

◆ Подписные индексы по Объединенному каталогу «Пресса России» — 12141 (полугодовой), 93613 (годовой).

◆ Подписку на журнал можно оформить через любое подписное агентство, работающее в Вашем регионе.

В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ

Платная полнотекстовая версия журнала «Обсерватория культуры» (в цифровой форме) доступна на сайтах агентств-распространителей. У некоторых есть возможность не только подписки, но и приобретения и последующего скачивания отдельных номеров журналов или статей:

◆ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25173>

◆ East View «Библиотечное дело и информационное обслуживание» (UDB-LIB) <http://ebiblioteka.ru/browse/publication/32347>

◆ Агентство «Книга-Сервис»: «Пресса по подписке» <http://www.akc.ru/rucont/itm/279322/>

◆ Национальный цифровой ресурс Руконт <http://rucont.ru/efd/279322>

Редакция журнала ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Главный редактор

Никонорова Екатерина Васильевна,
доктор философских наук, профессор

Заместитель главного редактора — ответственный секретарь

Шибяева Екатерина Александровна

Заместитель заведующей отделом периодических изданий — заместитель главного редактора

Гаджиева Анна Аркадьевна

Редакторы: Баранчук Е.П.,

Волхонская Е.Н., Михайлова Т.М.,

Рыжкова Н.О., Солдаткина О.П.

Электронная версия

Баранчук Ю.Н.

Индексирование Адаменко А.С.

Перевод: Зуев А.Е.

Маркетинг и реклама:

Амелина М.Н.

Начальник отдела предпечатной

подготовки Медведева Т.Т.

Верстка Епифанова Н.В.

Дизайн макета Морозова Е.С.

Набор: Медведева М.А., Подоляк Н.В.

Технический редактор Соловьева Н.В.

Корректоры: Дедова Н.В.,

Коршунова Г.В., Макаров А.Н.

Адрес Редакции:

Отдел периодических изданий

Воздвиженка ул., д. 3/5,

Москва, 119019, Россия,

тел.: +7 (499) 557-04-70, доб. 11-75

e-mail: observatoria@rsl.ru

<http://observatoria.rsl.ru>

Чтобы перейти на сайт журнала, снимите этот QR-код с помощью смартфона или планшета, предварительно установив приложение типа QR Code Reader.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77С16687 от 10 ноября 2003 г.

Издается с 2004 г.

Учредитель и издатель

ФГБУ «Российская государственная библиотека»

Подписано в печать 28.12.2018

Формат 60×90/8. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 16. Тираж 350 экз.

Гарнитура: «Octava», «Helios»

Отпечатано в соответствии с предостав-

ленными материалами в ООО «Амирит»

Чернышевского ул., д. 88,

Саратов, 410004, Россия

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru <http://amirit.ru>

Заказ №

Свободная цена.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов статей и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных. Все права защищены, перепечатка статей (полная или частичная) допускается при условии письменного разрешения редакции.

ISSN 2072-3156 (PRINT)
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 15

6/2018

OBSERVATORY
OF CULTURE

